

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФИЯ

и культура

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 02-01-2026

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Попов Евгений Александрович, доктор философских наук,
popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2454-0757

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 02-01-2026

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Popov Evgenii Aleksandrovich, doktor filosofskikh nauk, popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2454-0757

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Горохов Павел Александрович – доктор философских наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Лаврова Светлана Витальевна – доктор искусствоведения, доцент кафедры музыкального образования, член Союза композиторов России, проректор по научной работе и развитию Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой. 191023, Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, дом 2. E-mail: science@vaganovaacademy.ru

Штейнер Евгений Семенович – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Российского института культурологии, профессор-исследователь Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета (г. Лондон, Великобритания). 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Трубочкин Дмитрий Владимирович – доктор искусствоведения, проректор Высшей школы сценического искусства, профессор кафедры зарубежного театра Российского института театрального искусства. Малый Кисловский пер., 6, Москва, 125009

Леняшин Владимир Алексеевич – академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Азарова Валентина Владимировна – доктор искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет искусств, профессор кафедры органа, клавесина и карильона, 199034, г. Санкт-Петербург, 9-я линия Васильевского острова, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института открытого образования Московского государственного областного технологического университета (МГОТУ), «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070, Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Попов Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Popov.eug@yandex.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056 Астрахань, улица Татищева 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет м. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты Ростовской области, профессор, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – Доктор философских наук, доцент, Зав. кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ" Кафедра: философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Наб., 7/9

Апресян Рубен Грантович – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Аршинов Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Берд Роберт (Bird Robert) – доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Гиренок Фёдор Иванович – доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской

государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариэ (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607 Cedex.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) — доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Обермайр Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Слонди Берлинского свободного университета. Freie Universität Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195 Berlin

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фрайденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чиковачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Усачев Александр Владимирович - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии социальных наук и журналистики, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина" 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, дом 28.1 E-mail: a.usacev@mail.ru

Швыдкой Михаил Ефимович - доктор искусствоведения, профессор, научный руководитель Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, МГУ имени М.В.Ломоносова, 27, корпус 4 (Шуваловский корпус). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Жабский Михаил Иванович — доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии экранного искусства Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А. Герасимова. 125009, Россия, г. Москва, Дегтярный переулок, 8, строение 3.

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, профессор Институт Славянской культуры РГУ им А.Н. Косыгина. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Заховаева Анна Георгиевна - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ивановская государственная медицинская академия» Минздрава России. 153012, Российская Федерация, Ивановская область, г. Иваново, Шереметевский проспект, 8. E-mail: ana-zah@mail.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российской государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Бааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российской государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5
galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanova@kolesnikova.red

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, вns, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор, 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, igorbelyaev@list.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге,, профессор, 460040, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, Y.Griber@gmail.com

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009, Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологдина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Касаткина Светлана Сергеевна - доктор философских наук, Череповецкий государственный университет, профессор , 162600, Россия, Вологодская область, г. Череповец, ул. Шекснинский проспект, 25, SvetlanaCH5@rambler.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, jvlarin@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, Oskar46@mail.ru

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край область, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, krasfilmanager@gmail.com

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российский государственный университет им. А Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, Infotatiana-p@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, skorokhod71@mail.ru

Спирова Эльвира Маратовна - доктор философских наук, профессор, ФГБУН Институт философии Российской академии наук, сектор истории антропологических учений, руководитель сектора

Council of editors

Gorokhov Pavel Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvgu.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Svetlana V. Lavrova — Doctor of Art History, Associate Professor of the Department of Music Education, member of the Union of Composers of Russia, Vice-Rector for Research and Development of the Vaganova Academy of Russian Ballet. 2, Zodchego Rossi str., St. Petersburg, 191023. E-mail: science@vaganovaacademy.ru

Evgeny S. Steiner — Doctor of Art History, Chief Researcher at the Russian Institute of Cultural Studies, Research Professor at the School of Oriental and African Studies at the University of London (London, UK). 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Trubochkin Dmitry Vladimirovich — Doctor of Art History, Vice-Rector of the Higher School of Performing Arts, Professor of the Department of Foreign Theater The Russian Institute of Theatrical Art. Maly Kislovsky Lane, 6, Moscow, 125009

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Azarova Valentina Vladimirovna – Doctor of Art History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Faculty of Arts, Professor of Organ, Harpsichord and Carillon Department, 199034, St. Petersburg, 9th line of Vasilievsky Island, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Open Education of the Moscow State Regional Technological University (MGOTU), "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University"". 141070, Moscow region, Korolev, Gagarina str., 42 zumsiu@yandex.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Popov Evgeny Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of General Sociology, Altai State University, 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61.

Popov.eug@yandex.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056 Astrakhan, 20a Tatishcheva Street, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich – Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, M. I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University in Shakhty, Rostov region, Professor, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, ul. Bursatsky descent, 4, prof.artemenko@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET" Department: Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya Nab., 7/9

Ruben Grantovich Apresyan – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Arshinov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Fyodor Ivanovich Girenok – Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin – Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny perelok, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) – doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607 Cedex.

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Cognitive Theory Sector of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Obermayr Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scandi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195 Berlin

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the

Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Usachev Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of Social Sciences and Journalism, I.A. Bunin Yelets State University 399770, Lipetsk region, Yelets, 28.1 Kommunarov str. E-mail: a.usacev@mail.ru

Shvydkoi Mikhail Efimovich - Doctor of Art History, Professor, Scientific Director of the Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanities (Faculty) Lomonosov Moscow State University; 119991, Russian Federation, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, Lomonosov Moscow State University, 27, Building 4 (Shuvalov Building). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Mikhail Ivanovich Zhabsky — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology of Screen Art of the All-Russian State University of Cinematography named after S.A. Gerasimov. 125009, Russia, Moscow, Degtyarny lane, 8, building 3.

Portnova Tatiana Vasilyevna - Doctor of Art History, Professor at the Institute of Slavic Culture of the Kosygin Russian State University. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Zakhovaeva Anna Georgievna - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities of the Ivanovo State Medical Academy of the Ministry of Health of Russia. 8, Sheremetyevo Avenue, Ivanovo, Ivanovo region, 153012, Russian Federation. E-mail: ana-zah@mail.ru

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 12 Studentskaya str., Vladimir, Vladimir Region, 600005, Russia, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor, 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, igorbelyaev@list.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Laboratory of Color, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, Y.Griber@gmail.com

Gryaznova Elena Vladimirovna - Doctor of Philosophy, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Professor, 603009, Russia, Nizhny Novgorod, Vologda str., 1 B, office 49, egik37@yandex.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Kasatkina Svetlana Sergeevna - Doctor of Philosophy, Cherepovets State University, Professor, 162600, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sheksninsky Prospekt str., 25, SvetlanaCH5@rambler.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 58 Kommunarov str., Yelets, Lipetsk Region, 399770, Russia, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, 4 Farman Salmanova str., Tyumen, Tyumen Region, 625000, Russia, jvlarin@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, Oskar46@mail.ru

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai region, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, krasfilmanager@gmail.com

Portnova Tatiana Vasiliyevna - Doctor of Art History, Kosygin Russian State University,

Professor, 127282, Russia, Moscow, Moscow, ul. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 k 4, Infotatiana-p@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 4 Bardina str., Saratov, 410035, Russia, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, 99 Ladozhskaya str., Penza, 440071, Russia, Penza Region, Penza, skorokhod71@mail.ru

Elvira Maratovna Spirova - Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Sector of the History of Anthropological Studies, Head of the Sector

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

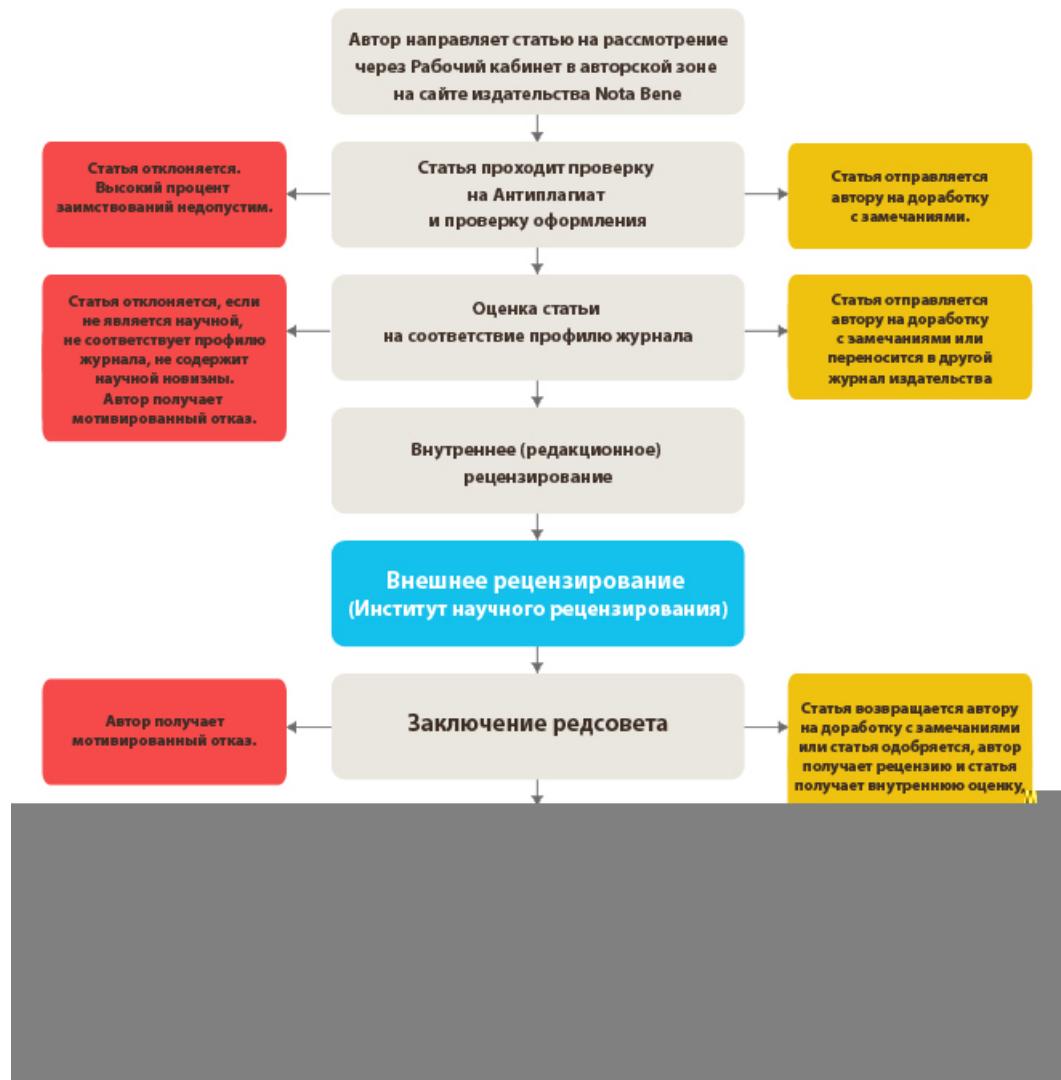
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Пэн Ч. Народ и народные сюжеты в Пекинской опере	1
Ба В. Храм - Музей Будды Цзисинь	10
Грибков А.А., Зеленский А.А. Знания, мышление и управление	29
Новикова В.С. Звуковые практики коммеморации в публичном пространстве: социально-философский анализ аудиальных форм поминовения	49
Яо Ч. Лилун и хутун как прототипы возрастно-дружелюбной улицы: сравнительное архитектурно-культурное исследование	68
Дейкун И.Д. Неклассическая эстетика в культурной антропологии Клиффорда Гирца	79
Чжан Ю. Символическая структура Инь и Ян как интегративный принцип традиционной китайской культуры	90
Руцинская И.И. Эпистолярная самопрезентация М.В. Ломоносова: конструирование идентичности учёного в русской культуре XVIII века	102
Фilonенко Н.С., Казакова Н.Ю. К возможности «телесно-ориентированного» дизайна: экологическая перспектива	114
Саяпин В.О. К онтологии цифровой чувствительности: Симондон, Латур и Стиглер о новой перцептивной грамматике	124
Англоязычные метаданные	146

Contents

Peng C. The people and folk themes in Beijing opera	1
Ba W. Temple - Buddha Museum Jixin	10
Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Knowledge, thinking, and management	29
Novikova V.S. Sound practices of commemoration in public space	49
Yao Z. Lilong and Hutong as Prototypes of an Age-Friendly Street: A Comparative Architectural and Cultural Study	68
Deikun I.D. Non-classical aesthetics in the cultural anthropology of Clifford Geertz	79
Zhang Y. The symbolic structure of Yin and Yang as an integrative principle of traditional Chinese culture	90
Rutsinskaya I. The Epistolary Self-Presentation of M.V. Lomonosov: The Construction of the Scientist's Identity in 18th Century Russian Culture	102
Filonenko N.S., Kazakova N.Y. Towards the possibility of "bodily-oriented" design: an environmental perspective	114
Sayapin V.O. On the Ontology of Digital Sensitivity: Simondon, Latour, and Stiegler on a New Perceptual Grammar	124
Metadata in english	146

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Пэн Ч. Народ и народные сюжеты в Пекинской опере // Философия и культура. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.12.77194 EDN: OAALQT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77194

Народ и народные сюжеты в Пекинской опере

Пэн Чэнь

кандидат культурологии

соискатель; институт философии; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, линия Менделеевская, д. 5

✉ st112974@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Эстетика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.12.77194

EDN:

OAALQT

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2025

Дата публикации:

11-12-2025

Аннотация: В данной статье представлен детальный анализ эволюционного развития Пекинской оперы, с особым вниманием к произведениям, в которых центральной темой является изображение персонажей из низших социальных слоев, ранее не находивших должного отражения в репертуаре. В результате реформ, проведенных в рамках развития Пекинской оперы, произошли значительные изменения, выразившиеся во включении в репертуар образов «гражданских протагонистов». Эти персонажи, благодаря своим выдающимся боевым качествам и героическим поступкам, стали значимой частью театрального наследия. В качестве иллюстративных примеров рассматриваются следующие произведения: «Чжу Ша Чжи» Юй Чжи, «Легенда о красном фонаре» Вен Оухун, «В доке» поставленная Шанхайской труппой Пекинской оперы, и «Шацзябан» представленная Пекинской оперной труппой. Эти произведения демонстрируют расширение тематического диапазона Пекинской оперы и отражают процесс интеграции ранее маргинализированных социальных групп в культурный

контекст. В данной статье применяется культурно-исторический метод исследования, который позволил выявить и зафиксировать специфику культурных контекстов, детерминировавших жанровые, стилистические и художественные особенности произведений оперного искусства в различные исторические периоды. Новизна данной статьи заключается в исследовании, посвящённом эволюции пекинской оперы в период правления династии Цин (1616–1911 гг.), когда данный жанр достиг своего апогея и стал одним из доминирующих направлений в оперном искусстве. В указанный временной отрезок в произведениях пекинской оперы особое внимание уделялось историческим эпосам, героическим сказаниям и народным легендам. Опера играла важную роль в культурной и социальной жизни феодального общества, выступая в качестве значимого инструмента развлечения и просвещения. Она способствовала распространению традиционных ценностей, таких как верность, сыновья почтительность, праведность и честность, а также поддержанию существующего общественного порядка. В статье также рассматривается траектория развития пекинской оперы, уделяя особое внимание произведениям, в которых главными персонажами становятся представители низших социальных слоёв, ранее игнорировавшиеся или подвергавшиеся пренебрежению. После реформы пекинской оперы произошло значительное изменение в репертуаре, где на первый план вышли «гражданские протагонисты», приобретшие широкую известность благодаря своим боевым качествам и героизму.

Ключевые слова:

Пекинская опера, Китайская культура, Китайская история, Революционные образцовые спектакли, Традиционная жанра, Современная пекинская опера, Современное искусство, Реальность, Народность, Образ народа

“Пекинская опера, являющаяся национальным достоянием Китая, подобно китайской поэзии и живописи, превосходно передает зрителям богатство жизненного содержания посредством этической и эстетической выразительных образов, тем самым возвышая художественную красоту Пекинской оперы” [\[7, с. 157\]](#).

На протяжении всей династии Цин (1616–1911) траектория развития Пекинской оперы, начиная с XIX века, первой популярной на сцене Пекинской оперы стала Историческая актерская пьеса Пекинской оперы [\[11, с. 54\]](#). Сюжет основан на истории различных династий Китая, с большой плотностью героев и героинь из низшего класса [\[6\]](#). Например, «Шуан Цзинь Чжун» (双尽忠) рассказывает о верности Ли Вэня и Ли Гуана, братьев из династии Восточная Чжоу, а «Соу Гу Цзю Гу» (搜孤救孤) -- о защите сирот Чжао Чэн Ином. Кроме того, было создано множество адаптаций пьес «Записи о Трёх царствах» (三国志), «Троецарствие» (三国演义), «Речные заводи» (水浒传), «Повествование о [династиях] Суй и Тан» (隋唐演义) и др., литературные произведения. В это время образ народа в основном представлял как образ безрассудных героев, таких как «Дан Цзянь Май Ма» (当锏卖马), «Сань Цзя Дянь» (三家店), «Ци Линь Гэ» (麒麟阁) и т. д., которые изображали до и после переживаний безрассудных героев из Ваганчжая, бросившихся в династию Тан (618–907). В некоторых пьесах в роли героев и героинь выступают люди и даже разбойники. Например, «У Гун Лин» (蜈蚣岭) и «И Цзянь Чоу» (一箭仇), а также «Цин Фэн Чжай» (清风寨) и «Ши Цзы Лоу» (狮子楼) изображают героев Ляншаня, избавляющих народ от зла. И традиционный китайская опера, и пекинская опера не скрывают, что прославляют героев из низших слоев общества, которые были обойдены вниманием в ортодоксальных, литературных и исторических источниках [\[11, с. 56\]](#). Одна

из причин популярности героических сюжетов в народе заключается в том, что в этих произведениях доброта, благожелательность и др., прекрасные добродетели представлены через поступки героев, которые встречают жизнь, полную неизвестности и неопределенности, с присущими им мужеством и мудростью, что, несомненно, вдохновляет каждого из людей в обыденной жизни. Мало того, в некоторых сюжетах этих популярных народных романов они выступают против менталитета вассального рабства, насаждаемого феодальным обществом, и раскрывают дух самостоятельности, к которому так стремится народ.

Писатель пекинской оперы Юй Чжи (1809--1874), как литератор, написавший больше всего пекинских опер в период правления династии Цин, в своих многочисленных оперных пьесах обращался к простому народу. Образы людей в его произведениях Пекинской оперы -- это ученики, крестьяне и купцы. В сборник пьес «Шу Цзи Тан Цзинь Юэ» (庶几堂今乐), изданный в 1860 году, включено сорок пьес. Однако Юй Чжи был противоречивым и неоднозначным автором Пекинской оперы времен династии Цин, и можно утверждать, что Юй Чжи использовал театр как инструмент для миссионерской работы. Он делал «все возможное», чтобы заставить народ поверить в созданный им «реальный» мир. В «Истории китайской Пекинской оперы» (中国京剧史) он описывается так: «Глядя на слова и поступки Юй Чжи и его произведения, нетрудно заметить, что он был настоящим феодальным литератором и верным придворным феодальных правителей...» [5, с. 570] Перед лицом больших перемен времени Юй Чжи отличает от других драматургов его стремление вернуться к традиционным догмам для решения социальных проблем.

Поэтому произведения Юй Чжи в Пекинской опере полны восхваления традиционных идей. Через события, произошедшие между второстепенными персонажами, достигается цель «побуждать к добру» [9, с. 23]. Например, «Хуо Фо Гэ» (活佛阁) и «Цянь Чу Цзе» (前出劫) рассказывают о сыновней почтительности и уважении к родителям. После восстания тайпинов Ян Нянькуй бежал вместе с матерью, женой и детьми, и его преследовали повстанцы. Ян предпочел отдать свою жизнь и жизнь жены и детей, чтобы защитить мать, и его сыновняя почтительность коснулась неба и земли, сломила волю повстанцев, и семья наконец воссоединилась. А опера «Хуо Фо Гэ» (活佛阁) пишет о главном герое, Ян Фу, который стремится только к Будде, но не обращает внимания на свою престарелую мать, жену и детей, окружающих его. Будда не может не сетовать на то, что люди ставят телегу впереди лошади и не понимают, что счастье находится вокруг них. Похожие пьесы Пекинской оперы -- «Тон Бао Ан» (同胞案) и «Гон Пин Пан» (公平判), основанные на уважении к старшему брату, «И Цюань Цзи» (义犬记), рассказывающая о том, что нужно вставать на защиту других, попавших в беду, и иметь чувство справедливости, и так далее. Кроме того, в произведениях Юй Цзи есть «Фэн Лю Цзянь» (风流鉴), пропагандирующий феодальное воспитание, «Инь Ян Юй» (阴阳狱) и «Цзе Хай Ту» (劫海图), очерняющие крестьянскую революцию, «И Минь Цзи» (义民记), пропагандирующий поддержку цинской армии в подавлении крестьянской восстания, «Ин Сюн Пу» (英雄谱), пропагандирующая сохранение порядка феодального правления, и так далее.

«Чжу Ша Чжи» (朱砂痣) Юй Чжи. «Чжу Ша Чжи» -- Одна из самая знакомая последующим поколениям работа Юй Чжи в Пекинской опере. В опере рассказывается история местного чиновника Хань Яньфэна, который во время войны разлучается с женой и тратит много денег, чтобы жениться на простой женщине Цзян, которая вынуждена продать себя, чтобы спасти жизнь мужа. В ночь свадьбы, увидев Цзян в слезах, он узнает, что у Цзян не было выбора, кроме как продать себя, чтобы спасти мужа, потому что у него не было денег на лечение. Хань разрывает брачный контракт и дает ей

деньги, чтобы отправить домой. Пара узнает, что Хань отчаянно нуждается в сыне, и, чтобы отплатить ему за доброту, они находят ребенка и отдают его ему. Когда Хань спрашивает о родителях ребенка, он находит на левой ноге ребенка родинку и узнает в ней ту, которую потерял много лет назад.

В «Чжу Ша Чжи», Пара Цзян являясь представителями народа. Не только показывают беспомощность бедняков во время смуты, но и знают, как отплатить за доброту, получив помочь Ханя, что иллюстрирует хороший характер людей из низов общества, которые «бедны, но не бедны в своей воле». Хань Яньфэн также способен вернуть своего потерянного сына драматическим образом благодаря своей доброте и любви к другим парам.

В «Пекинской опере» Юй чжи народ -- это парадигма общества, призванная обратить внимание общества на важность «добра и зла, причины и следствия». Определяя границы добра и зла через этику правил и норм, Юй чжи стремится донести до людей общества, что судьба добрых и злых людей будет очень разной. Подводя итог, можно сказать, что хотя Юйчжи и стоял на позиции народа, он также использовал народ для продвижения феодальной этики, что, несомненно, вступало в традиционный властный дискурс морального принуждения, что было нежелательно в этом отношении.

Китай в конце XIX -- начале XX века страдал от силового вторжения западных держав, и в ситуации, когда Китай оказался перед лицом национальной опасности, Пекинская опера с ее влиянием лидера в это время дала позитивный отклик, в котором нуждалось время. С сильным патриотизмом и борьбой с феодализмом в качестве основных тем, просветление и пробуждение народного духа было одной из важных особенностей репертуара Пекинской оперы в этот период. Все больше актеров и драматургов, таких как Ван Сяонон (1858--1918) и Ван Хуншоу (1850--1925), бросались в творческий порыв. Среди них Ван Сяонон придавал особое значение социально-миссионерской роли оперы, надеясь через создание пьес достичь цели «просвещения народа на высокой сцене». В его произведениях «Пекинской оперы» народ в основном выступает в роли ученик, например, в «Ма Цянь По Шуй» (马前泼水), «Дан Жэнь Бэй» (党人碑) и «Ма янь лую» (骂阎罗).

Его адаптация, создание и исполнение «Дан Жэнь Бэй» считаются самыми знаковыми. Один из главных факторов, который привел движение за улучшение Пекинской оперы к кульминации. По сюжету, во времена династии Сун (960--1279) ученик Се Цюнсянь отправился в столицу навестить свою семью, по дороге он встретил своего друга Фу Ренлуна, они вдвоем напились и готовы были вернуться в свою резиденцию, и по дороге увидели памятник под названием «Памятник партии народа». Цай Цзин, вероломный министр, оклеветал верных министров, поэтому Се Цюнсянь недовольно разрушил памятник партии, но был пойман, чтобы быть обезглавленным. Узнав об этом, его лучший друг умудряется напоить вином офицера, отвечавшего за охрану памятника, и спасает ученого. По сюжету опер ученый выступает как представитель народа, обличая вероломных министров, которые вредят верноподданным, чтобы допросить реальность и побудить народ восстать для спасения страны.

Кроме того, новые и усовершенствованные пьесы Ван Сяонона, такие как «Ку Зу Мяо» (哭祖庙), «Гуа Чжун Лань Инь» (瓜种兰因) и «Шоу Чань Тай» (受禅台), полностью выражают тяжелую боль павшей страны [11, с. 209]. Периодическое издание «Сцена двадцатого века» (二十世纪大舞台), которое он основал совместно с импровизаторами в тот период, стало платформой для частых театральных мероприятий того времени.

Время изменилось, но Мао Цзэдун в 1940-х годах, во время революции в старом театре в Янъяне, неоднократно выступал за новый народный взгляд на историю, т. е. за то, что «историю создает народ», и что необходимо «перевернуть историю с ног на голову, а императоров и генералов прогнать со сцены» [10, с. 21]. Пекинская опера стала свидетелем «семнадцатилетней оперной реформы», первая из которых проходила в период с 1949 по 1957 г. и заключалась в основном в «расширении границ» традиционного репертуара. Что касается сюжета репертуара, то со сцены были удалены те, кто пропагандировал феодальные и суеверные идеи, а идеология некоторых репертуаров была реформирована, чтобы способствовать ясности и подавить турбулентность. 1958–1976 г. — главное достижение реформы — современная сюжет в Пекинской опере, т. е. «Революционная современная Пекинская опера», которая сломала лицо Пекинской оперы и изображала персонажей в соответствии изображение реально существующих персонажей. Создание театра активно перекликалось с выражением сознания простого человека о том, что «“низкие — самые мудрые, а благородные — самые глупые”, что сделало его новым стилем, получившим народное признание» [4, с. 43].

«Адаптация и пересадка произведений местных оперных жанров является важным каналом развития репертуара пекинской оперы, а также важным средством обмена и диалога между различными оперными жанрами» [8, с. 7]. Многие пекинские оперы были адаптированы для создания социалистических, реалистических произведений с акцентом на классовую борьбу. Образ рабочих из низших слоев общества в их пьесах был усовершенствован и украшен, а образ народа преобразован. Современная пекинская опера [В целом, все пекинские оперы, отражающие реальную жизнь после Четвертого мая (1919), можно считать современными пекинскими операми], в центре внимания которой находятся простые люди, крестьяне и рабочие, борющиеся против угнетения и строящие новое общество, была полностью переосмыслена. Например, лодочник в «Цюй Цзян» (秋江), сваха Лю в «Ши юй чжую» (拾玉镯), старый дворовый мастер в «Цян туу ма шань» (墙头马上).

В современной Пекинской опере восемь революционных образцовых опер, одобренных лично Цзян Цином [настоящее имя — Ли Шумэн, 1924–2009 — китайская актриса, политический деятель, четвёртая жена Мао Цзэдуна, председателя Коммунистической партии и верховного лидера Китая], доминировали на оперной сцене, а народ стал «главными лицами» с боевым духом и героическим темпераментом, которые получили большое распространение в репертуаре. Например, «Легенда о красном фонаре» (红灯记, 1970), «Шацзябан» (沙家浜, 1963) и «В доке» (海港, 1972–1973).

«Легенда о красном фонаре» (红灯记) Вен Оухун (翁偶虹, 1908–1994). Опера «Хун Дэн Цзи», адаптированной по литературному сценарию драматурга Шэнь Моцзюня (1924–2009) «Цзы Ю Хоу Лай Жэнь» (自有后来人). В опере рассказывается история Ли Юхэ, стрелочник, члена Коммунистической партии, работника связника, получившего задание связаться с транспортным агентом и передать секретный код. Неожиданно посреди задания его предал предатель, и Ли Юхэ вместе с матерью были зверски убиты. Дочь Ли Юхэ, Ли Тэмэй, сражается с японские грабители, и ей удается доставить код и завершить революционную миссию. В «Легенда о красном фонаре» показан героизм простых людей, расцветающий посреди войны и страданий, продемонстрирована индивидуальная и коллективная жертвенность и самоотверженность, а также глубоко подчеркнута сила народа. Помимо сюжета с Ли Юхэ в качестве основной линии, стоит обратить внимание и на «линию роста», в центре которой находится Ли Тэмэй. Процесс постепенного превращения Тимэя в зрелого «продолжатель» не только отражает ожесточенный

конфликт между Китай и Япония, но и показывает важность воспитания бесчисленных «продолжатели» [2, с. 32]. Именно поэтому появление «Легенда о красном фонаре» подняло дух нации, было высоко оценено и изучено, рассматривалось как «образец» и стало оригинальным «образцовым театром». «Образцовый театр -- это, по сути, форма театра, адаптированная или перенесенная из другого типа театра» [1, с. 18].

«В доке» (海港) Шанхайская труппа Пекинской оперы. Опера «В доке», также посвященный рабочим, был адаптирован из оперы Ли Сяомина(Дата рождения неизвестна) «Утро в гавани» (海港的早晨). В ней рассказывается история Хань Сяоцяна, молодого работника дока в 1960-х годах, который легко относится к своей работе по погрузке и разгрузке, и в процессе погрузки и отправки риса и пшеницы за границу он случайно становится причиной несчастного случая, в котором свободный пакет по ошибке помещается не в тот пакет. Скрытый враг, Цянь Шоувэй, воспользовался этой возможностью, чтобы поместить стекловолокно внутрь пакетов с пшеницей, пытаясь нанести ущерб международной репутации Китая. С этой целью секретарь партийного отделения погрузочной бригады Фан Хайчжэнь на стороне воспитателя Хань Сяоцяна, в то же время сразу же начал борьбу «синица в руках». И заставил всех за ночь перевернуть склад, проверить свободные пакеты, вернуть не те пакеты и с триумфом завершить миссию иностранной помощи. Однако, по сравнению с первой, вся пьеса слишком чутко реагирует на голос времени классовой борьбы и лишена характерных персонажей и волнения, которыми должна обладать «Пекинская опера» для сценического исполнения. Ей не хватает характерных персонажей, захватывающего сюжета, идейного и образовательного содержания, которыми должна обладать пекинская опера.

«Шацзябан» (沙家浜) Пекинская оперная труппа. «Шацзябан» -- одна из знаменитых образцовых революционных пьес того периода, имеющая сильную идеологическую пропагандистскую окраску. Пьеса адаптирована из произведения Шанхайской оперы «Лу дан хуо чжун» (芦荡火种), в котором рассказывается история инструктора Го Цзяньгуана, который во время антивоенного периода привел восемнадцать больных и раненых солдат на излечение в Шацзябань, и у них завязалась глубокая дружба с местными жителями. Неожиданно на них донесли Ху Чуанькуй и Дяо Дэи, представители «Армии спасения», тайно присоединившиеся к японским захватчикам, и тогда, опираясь на антияпонские массы, представленные подпольщиком «Ша Бабушкой», Сестрица Ацин успешно прикрыла больных и раненых, чтобы они, оправившись от ран, вернулись в отряд и в итоге уничтожили японцев и псевдоармии, закрепившиеся в Шацзябане. В опере крестьяне деревни Шацзябан объединяются с солдатами, чтобы противостоять иностранным врагам и активно участвовать в революционной борьбе, особенно когда их пытают и угрожают смертью, они все равно не закрывают рот и жертвуют собой, чтобы помочь партизанам до самой победы. Свояченица А Цин, как представительница народа, -- остроумная и смелая хозяйка чайной, в то время как Ху Чуанькуй и Дяо Дэи, выступающие под вывеской «сопротивляемся японцам и спасаем страну», следуют за японцами, чтобы совершить акт «уничтожения коммунистов». Узнав, что враг выпытывает новости о раненых, она спокойно и незаметно сражается с ними, пряча раненых и больных в камышах и заманивая врага выстрелами, чтобы спрятавшиеся в них раненые могли повысить бдительность до того, как их обнаружат, и одерживает окончательную победу.

Именно потребности народа являются основополагающей ценностью существования литературы и искусства. Независимо от времени, почти в каждом произведении Пекинской оперы можно найти персонажей, близких к народу. От традиционной оперы до

современной Пекинской оперы изменилось положение народа в Пекинской опере: от вспомогательной роли «звука и бесформенности» до славного примера времени. Народ играет огромную роль в Пекинской опере, которая ориентирована на народ и удовлетворяет его эстетические потребности, а дальнейшее укрепление социальных ценностей и подготовка к новому обществу требуют новых и более мощных художественных средств выражения.

Образы народа в разные периоды развития китайской оперы несут конкретные исторические смыслы и значения, а также глубоко специфический культурный подтекст, «только произведения, правдиво отражающие реальную жизнь и природу человека и обладающие непреходящей художественной привлекательностью, способны удовлетворить постоянно растущие эстетические потребности зрителей» [3, с. 37]. Обращая внимание на народные традиции, авторы опер глубоко переживали трагическую судьбу людей низшего сословия и трактовали ее положительно, создавая различные характеры людей. На примере многочисленных произведений нескольких драматургов можно увидеть, что простой народ, как часть общества, обделенная силой и властью, хотя и подвергается угнетению и дискриминации со стороны высшего класса, все же отчаянно отстаивает свои классовые позиции в борьбе за свои права и интересы. В них прослеживается стремление к восстановлению равенства и свободы личности и дух непреклонной борьбы. Вообще говоря, с древних времен и до наших дней, китайские оперные произведения постоянно подчеркивали пропагандистскую и воспитательную функцию верности, сыновней почтительности и праведности, и большинство произведений, по большому счету, по-прежнему являются отражением сознания социальных масс, с народными взглядами и позициями. Являясь одним из средств передачи морали, китайская опера постоянно доносит до масс нормы и жизненные установки.

Библиография

1. Ань Нин. Введение в адаптацию и адаптацию образцового театра -- на примере "Шацзябан". [安宁.浅谈样板戏的改编与被改编 -- 以“沙家浜”为例. 戏剧之家]. – Театральный дом, 2022: (11). – С. 18.
2. Бао Тяньрунь. Введение в значение современного театрального творчества для раскрытия современной театральной постановки и исполнения -- на примере современной Пекинской оперы "Повесть о красных фонарях". [包天润. 浅谈现代戏创作对当代戏曲编演的启示意义 -- 现代京剧“红灯记”为例. 戏友]. – Друзья театра, 2021: (02). – С. 32.
3. Гао Цзянь. Преображеный народ: исследование оперных фильмов семнадцати лет. [高健. 被改造的民间:“十七年”戏曲电影研究. 山西师范大学]. – Шаньсиийский педагогический университет, 2024. – С. 37.
4. Лин Шань. О новаторстве оперной литературы в "семнадцать лет". [林山. 论“十七年”戏曲文学的创新. 福建师范大学]. – Фуцзяньский педагогический университет, 2014. – С. 43.
5. Ма Шаобо. История Китайской Пекинской оперы. Т. 1. [马少波. 中国京剧史. 第1卷. 北京: 中国戏剧出版社]. – Пекин: Китайское драматическое издательство, 1990. – С. 570.
6. Фу Цзинь. Сборник исторических документов о пекинской опере (том эпохи династии Цин), Т. 1. [傅瑾. 京剧历史文献汇编 (清代卷) 第一卷. 凤凰出版社]. – Издательство "Феникс", 2011. – 909 с.
7. Ху Шэн, Лю Фэнлинь. О рефлексивной эстетической образности в пекинской опере. [胡胜,柳逢霖.论京剧中的反观式美学意象. 辽宁大学学报(哲学社会科学版)]. – Журнал Ляонинского университета (издание "Философия и социальные науки"), 2019, 47(02). – С. 157.
8. Чжан Вэйпин. Адаптация: Просмотр пекинской оперы "Пять дочерей, почитающих свою мать". Между традицией и современностью. [张伟品.改编:在传统与时代之间看京剧 “五女拜寿”. 中

- 国戏剧]. – Китайская драма, 2024, (03). – С. 7.
9. Чэн Е. Этюд драматурга Юй Чжи. [陈烨. 戏曲家余治研究. 同济大学]. – Университет Тунцзи, 2008. – С. 23.
10. Чэн Цзинь. Мао Цзэдун и реформа пекинской оперы. [陈晋.毛泽东与京剧改革. 党史天地]. – История партии и мир, 1997, (06). – С. 21.
11. Янь Цюаньи. Литературная история Пекинской оперы при династии Цин. [颜全毅. 清代京剧文学史. 南京师范大学]. – Нанкинский педагогический университет, 2005. – С. 54, 56, 209.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в статье «Народ и народные сюжеты в Пекинской опере» является концепт «народности» в пекинской опере, рассматриваемый в исторической динамике от истоков жанра до наших дней. Автор фокусируется как на фольклорных мотивах, так и на комплексном анализе конструирования, трансформации и репрезентации образа народа, его ценностей, социальной и исторической роли. Образы народа в разные периоды развития китайской оперы несут конкретные исторические смыслы и значения, а также глубоко специфический культурный подтекст. Работа исследует эволюцию народных сюжетов и типажей, их взаимодействие с официальной идеологией и художественным каноном.

Методология отличается междисциплинарным синтезом подходов: соединение методов искусствоведения, культурологии, истории и теории идеологий для анализа художественных текстов пекинской оперы.

Актуальность работы очевидна в свете современных культурологических и общественно-политических дискурсов. Исследование напрямую затрагивает вопросы национальной и культурной идентичности, проблемы диалога между элитой и народом, вопросы адаптации классического наследия к современным реалиям. Работа отвечает на запрос осмыслиения роли традиционного искусства в формировании общественных нарративов. Научная новизна выражена в семиотическом подходе к «народу»: это а динамический, идеологический конструкт, меняющийся в зависимости от исторического и культурного контекста. В статье проведен исторический анализ: впервые в рамках одного исследования народ сопоставляется в трех ключевых периодах: традиционном, маоистском и современном, связанном с реформами и XXI века.

Стиль работы академический, терминологически выверен и аналитически содержателен, теоретические положения подкрепляются конкретными примерами из либретто и сценической практики. Отсутствие научообразности делает текст доступным для широкого круга специалистов-гуманитариев. Структура исследования логична и методологически выверена. Она построена по историко-хронологическому принципу периодизации с четкими тематическими акцентами. Переход от анализа архетипов народа в классических пьесах к радикальному переосмыслению и поискам новой «народности» в современных постановках создает ясную картину эволюции, создавая целостный нарратив.

Содержание демонстрирует эрудицию автора и умение работать с разнородными источниками, которые полноценно представлены в Библиографии. Исследование опирается на анализ драматургических текстов, видеоматериалов постановок,

теоретических работ и культурной политики. Анализ современного этапа, где народ предстает не монолитом, а сложным сообществом с внутренними конфликтами и проблемами, выполнен с опорой на актуальный материал.

Автор аргументированно занимает взвешенную позицию, доказывая, что «народность» всегда является продуктом культурного производства, но при этом опирается на устойчивые архетипы.

Выходы являются логичным и перспективным итогом проделанной работы. Образ народа является не отражением социальной реальности, а художественно-идеологическим конструктом, где форма и содержание исторически изменчивы. Современная пекинская опера находится в поиске нового языка для выражения «народности» при сохранении эстетических канонов. Исследование подтверждает, что пекинская опера служит уникальным «зеркалом», в котором преломляются ключевые социальные и культурные трансформации китайского общества.

Работа представляет собой оригинальное исследование, вносящее значительный вклад в теорию и историю культуры: исторический и теоретический анализ сочетается с современными культурными процессами. Работа заслуживает высокой оценки и может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Ба В. Храм - Музей Будды Цзисинь // Философия и культура. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.12.77195
EDN: NTOWTP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77195

Храм - Музей Будды Цзисинь**Ба Ваньли**

кандидат культурологии

соискатель; институт философии; Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, линия 6-я В.О., д. 47 к. 30

✉ bawanli091@gmail.com[Статья из рубрики "Философия и искусство"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.12.77195

EDN:

NTOWTP

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2025

Дата публикации:

12-12-2025

Аннотация: Храм – Музей Цзисинь деревянного Будды – архитектурный комплекс в Цинъхуандао, провинция Хэбэй, сочетающий в себе функции традиционного буддийского храма и современного музея. Пространственная планировка и архитектурный облик здания относятся к традиционной китайской архитектуре буддийского храма, в трех залах, расположенных в задней части храма, присутствует ультрасовременная пространственная планировка. В центре храма находится самая большая семиэтажная ультра модернистская пагода, в которой размещены и выставлены несколько деревянных статуй Будды. Залы по обеим сторонам были модернизированы, чтобы предоставить место для обучения буддийским писаниям и библиотеку. Это сочетание традиционного и современного буддийского храма задает направление для развития современного храмового строительства в Китае и вехой в современной буддийской храмовой архитектуре Китая. В статье анализируются примеры для проведения конкретного исследования инновационных особенностей традиционной буддийской

храмовой архитектуры. Храм-музей Цзисинь деревянного Будды в городе Цинъхуандао является примером успешной интеграции традиционной культуры и современных архитектурных решений. В основе его концепции лежит гармоничное сочетание инноваций и традиционных элементов, что позволяет сохранить культурное наследие и адаптировать его к современным условиям. Архитектурные решения музея, такие как семиэтажная полая пагода, лекционный зал и Облачной террасы будды Гуаньинь, включают в себя как традиционные буддийские символы, так и современные пространственные и функциональные решения. Семиэтажная полая пагода представляет собой симбиоз символизма традиционной пагоды и современных трехмерных экспозиционных технологий. Зал проповеди объединяет традиционные функции проповеди с современным искусством света и тени. Облачной террасы будды Гуаньинь сочетает в себе традиционные пространства для созерцания и современные архитектурные формы. Выставочное пространство, посвященное Будде из бальзамического камфорного дерева, представляет собой уникальное сочетание традиционных технологий резьбы и современных методов экспонирования. Храм – музей Цзисинь, таким образом, не только является данью уважения буддийской культуре, но и представляет собой инновационное исследование в области современной архитектуры и художественного дизайна. Существование музея обеспечивает посетителям возможность глубокого погружения в культурное наследие, а также служит цкенным примером для изучения архитектурных, художественных и религиозных традиций.

Ключевые слова:

буддийский храм, музей, деревянный Будда, пагода, архитектура, Будды Гуаньинь, пространство, структура, традиции, инновации

Современная буддийская храмовая архитектура Китая представляет собой богатую палитру разнообразных типов и уникальных характеристик, сформированных на основе преемственности традиционных канонов. Эти трансформации отражают не только непрерывную эволюцию буддизма в китайском культурном контексте, но и инновационную интерпретацию и интеграцию традиционной архитектуры в современную социокультурную среду. Глубокий анализ типологических и стилистических особенностей современной буддийской храмовой архитектуры Китая позволяет более детально изучить механизмы наследования и развития буддийской культурной традиции в контексте современности. Также это способствует выявлению тесной взаимосвязи между архитектурным искусством, религиозной практикой и социальной культурой. [9, с. 32] В настоящее время современная буддийская храмовая архитектура Китая включает в себя следующие типологические категории: традиционная храмовая архитектура, храмовая архитектура периода династии Тан, современная храмовая архитектура и регионально специфическая храмовая архитектура.

Традиционная храмовая архитектура

Традиционные современные буддийские храмы строго следуют каноническим принципам планировки и формы, сохраняя архитектурные традиции китайских храмовых сооружений. В таких храмах применяется симметричная организация пространства вокруг центральной оси, на которой последовательно располагаются ключевые здания, такие как входные ворота, Зал Даксионбо и помещение для хранения священных текстов. Вспомогательные постройки, включая колокольню, барабанную башню и дополнительные залы, размещаются симметрично по обеим сторонам центральной оси,

создавая упорядоченную пространственную композицию в стиле внутреннего двора. С точки зрения архитектурного стиля, традиционные буддийские храмы преимущественно используют деревянную каркасную систему, где дерево выступает в качестве основного конструкционного материала. Соединение отдельных элементов осуществляется с применением технологии врезки и сборки, что свидетельствует о высоком уровне мастерства и механическом понимании конструкции. Внешние элементы зданий, такие как карнизы и арки, характеризуются особой легкостью и динамичностью, что достигается за счет их изогнутой формы, напоминающей крылья птиц. Эти архитектурные детали не только выполняют функциональные задачи по поддержке конструкций и обеспечению водоотвода, но и придают зданию эстетическую выразительность. Крыши обычно покрываются глазурованной черепицей, причем желтая глазурованная черепица традиционно используется в королевских храмах для подчеркивания их высокого статуса. Архитектурный декор храмов включает резьбу и роспись на балках, арках, дверях и окнах, что придает зданиям художественную ценность. Тематика декоративных элементов разнообразна и включает изображения драконов и феников, цветочные мотивы, портреты мифологических персонажей и сцены из буддийской мифологии.

Подражание буддийской храмовой архитектуры династии Тан

В современном архитектурном контексте наблюдается тенденция к воссозданию храмовых зданий, имитирующих стиль династии Тан. Это явление обусловлено стремлением людей к возрождению величественного и деревенского архитектурного стиля династии Тан. С точки зрения планировки, структуры и внешнего вида, такие здания стремятся воспроизвести характерные черты храмовых построек династии Тан. Основное внимание уделяется воссозданию архитектурной элегантности и утонченности, присущих храмовым сооружениям того времени. Традиционно главное здание имеет односкатную или шатровую крышу. Шатровая крыша, отличающаяся торжественностью и величием, является высшей формой крыши в древней архитектуре. Она часто использовалась в дворцах и важных религиозных зданиях. Например, в храме Большой зал храма Света Великого Будды в горе Вутай, Шаньси применяется односкатная шатровая крыша, которая демонстрирует величественный и атмосферный стиль архитектуры Тан. Односкатная шатровая крыша является более легкой и динамичной по сравнению с традиционной. Это позволяет создавать здания с более торжественным и динамичным внешним видом. Использование герметичных крыш придает конструкции дополнительную торжественность и устойчивость. Цветовая палитра зданий, имитирующих храмовые постройки танского типа, характеризуется преобладанием естественных оттенков, таких как красный, желтый, зеленый и белый.[\[16, с. 138\]](#) Основной цвет здания обычно выполняется в лазурных тонах, что придает ему спокойствие и гармонию. Колонны, двери и окна окрашиваются в красный цвет, создавая торжественный и теплый контраст. Крыша покрывается серой или зеленой черепицей, а стены выполняются в белых или светло-серых тонах, что усиливает визуальный эффект контраста с красными деревянными элементами и зеленой крышей. Архитектурные украшения зданий, имитирующих стиль династии Тан, отличаются простотой и лаконичностью. Основное внимание уделяется плавным линиям и минимализму в моделировании. Декоративные элементы, такие как узоры с буддийской символикой (например, узоры лотоса[\[1\]](#) и лоникеры[\[2\]](#)), вырезаются или наносятся на различные части здания, включая основания колонн, двери, окна и карнизы. Это отражает особенности буддийской культуры и ее влияние на архитектурное наследие. Примером здания, являющегося типичной имитацией архитектуры династии Тан, является зал Даксионгбао храма Байхуа в Цзэнчэне (Гуанчжоу).

Современная архитектура буддийских храмов

Современная архитектура буддийских храмов демонстрирует значительный отход от традиционных архитектурных канонов, активно внедряя инновационные строительные материалы, передовые технологии и современные концепции дизайна. Это позволяет создавать храмы, соответствующие современным архитектурным требованиям и функциональным задачам. Современные храмы отличаются от традиционных по структуре пространства, планировке и функциональному назначению. Они характеризуются большей открытостью, гибкостью и интеграцией в современный городской контекст. Планировочные решения современных буддийских храмов часто отклоняются от традиционной симметричной структуры, используя более гибкие и адаптивные методы организации пространства. Это позволяет учитывать особенности рельефа местности и функциональные потребности. Например, храм Вэньчжоу Пумин Дзэн, расположенный на участке в форме острого треугольника, не позволяет применить классическую планировку. В этом случае команда архитекторов разработала уникальную концепцию, вдохновленную мандалой Рустик По и геометрией цилиндра. С точки зрения архитектурной формы, современные храмы стремятся к использованию простых, плавных линий и уникальных геометрических решений. Это проявляется в отказе от сложных декоративных элементов и использовании чистых материалов. Например, шанхайский храм Гуоцин демонстрирует этот подход, используя бетонные стены и крыши из титан-цинковых пластин для создания простого и современного стиля. Функциональное оснащение современных храмов также претерпело значительные изменения. Помимо традиционных религиозных функций, таких как проведение церемоний и медитация, храмы включают в себя различные функциональные зоны, адаптированные к потребностям современного общества. Это могут быть библиотеки с богатыми коллекциями буддийских текстов и культурных произведений, мультимедийные классы и конференц-залы для проведения лекций и академических мероприятий, а также кафе и чайные комнаты для отдыха. Таким образом, современная архитектура буддийских храмов представляет собой комплексный архитектурный ансамбль, интегрирующий религиозные, культурные, образовательные и досуговые функции.

Буддийская храмовая архитектура в контексте региональных особенностей

Буддийская храмовая архитектура, интегрирующая региональные особенности, представляет собой уникальное сочетание местных природных условий, культурной традиции и архитектурных канонов, формируя архитектурный стиль, характерный для конкретного региона. Каждый регион обладает своим неповторимым колоритом, демонстрируя богатство и многообразие региональной культуры Китая.[\[17, с. 23\]](#)[\[18, с. 29\]](#) В Тибете, например, храмовые сооружения возводятся преимущественно из местных строительных материалов, таких как камень, дерево и другие природные ресурсы. Внешний облик зданий отличается массивностью и солидностью, что гармонирует с ландшафтом высокогорного плато. Стены построек имеют значительную толщину, а сами сооружения обладают компактными размерами, что обусловлено суровыми климатическими условиями и сильными ветрами региона. Цветовая гамма фасадов разнообразна, часто используются насыщенные цвета, такие как красный, желтый и белый, а также другие контрастные оттенки. Храмовые здания украшаются изысканными буддийскими фресками, тхангка и другими элементами декора, отражающими особенности тибетской буддийской культуры. В регионе Фуцзянь буддийская храмовая архитектура отличается местным колоритом южной провинции. В отделке зданий активно применяются различные виды резьбы, такие как резьба по дереву, камню и кирпичу, что придает сооружениям изысканный и сложный вид. Цветовая гамма фасадов насыщена

яркими красками. Крыши зданий часто имеют форму ласточкиного хвоста, что является уникальной архитектурной особенностью региона.[19 с. 39] Примером является храм Кайюань в Цюаньчжоу, Зал Махараджи которого украшен резьбой по дереву и камню с изображением драконов и цветочных узоров. Архитектурные решения храма Кайюань отражают торжественность буддийской культуры и высокий уровень традиционного архитектурного мастерства южной Фуцзяни.

Современная архитектура буддийских храмов в Китае характеризуется сложным взаимодействием традиционных и современных архитектурных стилей. Традиционные элементы продолжают занимать значительное место в современных проектах, обеспечивая сохранение и развитие национального архитектурного наследия.[14, с. 45] Храмовые здания, созданные в рамках традиционного стиля, демонстрируют элегантность и торжественность благодаря использованию таких элементов, как летящие карнизные арки, глазурованная черепица, цветная роспись и резьба.[15, с. 25] Эти архитектурные особенности строго соответствуют классическим канонам и отражают сущность традиционного китайского зодчества. Современный архитектурный стиль оказывает значительное влияние на буддийскую храмовую архитектуру, привнося новые подходы и материалы. В современных проектах наблюдается тенденция к упрощению форм и отказу от избыточной декоративности в пользу функциональности и практичности. Применение современных строительных материалов, таких как стекло, сталь и бетон, создает уникальные текстурные и визуальные эффекты, отличающиеся от традиционных решений.[20, с. 69] Таким образом, современная архитектура буддийских храмов представляет собой синтез традиционного наследия и инновационных подходов, отражая динамичное развитие архитектурной мысли в Китае.

Храм-музей Цзисинь, посвященный деревянному Будде, является культурно-религиозным объектом, который сочетает в себе функции традиционного буддийского храма и современного музея. Он расположен в живописной зоне Цзушань города Цинъхуандао провинции Хэбэй. Храм находится у восточного подножия горного хребта Яншань, к востоку от Бохайского моря и к северу от главной горы Цзушань, которая является национальным живописным местом с уникальными природными ландшафтами и богатым культурным наследием. Цинъхуандао, являясь важным узловым городом Экономического пояса Бохайского моря, представляет собой экономически развитый регион, охватывающий провинции и города Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй, Ляонин и Шаньдун. Этот регион является ключевым элементом экономики на севере Китая. Храм-музей Цзисинь расположен недалеко от центра города. Через него проходит транспортная артерия, соединяющая данное место с центральной частью города и побережьем Бохайского моря, что обеспечивает высокую транспортную доступность. Статуи и буддийские реликвии, экспонируемые в храме, обладают значительной исторической и религиозной ценностью. Храм-музей Цзисинь выполняет важные функции в контексте распространения буддизма, паломничества верующих, монашеской практики, религиозного образования, социального обслуживания и культурного туризма. Его глубокое буддийское культурное наследие и религиозный статус делают его значимой буддийской святыней и важным центром распространения культуры в северном регионе.

Храм Цзисинь имеет богатую историю, которая насчитывает почти тысячу лет. Он был основан в период правления династии Тан (618-907 гг.) и с тех пор пережил множество исторических эпох, включая династии Сун (960-1127 гг.), Юань (1271-1368 гг.), Мин (1368-1644 гг.) и Цин (1644-1911 гг.). Однако первоначальный архитектурный облик храма не сохранился до наших дней. Тем не менее, храм продолжает сохранять мощную атмосферу буддийской культуры. Географическое расположение храма Цзисинь является

стратегически выгодным. Он был возведен на полпути между горой Цзушань и морем, что символизирует гармонию между горным и морским пейзажами. Это соответствует традиции буддийских монастырей, стремящихся к культтивированию спокойствия и умиротворения.[\[2, с. 169\]](#) С вершины горы открывается панорамный вид на противоположный берег Бояхайского моря, создавая уникальный архитектурный ансамбль, известный как «горно-морской храм Дзэн». Храм Цзисинь является одним из старейших буддийских сооружений на севере Китая. Он обладает значительным историческим и культурным наследием, являясь важным центром распространения буддийских учений и практики, и тоже являясь дать людям возможность жить в гармонии с собой и окружающим миром.[\[1, с. 9\]](#) В храме хранятся статуи Будды Шакьямуни и богини милосердия Гуаньинь, которые являются выдающимися примерами китайского искусства резьбы. Эти статуи отражают основные стилистические особенности и технические достижения в области скульптурного искусства Китая. Храм-музей Цзисинь также является важным образовательным центром, где распространяются и изучаются ключевые буддийские тексты, такие как «Алмазная сутра» и «Ланкаватара-сутра». На протяжении веков он служил местом для практики монахов и паломничества верующих. В настоящее время храм продолжает играть значимую роль в буддийской культуре северного Китая, оставаясь важным духовным и культурным центром.

После завершения реконструкции, проведенной в 2002 году выдающимся архитектором Хань Вэньцяном, объект стал значимой частью зоны Цзушань. Реконструкция храма не только сохранила его историческую функцию, но и придала ему новое культурное значение благодаря современному архитектурному дизайну. Хань Вэньцян — известный китайский архитектор, работающий профессором в Школе архитектуры Центральной академии изящных искусств (CAFA). Его проекты получили признание на национальном и международном уровнях, удостоившись таких престижных наград, как премия Архитектурного общества Китая (ASCA), премия Архитектурной ассоциации Азии (AAA), премия Archdaily Global Architecture of the Year Award и европейская премия LEAF за выдающиеся достижения в области архитектуры. Среди его значимых работ: «Хутонский чайный домик — Ку Ланг Юань» в Пекине (2015); «Художественный музей Великой стены Ци» в городе Цзыбо, провинция Шаньдун (2015); «Хутонгская резиденция Синь Храма» в Пекине (2014); Реконструкция жилого комплекса «Синьцзи Хутонг» в Пекине. Философия дизайна Хань Вэньцяна основывается на глубоком уважении к традиционной архитектуре и стремлении интегрировать её элементы в современные архитектурные решения.

Город располагает обширными природными ландшафтами, однако его культурно-историческое наследие развито недостаточно, что ограничивает объем музеиных коллекций.[\[8, с. 66; 12, с. 35\]](#) В храме находится значительное количество деревянных статуй Будды, подаренных верующими буддистами. Все скульптуры выполнены в едином стиле, воспроизводящем традиции буддийской скульптуры династий Тан и Сун. С целью сохранения данных артефактов, а также популяризации и продвижения искусства резьбы по дереву, органами местного самоуправления было принято решение о реконструкции и создании Музея деревянного Будды на территории храма Цзисинь в городе Цинъхуандао. Недавнее завершение строительства храма-музея Цзисинь привело к созданию многофункционального комплекса, это требует интеграции функций, структуры и искусства архитектуры, который стал важным гуманитарным и религиозным центром в пейзажной зоне Цзушань.[\[3, с. 55\]](#) Многофункциональный комплекс состоит из следующих зданий(с востока на запад): горные ворота[\[3\]](#), четыре боковых зала с левой и правой стороны, которые расположены после ворот, передний двор, Зал Даксионбо[\[4\]](#), задний двор, Облачной террасы будды Гуаньинь и последний ряд из трех зданий

(главное здание Павильон Гуань Синь и левая и правая стороны Лекционного зала и библиотеки, комплекс, основанный на постепенном возвышении горы. (см. Ил. 1)

(Иллюстрация 1. План этажа храма Цзисинь 1.Горные ворота, 2.Зал Даксионгбао, 3.террасы террасы будды Гуаньинь, 4.Павильон Гуань Синь, 5.Лекционные залы и библиотека.)

Храм-музей Цзисинь деревянного Будды, расположенный на горе в направлении с запада на восток, состоит из двух дворов [5]. [9, с. 33] Ключевым зданием в комплексе является павильон Гуань Синь, расположенный в последнем ряду. Его архитектурные особенности уникальны, поскольку он представляет собой здание, встроенное в здание. В традиционной китайской структуре храма сначала возведено основное здание, а затем на его основе построено дополнительные здания в стиле пагоды, предназначенное для демонстрации деревянных статуй Будды. [13, с. 19] Внутренняя архитектура этого здания отличается современным дизайном, контрастирующим с его внешним видом. Таким образом, несмотря на внешнее сходство с традиционными буддийскими храмами Китая, это сооружение обладает рядом необычных характеристик. (см. Ил. 2)

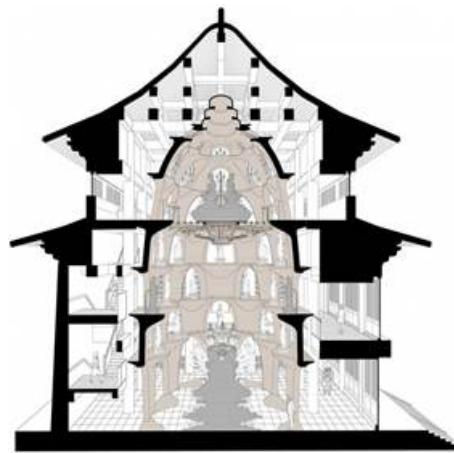
(Иллюстрация 2. Фотографии внешнего вида храма Джоксин)

Посетители проходят через главные ворота, которые представляют собой центральный вход в комплекс, и оказываются в переднем дворе храма-музея. Этот внутренний двор

окружен горными воротами, Залом Даксионгбао и четырьмя вспомогательными залами, расположенными по обеим сторонам. После пересечения переднего двора посетители попадают в Зал Даксионгбао, где находится величественная статуя Будды Сакьямуни. Данный зал предназначен для проведения ритуальных обрядов, молитв и медитаций, а также используется для проведения значимых религиозных церемоний и паломничеств. Задний двор находится за Залом Даксионгбао. Поскольку храм расположен на склоне горы Цзушане, высота заднего двора и трех зданий в его последнем ряду отличается примерно на 10 метров. В связи с этим архитекторы предусмотрели наличие лестницы, ведущей к главному зданию последнего ряда.[\[10, с. 33\]](#) На вершине лестницы перед главным зданием установлены еще одно статуи Будды Гуаньинь, и все это есть облачная терраса, что является важной частью архитектурного замысла и служит своеобразной прелюдией для посетителей перед знакомством с инновационным дизайном комплекса.

Новое оформление комплекса основывается на продолжении центральной оси архитектурной композиции и сохранении существующей каменной статуи будды Гуаньинь. Ландшафтное проектирование направлено на модернизацию и улучшение существующего паркового ансамбля. Для усиления церемониального характера входа в комплекс, ландшафт выполнен в виде ступенчатой конструкции, сочетающей перепады высот участка с семиэтажной каменной лестницей. На вершине центральной лестницы установлена дополнительная статуя будды Гуаньинь. При проектировании Облачной террасы Гуаньинь (观音云台) архитекторы вдохновлялись формой Боробудура (婆罗浮屠), используя элементы древнеиндийской буддийской архитектурной традиции. Расширение зоны отдыха и смягчение уклона ступеней способствуют созданию более комфортной среды. Облачная терраса Будды Гуаньинь имеет многоуровневую изогнутую структуру, украшенную лужайками и сосновыми деревьями.[\[11, с. 1674\]](#) Архитектурное решение направлено на создание фантастического буддийского храмового комплекса.

Основное здание комплекса, известное как Павильон Гуаньсинь (观心阁), расположено в последнем ряду архитектурной композиции за статуй будды и является её композиционным центром. Это здание, являющееся ключевым сооружением в архитектурном ансамбле, представляет собой деревянное строение каркасной конструкции в стиле династии Сун (960–1276 гг.). Павильон Гуаньсинь является крупнейшим сооружением в комплексе Цзисинь и отличается своими архитектурными характеристиками. Здание имеет размеры: ширину 30 метров, глубину 16,8 метра и высоту почти 20 метров. [\[10, с. 34\]](#) Оно выполнено в традиционном китайском буддийском стиле и представляет собой типичное деревянное храмовое сооружение. Внутри павильона расположена пагода, предназначенная для экспонирования деревянных статуй Будды. (см. Ил. 3) Архитектурные решения, применённые при строительстве, включают использование элементов буддийской архитектуры, таких как пагода. Пагода, расположенная в главном здании, отличается от традиционных буддийских пагод. Обычно пагоды представляют собой отдельно стоящие сооружения, возводимые под открытым небом для хранения реликвий и мощей святых монахов. Они имеют многоэтажный прямоугольный силуэт и символизируют буддийскую концепцию вселенной и царства cultivation. В отличие от них, пагода в павильоне Гуаньсинь имеет овальную форму в плане и состоит из семи этажей, сходящихся к вершине. Внутренняя структура пагоды повторяет форму «мандалы»[\[61\]](#), что способствует более полному отражению буддийской культуры. Стены пагоды выполнены из железобетона, однако внешние стены облицованы грубым бетоном земляного цвета, что создаёт визуальный эффект глинобитной конструкции. Все внешние поверхности стен украшены цитатами из буддийского текста «Алмазная сутра».

(Иллюстрация З.зал внутри структура)

Снаружи здания в форме это пагода находится большой мезонин, предназначенный в основном для посещения и прогулок туристов. Архитектурное сооружение пагода характеризуется наличием многочисленных окон с полукруглыми арками, что позволяет посетителям, находясь на внешней галерее пагоды, обозревать внутреннее пространство через эти оконные проемы. Внутренняя структура пагоды включает семь ярусов, каждый из которых декорирован нишами. В этих нишах размещены деревянные статуи Будды различных габаритов. В зависимости от размеров и расположения статуй, для их инсталляции были разработаны специализированные арочные ниши, выступающие из основного объема пагоды.

Внутреннее пространство пагоды представляет собой основную экспозицию и характеризуется простой архитектурой, разделённой на две функциональные зоны уровня. Первый уровень внутреннего пространства расположен в нижней части и включает четыре больших входа, обеспечивающих доступ посетителей. В центральной части этого уровня находится статуя Будды, вырезанная из бальзамно-камфорного дерева. Эта статуя, имеющая высоту шесть метров, изображает четырёхликий Тысячерикую Гуаньинь^[7]. Она выполнена в стиле буддийских статуй династии Тан (618–907 гг.) и является центральным экспонатом храмового музея. Статуя Гуаньинь характеризуется четырёхликой и тысячерукой конфигурацией, что отражает её символическое значение и мастерство традиционных китайских техник резьбы по дереву. Под статуей расположено квадратное сиденье Сумера^[8], декорированное облачными узорами^[9] и бусинами сокровищ. Над сиденьем возвышается трёхъярусный лотосовый^[10] трон, подчёркивающий величие и духовную значимость скульптуры. Архитектурные особенности и скульптурное исполнение пагоды демонстрируют стилистические черты династий Тан и Сун, а также высокий уровень мастерства китайских резчиков по дереву. (см. Ил. 4)

(Иллюстрация 4. Внутренний вид пагоды)

Вторая зона облачными узорами внутреннего пространства пагоды располагается в её верхней части и включает в себя две статуи Будды Гуаньинь, она занимает центральное положение на вершине тензорно-балочной конструкции, под которой расположен большой круглый лотосовый трон. Эти две статуи, изображающие Будду Гуаньинь, размещены спина к спине на лотусовом сиденье, символизирующем гору Сумеру, с использованием элементов декора, имитирующих «подсветку»^[11] между ними. Разделённые конструкцией на основе струнных и балочных элементов. Архитектурные в конструкции решения предусматривают использование стальных натяжных балок, украшенных орнаментами в виде лотоса и других декоративных элементов. В отличие от традиционных пагод, данная конструкция отличается применением современной балочной системы.

В рамках буддийского ритуала «вращение пагоды»^[12], представляющего собой круговое паломничество, символизирующее молитву о благословении, происходит трансформация существующих архитектурных элементов здания. На первом этаже, в коридоре мезонина и на верхнем этаже создаются платформы, формирующие трехмерный круговой маршрут для верующих, совершающих молитву и богослужение. Кроме того, на верхнем уровне предусмотрена экскурсионная программа. На внешней поверхности первого этажа пагоды нанесены тексты Ваджра-сутры.

Архитектурные особенности освещения внутреннего пространства пагоды разработаны с высокой степенью детализации. В отличие от традиционной схемы освещения с единственным источником света на вершине, пагода оснащена множественными источниками освещения, расположенными в различных направлениях, что соответствует количеству деревянных статуй Будды. Наружные окна главного здания пагоды покрыты плёнкой с коэффициентом светопропускания 9%, что позволяет регулировать интенсивность естественного освещения и создавать атмосферу спокойствия, характерную для дзен-буддизма. В пагоде реализована система скрытого освещения, способная подчёркивать архитектурные элементы здания посредством световых эффектов.

По обеим сторонам от главного здания храма, как Павильон Гуань Синь (观心阁), расположены Лекционный зал и Библиотека. Эти помещения предназначены для проведения лекций, посвященных буддийским писаниям и истории храма, а также для

изучения буддийских текстов. Лекционный зал (讲经堂) и Библиотека являются ключевыми функциональными зонами храма, где традиционно проводятся мероприятия, связанные с буддийской культурой и историей. Архитектурное решение зданий, высота которого составляет почти 11 метров, включает в себя четыре светящиеся металлические панели, подвешенные под потолком боковых залов. Три статуи Будды Гуаньинь, представляющих различные воплощения, установлены в лекционных залах и вестибюле библиотеки с левой и правой стороны главного здания., что подчеркивает религиозную и культурную значимость этих пространств. Лекционный зал спроектирован с учетом акустических требований. В качестве отделочных материалов для стен лекционного зала и библиотеки использованы акустические панели темного цвета, обеспечивающие оптимальные условия для проведения лекций и медитативной практики. Данная архитектурная концепция не только создает благоприятную среду для образовательной деятельности музея, но и отражает особенности буддийской культуры. Система освещения лекционного зала и библиотеки представляет собой сложное техническое решение. В интерьерах помещений на потолках установлены световые панели, которые равномерно освещают декоративные элементы, включая панели с буддийскими писаниями, размещенные на стенах. Каждая деревянная статуя Будды в лекционном зале и вестибюле библиотеки оборудована несколькими источниками света, что позволяет создать равномерное и эстетически приятное освещение, соответствующее традиционным буддийским канонам.

Слияние инноваций и традиций

Современное выражение традиционных элементов: Архитектурные архетипы и пространственная реконструкция

Архитектурные прототипы и пространственная реконструкция: Дизайн комплекса вдохновлен формами «пагоды» (宝塔) и «мандалы» (曼陀罗) традиционной буддийской архитектуры. В главном зале была построена семиэтажная полая пагода в качестве трехмерного выставочного средства для деревянных статуй Будды. Проект сохраняет символическое значение традиционной пагоды, но достигает инновационной пространственной планировки с помощью современных архитектурных приемов, таких как конструкция из натяжных балок. Дизайн комплекса вдохновлен формами «пагоды» и «мандалы» традиционной буддийской архитектуры, но включает в себя современные концепции пространственной планировки, выбора материалов и функционального дизайна. Эта интеграция не только сохраняет основные элементы традиционной культуры, но и реализует функциональное расширение и пространственные инновации с помощью современных технологий.

Комплекс представляет собой многофункциональное пространство, предназначенное не только для демонстрации статуй Будды, но и для реализации различных духовных практик, таких как молитва, медитация и созерцание. Многоуровневая пространственная структура комплекса, включая Лекционный зал и Облачную террасу, обеспечивает комплексный и интегрированный опыт взаимодействия с культурным наследием. В Лекционном зале применяется инновационный дизайн с использованием зеркальных отражений и светящихся металлических панелей, что создает футуристическую атмосферу. Этот подход не только удовлетворяет функциональным требованиям традиционного храма, но и способствует выражению современных художественных концепций, гармонизируя исторические и современные элементы. Облачной террасы будды Гуаньинь (观音云台) также является значимой частью комплекса, предоставляя дополнительное пространство для созерцательных практик и углубленного духовного взаимодействия.

Интеграция традиционных ремесленных навыков и современных технологий

Процесс создания скульптур Будды из бальзамно-камфорного дерева выполнен в стиле династий Тан и Сун. Экспозиция представляет эти артефакты зрителям в более интуитивно понятной и познавательной форме с использованием современных выставочных технологий, таких как светодизайн и пространственная планировка.

Выбор строительных материалов для храма-музея. Например, применение современных бетонных конструкций для воссоздания форм традиционных деревянных зданий не только позволяет сохранить визуальные характеристики традиционной архитектуры, но и значительно повышает долговечность и функциональность здания.

Культурное значение: наследие и популяризация буддийской культуры

Храм-музей деревянного Будды, экспонатом которого является деревянные статуи будды, пропитанный камфорным бальзамом. Архитектурное пространство храма-музея трансформирует буддийскую космологию, философские концепции возделывания и духовные искания в пространственные переживания. Например, изображение мандалы внутри ступы и экспозиция «Тысячерукая Гуаньинь» служат не только визуальными репрезентациями буддийской культуры, но и предоставляют посетителям возможность более глубокого осмыслиения буддийского искусства и философии. Храм-музей, являясь частью храма Цзисинь, продолжает историческую линию и становится важным носителем буддийского культурного наследия. Благодаря сочетанию современных методов экспозиционной деятельности и традиционных архитектурных форм, музей способствует возрождению и популяризации древней буддийской культуры.

Художественное значение: интеграция традиционных и современных элементов с инновационными подходами

Архитектурное решение храма-музея обеспечивает гармоничное сочетание традиционных и современных элементов. Архитектурный стиль главного зала, вдохновленный архитектурными канонами сонга, органично интегрируется с современной структурой пагоды, сохраняя сакральную атмосферу традиционного храма и одновременно воплощая принципы легкости и открытости современной архитектуры.

Оформление интерьера комплекса создает художественную среду, соответствующую эстетике дзен-буддийский, посредством искусно подобранных световых и теневых решений, а также рационального использования материалов и пространства. Например, металлические кронштейны и скрытая система освещения внутри ступы демонстрируют лаконичность и элегантность современного искусства, одновременно отражая духовные устремления буддийской культуры. Данный синтез традиционных и современных подходов представляет собой художественного дизайна, предлагая новые концептуальные решения для интеграции культурного наследия и современных эстетических принципов.

Социальная значимость: просвещение населения и культурный опыт

Храм-музей Деревянного Будды представляет собой многофункциональное учреждение, которое выполняет не только религиозные, но и культурно-просветительские функции. Благодаря инновационной архитектурной концепции, включающей трехмерную круговую дорожку и мультимедийные экспонаты, музей предоставляет посетителям уникальную возможность погрузиться в мир буддийской культуры. Экспозиции музея освещают аспекты буддийского искусства, истории и философии, содействуя глубокому пониманию

данной религиозной традиции. В рамках культурно-просветительской деятельности музей также организует церемониальные мероприятия, такие как ритуалы благословения, что позволяет посетителям ощутить аутентичную атмосферу буддийской традиции. Дополнительно, Лекционный зал музея служит платформой для проведения образовательных программ, включающих лекции, выставки и другие культурные события, направленные на популяризацию и распространение буддийских ценностей и знаний.

Религиозное значение: пространство для духовной практики

Храм-музей Цзисинь, сохраняет свою религиозную функцию. Он предоставляет верующим и посетителям специально организованное пространство для медитации и духовных практик. Архитектурный дизайн музея выполнен в духе дзен-буддизма, что способствует созданию атмосферы, способствующей медитации и созерцанию. Трехмерная визуализация пагоды и проведение ритуалов благословения усиливают религиозное значение музея. Посетители могут не только насладиться созерцанием деревянной статуи Будды, но и погрузиться в духовный опыт, который способствует их внутреннему умиротворению и сублимации.

Архитектурное значение: современная интерпретация традиционной архитектуры

Архитектурный проект Музея Деревянного Будды представляет собой современную интерпретацию традиционного архитектурного языка. Главный зал и пагода выполнены в стиле династии Сун. При этом в проекте использованы современные архитектурные решения и материалы. Что касается строительных материалов: вместо традиционной буддийской пагоды из дерева или камня пагода выполнена из железобетона, а внутри - из стальных натяжных балок для разделения внутреннего пространства. Использование светоотражающих панелей на верхнем этаже лекционного зала и библиотеки, чтобы подчеркнуть спокойствие здания, является инновацией, основанной на традициях. Эллиптический план пагоды и ярусное перекрытие заимствованы из традиционной архитектуры, но благодаря использованию современных металлических опор и техники освещения. Такой подход к проектированию является примером успешной интеграции современных архитектурных решений в контекст традиционной архитектуры.

Экологическое значение: Интеграция с природным ландшафтом

Ландшафтное проектирование храма-музея осуществлено с учетом гармоничного симбиоза с природной средой горы Предков. Системы распыления водных потоков на Облачной террасы будды Гуаньинь воспроизводят характерные черты облачного ландшафта горы Предков, что усиливает визуальную и концептуальную связь между архитектурным объектом и окружающей природой. Восхождение по ступеням позволяет посетителям ощутить эстетическое восприятие природных красот и глубже осознать церемониальное значение архитектурного пространства. Данная концепция интеграции с природной средой не только повышает эстетическое восприятие комплекса, но и представляет собой пример успешного внедрения принципов современной архитектуры в контексте сохранения и уважения к окружающей экосистеме.

Заключение:

Храм-музей Цзисинь деревянного Будды в городе Цинъхуандао является примером успешной интеграции традиционной культуры и современных архитектурных решений. В основе его концепции лежит гармоничное сочетание инноваций и традиционных элементов, что позволяет сохранить культурное наследие и адаптировать его к современным условиям. Архитектурные решения музея, такие как семиэтажная полая

пагода, лекционный зал и Облачной террасы будды Гуаньинь, включают в себя как традиционные буддийские символы, так и современные пространственные и функциональные решения. Семиэтажная полая пагода представляет собой симбиоз символизма традиционной пагоды и современных трехмерных экспозиционных технологий. Зал проповеди объединяет традиционные функции проповеди с современным искусством света и тени. Облачной террасы будды Гуаньинь сочетает в себе традиционные пространства для созерцания и современные архитектурные формы. Выставочное пространство, посвященное Будде из бальзамического камфорного дерева, представляет собой уникальное сочетание традиционных технологий резьбы и современных методов экспонирования. Храм - музей Цзисинь, таким образом, не только является данью уважения буддийской культуре, но и представляет собой инновационное исследование в области современной архитектуры и художественного дизайна. Существование музея обеспечивает посетителям возможность глубокого погружения в культурное наследие, а также служит цепным примером для изучения архитектурных, художественных и религиозных традиций.

[\[1\]](#) Лотосовый узор - один из традиционных узоров ханьцев в древнем Китае. Еще при династии Западная Чжоу он широко применялся на бронзе, а чаще всего использовался в декоративных узорах буддийских храмов. В династии Мин и Цин узор лотоса в фарфоровом декоре развивается с большой скоростью, его изменение отличается богатым разнообразием форм.

[\[2\]](#) Древний аллегорический узор. *Lonicera japonica* - это вьющееся растение, которое обычно называют «жимолость» или «жимолостная лоза». Поскольку она не умирает зимой, поэтому ее широко используют в буддизме, сравнивая с бессмертием человеческой души, реинкарнацией вечной жизни. Позже ее стали широко использовать в живописи, резьбе и других произведениях искусства для украшения.

[\[3\]](#) Ворота храма (*The gate of the temple*) означают дверь здания на фасаде храма, общее название буддийского храма.

[\[4\]](#) Зал Даксионгбао, главный зал буддийского монастыря, также известный как Большой зал, является основным зданием всего монастыря и местом, где монахи сосредотачивают свою практику с утра до вечера.

[\[5\]](#) То есть три ряда зданий и окружающие их постройки с дворовой стеной заключены в два внутренних двора четырехугольника.

[\[6\]](#) Мандала означает алтарь, место сбора всех мудрецов и добродетелей, и представляет собой космическую модель буддийской культуры.

[\[7\]](#) Тысячерукая Гуаньинь - одна из четырех великих бодхисаттв буддизма в китайском фольклоре. Тысячерукая Гуаньинь - левосторонняя помощница Будды Амитабхи.

[\[8\]](#) Сумеру, также известное как «сиденье Ваджры» и «алтарь Сумеру», возникло в Индии, это постамент для размещения статуй Будды и бодхисаттв. Позже его стали использовать для обозначения основания архитектурных украшений, например, основания теневой стены.

[\[9\]](#) Облачными узорами, украшение в форме облака, был благоприятным узором в Древнем Китае, символизировал продвижение по службе и удачу и широко использовался. Его часто используют в скульптурах, для печати на одежде, для окрашивания изображений и т. д.

[\[10\]](#) Так называется статуя Будды в храме, в которой лотос используется в качестве трона. В буддизме Бодхисаттвы Шакьямуни и Гуаньинь использовали лотос в качестве своих сидений. С тех пор все статуи Будды в храмах используют лотос в качестве тронов, которые называются лотосовыми сиденьями.

[\[11\]](#) «Подсветка» возникла в Древней Индии как украшение буддийских статуй, в которых подсветка символизирует мудрость и просветление Будды.

[\[12\]](#) «Вращение пагоды» в буддийском культе - это хождение вокруг ступы, своего рода круговой путь со смыслом молитвы о благословении.

Библиография

1. Хан Ш. Храм Цзушань Цзисинь-музей деревянного Будды // Modern Decoration. 2023. № 24. С. 32-39. [韩双羽. 祖山济心寺·木佛博物馆. 现代装饰,2023(24):32-39.]
2. Лю Л. Предварительное исследование новой стандартизированной практики античного строительства на основе сборки // Строительные материалы и отделка. 2018. № 6. С. 138. [刘滢.基于新型标准化装配式仿古建筑做法初探.建材与装饰, 2018(6):138.]
3. Чжан Х. Лекции по архитектуре буддийских монастырей в Китае. Пекин: Современное китайское издательство, 2007. [张驭寰.中国佛教寺院建筑讲座.北京:当代中国出版社,2007.6.]
4. Го Ц. Китайские храмы. Пекин: Издательство сельского чтения, 2009. [郭俊红.中华寺庙.北京:农村读物出版社,2009.11.]
5. Дуань Ю. Китайская храмовая культура. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1994. [段玉明.中国寺庙文化.上海:上海人民出版社,1994.]
6. Лв Ц., Чжан Ц. Размышления о дизайне современной буддийской храмовой архитектуры в Китае-на примере храма Чжунтай Чань и горы Фафэн на Тайване // Архитектура Центрального Китая. 2011. Т. 29, № 09. С. 45-48. [吕江波,张琦.中国当代佛教寺庙建筑的设计思考--以台湾中台禅寺和法封山为例.华中建筑,2011,29(09):45-48.]
7. Тонг Нана. Исследование декоративного искусства храмовой архитектуры Чаошань. Хунаньский технологический университет, 2017. [童娜娜. 潮汕寺庙建筑装饰艺术研究.湖南工业大学,2017.]
8. Ли С., Чжу Г. Предварительное исследование планирования и дизайна современных буддийских храмов // Журнал архитектуры Юго-Восточного университета. С. 68-71. [李新建 朱光亚. 当代佛教寺庙规划设计初探, 建筑学报, 东南大学. P 68-71.]
9. Варова Е. И. Концепция единства человека и природы в культовой архитектуре Китая // Известия АлтГУ. 2014. № 2 (82). С. 168-171. DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-32 EDN: TEJYCL
10. Адыгбай Ч. О., Конгу А. А. Сакральные аспекты буддийских монастырей Тувы // Вестник КалмГУ. 2016. № 3 (31). С. 4-12.
11. Zhang Jitong. Modernized Traditional Temple. VirginiaTech, 2024. [未翻译]
12. Янь Ч. Исследование внешних морфологических характеристик больших и средних современных храмовых зданий в Китае. Уханьский технологический университет, 2015. [闫晨. 我国大中型现代寺庙建筑外部形态特征研究.武汉理工大学,2015.]
13. Варова Е. И. Исследование традиционной концепции единства человека и природы в культовой архитектуре Китая в трудах современных ученых // Манускрипт. 2016. № 6-2

(68). С. 54-57.

14. Лю С. Исследование туристического ландшафтного дизайна храмовой архитектуры Гуанчжоу на основе онтологической защиты. Университет Гуанчжоу, 2013. [刘茜. 基于本体保护的广州寺庙建筑旅游景观设计研究. 广州大学, 2013.]

15. Ван С. Храм Цзушань Цзисинь-Музей деревянного Будды-другой мир // Журнал о недвижимости. 2023. № 19. С. 32-35. [王萱. 祖山济心寺·木佛博物馆--别有洞天. 房地产导刊, 2023(19):32-35.]

16. Гао Вэймин. Античные строительные технологии в современной храмовой архитектуре // Building Construction. 2019. Т. 41, № 09. С. 1673–1675. [高卫明. 现代寺庙建筑中的仿古施工技术. 建筑施工, 2019, 41(09):1673–1675.] ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет статьи «Храм - Музей Будды Цзисинь» - анализ буддийской храмовой архитектуры Китая и ее указанного произведения.

Методология исследования весьма разнообразна и включает сравнительно-исторический, аналитический, описательный и др. методы.

Актуальность статьи необычайно велика, особенно в свете возросшего интереса современного научного сообщества к истории и культуре Востока, в т.ч. архитектуре.

Научная новизна работы также не вызывает сомнений, равно как и ее практическая польза.

Перед нами - достойное научное исследование, в котором стиль, структура и содержание полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к статьям такого рода. Оно отличается обилием полезной информации и важными выводами. Статья четко и логично выстроена, имеет 3 части: введение, основную часть и заключение.

Остановимся на ряде положительных моментов. Автор во введении дает содержательную характеристику понятию буддийской храмовой архитектуры Китая. Затем он делит статью на множество подпунктов:

Традиционная храмовая архитектура;

Подражание буддийской храмовой архитектуры династии Тан;

Современная архитектура буддийских храмов;

Буддийская храмовая архитектура в контексте региональных особенностей;

Слияние инноваций и традиций:

Современное выражение традиционных элементов: Архитектурные архетипы и пространственная реконструкция;

Интеграция традиционных ремесленных навыков и современных технологий;

Культурное значение: наследие и популяризация буддийской культуры;

Художественное значение: интеграция традиционных и современных элементов с инновационными подходами;

Социальная значимость: просвещение населения и культурный опыт;

Религиозное значение: пространство для духовной практики;

Архитектурное значение: современная интерпретация традиционной архитектуры;

Экологическое значение: Интеграция с природным ландшафтом.

Такая структура статьи обеспечивает подробнейший анализ каждого параметра указанного архитектурного объекта. Отметим особую тщательность описаний

исследователя, которые подтверждаются примерами, как в этом случае: «Стены построек имеют значительную толщину, а сами сооружения обладают компактными размерами, что обусловлено суровыми климатическими условиями и сильными ветрами региона. Цветовая гамма фасадов разнообразна, часто используются насыщенные цвета, такие как красный, желтый и белый, а также другие контрастные оттенки. Храмовые здания украшаются изысканными буддийскими фресками, тхангка и другими элементами декора, отражающими особенности тибетской буддийской культуры. В регионе Фуцзянь буддийская храмовая архитектура отличается местным колоритом южной провинции. В отделке зданий активно применяются различные виды резьбы, такие как резьба по дереву, камню и кирпичу, что придает сооружениям изысканный и сложный вид. Цветовая гамма фасадов насыщена яркими красками. Крыши зданий часто имеют форму ласточкиного хвоста, что является уникальной архитектурной особенностью региона.[19 с. 39] Примером является храм Кайюань в Цюаньчжоу, Зал Махараджи которого украшен резьбой по дереву и камню с изображением драконов и цветочных узоров»

Еще к одним достоинствам исследования можно отнести умение автора делать правильные промежуточные выводы, например: «В современных проектах наблюдается тенденция к упрощению форм и отказу от избыточной декоративности в пользу функциональности и практичности. Применение современных строительных материалов, таких как стекло, сталь и бетон, создает уникальные текстурные и визуальные эффекты, отличающиеся от традиционных решений.[20, с. 69] Таким образом, современная архитектура буддийских храмов представляет собой синтез традиционного наследия и инновационных подходов, отражая динамичное развитие архитектурной мысли в Китае». Исследователя отличают глубокие знания и умение передать их читателю живым и образным языком, например: «Архитектурные решения, применённые при строительстве, включают использование элементов буддийской архитектуры, таких как пагода. Пагода, расположенная в главном здании, отличается от традиционных буддийских пагод. Обычно пагоды представляют собой отдельно стоящие сооружения, возводимые под открытым небом для хранения реликвий и мощей святых монахов. Они имеют многоэтажный прямоугольный силуэт и символизируют буддийскую концепцию вселенной и царства *cultivation*. В отличие от них, пагода в павильоне Гуаньсинь имеет овальную форму в плане и состоит из семи этажей, сходящихся к вершине».

Весьма похвально, что автор снабдил работу рядом рисунков: «(Иллюстрация 1. План этажа храма Цзисинь 1. Горные ворота, 2. Зал Даксионгбао, 3. террасы террасы будды Гуаньинь, 4. Павильон Гуань Синь, 5. Лекционные залы и библиотека)». Их большое количество в работе, и они, бесспорно, помогают глубже раскрыть тему.

Библиография исследования обширна, включает основные, в большинстве своем, иностранные источники по теме, оформлена корректно.

Апелляция к оппонентам достаточна и сделана на достойном профессиональном уровне. Выводы, как мы уже отмечали, сделаны серьезные и обширные, вот лишь часть из них: «Храм-музей Цзисинь деревянного Будды в городе Цинъхуандао является примером успешной интеграции традиционной культуры и современных архитектурных решений. В основе его концепции лежит гармоничное сочетание инноваций и традиционных элементов, что позволяет сохранить культурное наследие и адаптировать его к современным условиям. Архитектурные решения музея, такие как семиэтажная полая пагода, лекционный зал и Облачной террасы будды Гуаньинь, включают в себя как традиционные буддийские символы, так и современные пространственные и функциональные решения».

На наш взгляд, статья будет иметь большое значение для разнообразной читательской аудитории - архитекторов, студентов и педагогов, историков, искусствоведов и т.д., а

также всех тех, кого интересуют вопросы архитектуры и международного культурного сотрудничества.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философия и культура» автор представил статью «Храм - Музей Будды Цзисинь», в которой проведено исследование особенностей современной буддийской храмовой архитектуры Китая.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что Храм-музей Цзисинь деревянного Будды в городе Цинъхуандао является примером успешной интеграции традиционной культуры и современных архитектурных решений. В основе его концепции лежит гармоничное сочетание инноваций и традиционных элементов, что позволяет сохранить культурное наследие и адаптировать его к современным условиям. Актуальность исследования определяется важностью сохранения традиционной культуры в условиях ускоряющегося темпа интеграции новых технологий и духовной составляющей общества.

Методологическую базу исследования составил комплексный подход, содержащий как общенаучные методы описания, анализа и синтеза, так и культурологический, сравнительно-исторический и семиотический анализ. Теоретической основой выступают труды таких современных российских и китайских исследователей как Дуань Ю., Янь Ч., Варова Е. И. и др. Эмпирической базой исследования послужил Храм-музей Цзисинь деревянного Будды в городе Цинъхуандао.

Целью исследования является более детальное изучение механизмов наследования и развития буддийской культурной традиции в контексте современности, а также выявление тесной взаимосвязи между архитектурным искусством, религиозной практикой и социальной культурой. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: описать типовые характеристики современной буддийской храмовой архитектуры Китая; исследовать архитектурные решения Храма-музея Цзисинь деревянного Будды в городе Цинъхуандао; выявить его социокультурную значимость.

К сожалению, в статье отсутствует анализ степени научной проработанности проблематики, что затрудняет определение научной новизны настоящего исследования. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при исследовании образцов подобных архитектурных храмовых комплексов. Автором представлены и детально изучены следующие типологические категории современной буддийской храмовой архитектуры Китая и регионально специфической храмовой архитектуры: традиционная храмовая архитектура, храмовая архитектура

периода династии Тан, современная храмовая архитектура.

Автором проанализировано оформление комплекса Храма-музея Цзисинь деревянного Будды в городе Цинъхуандао. Как отмечено автором, архитектурные решения музея включают в себя как традиционные буддийские символы, так и современные пространственные и функциональные решения, что делает Храм - музей Цзисинь не только данью уважения буддийской культуре, но и полем применения инновационных достижений в области современной архитектуры и художественного дизайна.

Особое внимание автор уделяет исследованию социокультурного, художественного, религиозного, архитектурного, экологического значения храма, отмечая, что посещение данного комплекса музея обеспечивает возможность глубокого погружения в культурное наследие, а также служит ценным примером для изучения архитектурных, художественных и религиозных традиций.

Проведя исследование, автор представляет выводы по изученным материалам.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение процесса и потенциала интеграции и взаимовлияния уникальной традиционной культуры определенного народа и современных технологий представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 16 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике ввиду актуальности изучаемой проблематики и обширного научного дискурса. Однако автору необходимо оформить библиографию исследования в соответствии с требованиями ГОСТа и редакции. Текст статьи выдержан в научном стиле и дополнен иллюстративным материалом.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Грибков А.А., Зеленский А.А. Знания, мышление и управление // Философия и культура. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.12.77357 EDN: KYELZM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77357

Знания, мышление и управление**Грибков Андрей Армович**

ORCID: 0000-0002-9734-105X

доктор технических наук

ведущий научный сотрудник; Научно-производственный комплекс "Технологический центр"

124498, Россия, г. Москва, пл. Шокина, 1, строение 7

✉ andarmo@yandex.ru

Зеленский Александр Александрович

ORCID: 0000-0002-3464-538X

кандидат технических наук

ведущий научный сотрудник; Научно-производственный комплекс "Технологический центр"

124498, Россия, г. Москва, пл. Шокина, 1, строение 7

✉ zelenskyaa@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.12.77357

EDN:

KYELZM

Дата направления статьи в редакцию:

12-12-2025

Дата публикации:

19-12-2025

Аннотация: Предметом исследования в статье являются три взаимосвязанных концепции – знания, мышление и управление. Комплексный анализ этих понятий, определение ключевых терминов и механизмов выявляют их существенную общность. Исследование включает в себя: рассмотрение методов построения системы знаний,

сравнительный анализ этих методов, определение возможности формирования смысловой модели знаний; анализ мышления – совокупности цепочек событий, из которых складывается процесс рабочей памяти когнитивной системы; управление сложными системами, в том числе управление когнитивными системами в реальном времени. В заключение рассматривается социальный аспект развития искусственных когнитивных систем в контексте сформированных представлений о цикле знания-мышление-управление в условиях перехода цивилизации на стадию цивилизации когнитивных технологий, для которой характерно резкое повышение значимости искусственных когнитивных систем. Методология исследования опирается на использование знаний из многих областей знания: теории познания, общей теории систем и методологии научного познания, теории когнитивных систем, теории управления и др. В качестве инструментария реализации задач построения системы знаний, развития мышления и управления использованы различные акторские подходы. Научная новизна представленного в статье исследования заключается в комплексном рассмотрении всех трех составляющих цикла знания-мышление-управление. Для этого каждая из соответствующих понятиям предметных областей анализируется в рамках соответствующих ей теоретических подходов, но с обеспечением общности терминологии и используемых понятий. К числу значимых результатов исследования можно отнести формализацию различий категорий понимания и осмысливания, а через них подходов к построению синтаксической и семантической моделей знания. Одним из наиболее перспективных методов совершенствования когнитивных систем является дополнение механизма внимания специальным расширением – библиотекарем, индексирующим данные в долговременной памяти согласно синтаксическим и семантическим маркерам, а также выполняющим предварительные вычисления для решения типовых задач, требующих существенных затрат времени.

Ключевые слова:

система знаний, понимание, осмысливание, целостность, изоморфизм, паттерны, когнитивная система, мультисистемная интеграция знаний, процесс рабочей памяти, управление

Введение

Проблематика реализации интеллектуальной деятельности охватывает широкий круг взаимосвязанных вопросов, изолированное рассмотрение которых не обеспечивает необходимого разрешения всей совокупности актуальных задач. Указанные вопросы сводятся к определению трех фундаментальных понятий: во-первых, знания, которое задается в виде системы, удовлетворяющей требованию целостности [1] и онтологичности [2, с. 199]; во-вторых, мышления, определяемого как поток взаимосвязанных событий, формирующих процесс рабочей памяти в когнитивных системах; в-третьих, управления, инициируемого и являющегося результатом активности когнитивных систем.

Знания, мышление и управление образуют цикл: знание является входным ресурсом для процесса управления, качество которого напрямую зависит от полноты и достоверности имеющихся знаний; мышление – это процесс, в ходе которого когнитивная система анализирует имеющиеся знания, создает новые знания и принимает управленческие решения; управление – это применение мышления и знаний для достижения конкретных

целей, следствием которого являются получение опыта и генерация нового знания, которые затем снова используются в мышлении, замыкая цикл.

Исследованию данного цикла уделяется существенное внимание в работах Г.П. Щедровицкого и Московского методологического кружка [3,4], где цикл интерпретируется как структура «организации, руководства и управления», являющаяся составной частью СМД-методологии. Ядром СМД-методологии является схема мыследеятельности (СМД), согласно которой деятельность невозможна без мышления (проектирование, рефлексия) и накопленных знаний, которые позволяют управлять сложными системами. Аналогичная модель для целей управления организацией была предложена К. Вигом. Цикл управления знаниями в этой модели напрямую связывает «мышление о мышлении» с процессом извлечения и применения знаний [5]. Интерес также представляют исследования системного мышления в управлении А.И. Левенчука [6], П. Сенге [7].

Перечисленные работы, обладающие безусловной научной и практической ценностью, тем не менее, по мнению авторов данной статьи, не отражают в полной мере (в рамках теории познания, общей теории систем и методологии научного знания, теории когнитивных систем, теории управления, а также в рамках анализа цивилизационного развития) реализацию и взаимодействие знаний, мышления и управления.

Указанная взаимосвязь понятий знания, мышления и управления обуславливает необходимость их рассмотрения в рамках одного исследования, предполагающего корреляцию получаемых результатов и оценку перспектив использования имеющихся и ожидаемых достижений в контексте каждого из указанных понятий.

В данной статье авторы обобщают собственные исследования, изложенные ранее в нескольких десятках публикаций (ключевые положения некоторых из них представлены в статье), посвященных проблематики формирования системы знаний, когнитивным системам и реализуемым в них процессам мышления, а также вопросам управления сложными системами, в частности системами реального времени. Указанные исследования выявили тесную взаимосвязь процессов, характеризующих их понятий, необходимость (в некоторых случаях) их альтернативной интерпретации и введения дополнительных понятий и механизмов, обеспечивающих описательную и функциональную комплектность существующих представлений. Целью статьи является консолидация этих представлений в целостную систему, объединенную общей логикой и терминологией, открытую для дальнейшей детализации, расширения и уточнения.

Предваряя рассмотрение проблематики познания необходимо определиться с фундаментальным вопросом об отношении бытия и познания [8,9]. От ответа на этот вопрос зависит выбор пути построения системы знаний, методы ее верификации и характер интерпретации знаний. Ранее проведенные исследования [10] позволяют авторам констатировать достоверность и перспективность (с точки зрения построения системы знаний) представления о детерминированном мире, доступном рациональному познанию. В частности, говоря о познании, мы будем исходить из его рациональности [11], полагая интерпретации, основанные на иррациональности творчества и интуиции, ошибочными и оставляя их пределами нашего рассмотрения.

Понимание и осмысление

В основе построения системы знаний лежат две концепции, взаимно дополняющие друг друга, но при этом, обнаруживающие критические разногласия: концепция понимания и

концепция осмысления [12, 13, 14]. Интерпретация этих двух концепций обладает широкой вариативностью, в рамках некоторых из интерпретаций концепции понимания и осмысление сливаются, становясь тождественными [15]. По мнению авторов, различия существуют, они фундаментальны и могут быть formalизованы следующим образом.

Понимание знания – это способность субъекта познания объяснить его посредством существующих обобщенных понятий, терминов в рамках принятой парадигмы. Понимание – базовый принцип, на основе которого строится научное знание. Это здание иерархическое, инкапсулирующее знания в виде обобщенных понятий. Инкапсулируемые в эти понятия знания во многих случаях недетерминированы или детерминированы лишь частично. Например, мы привычно используем понятие «поле» (гравитационное, электромагнитное, ядерное или слабое), однако современная физическая наука не имеет ни малейшего представления о реальных механизмах, посредством которых возникают силы притяжения и отталкивания. Наше знание о физических полях – недетерминированное. Это, однако, не является препятствием к его использованию для расчета различных электромагнитных или гравитационных эффектов и т.д.

Итак, можно констатировать, что концепция понимания – ключевой инструмент формирования иерархии знаний.

Осмысление знания – это способность субъекта познания к объяснению знания во взаимосвязи с другими элементами системы знаний, в которую данное знание интегрировано. Осмысление обычно интерпретируется как встраивание или интеграция знания в систему знаний о мире. Целью осмысления знания является обеспечение целостности системы знаний.

Каким образом можно обеспечить эту целостность? Ответ на этот вопрос следует искать в области знаний, декларирующей целостность систем в качестве своего основного назначения и содержания – общей теории систем [16, 17, 18]. Эмпирическим выражением целостности мира является изоморфизм – явление подобия форм и законов в различных предметных областях, на разных уровнях организации мироздания. Формальным представлением универсальных типовых форм (шаблонов), в виде которых проявляется изоморфизм, являются паттерны форм и законов. В результате, целостность знания определяется возможностью его формального представления посредством универсальных паттернов форм и законов. Осмысление знания, в логике предлагаемой интерпретации, означает способность субъекта познания формализовать это знания посредством паттернов форм и законов, универсальных для всех предметных областей и эволюционных уровней бытия.

Задача выявления и формализации указанных паттернов – сложная и, очевидно, до настоящего времени решена лишь частично. Более того, не определена методология достоверного определения таких паттернов. Предшествующие авторские исследования в данной области [2] показали, что необходимо задействовать два канала познания: эмпирический, согласно которому паттерны форм и законов определяются в результате обобщения знаний из различных предметных областей, их систематизации и переводу на формальный язык общей теории систем; метафизический, согласно которому для обнаружения универсальных паттернов необходимо детерминировать наиболее простые структуры, близкие к метафизическому уровню, на котором декларируются априорные знания (первичные свойства бытия), из которых следуют все прочие свойства, качества, структуры и отношения в бытии. Чем более низкий уровень в иерархии материальных структур становится предметом анализа, тем проще выявлять связи, отношения и

лежащие в их основе паттерны. А найденные паттерны всегда универсальны (это надежно подтверждено изоморфизмом мироздания) и, однажды формализованные, могут в дальнейшем использоваться для описания объектов любого уровня сложности.

Формирование системы знаний

Ранее проведенные авторские исследования [\[19\]](#) позволили сформулировать три возможных пути формирования системы знаний.

Первый («метафизический») путь имеет в своей основе метафизические знания, ядром которых выступают первичные свойства бытия. В рамках эмпирико-метафизической общей теории систем существует пять первичных свойств бытия: протяженность (в трех геометрических измерениях) материи и пустоты, телесная непроницаемость, инертность, движение и исчисляемость материи [\[2, с. 81-87\]](#). Процесс построения системы знаний при движении по этому пути начинается с построения «чистым разумом» на основе первичных свойств бытия и логически следующих из них законов множества простейших материальных структур, структур на основе этих структур и т.д., исследования всех этих структур на предмет наличия в них изоморфизма и выявление типовых паттернов форм и законов. Неограниченное расширение системы знаний при движении по этому пути, к сожалению, невозможно: начиная с какого-то эволюционного уровня анализируемые материальные структуры и связанные с ними процессы становятся слишком сложными, не подлежащими детерминированному описанию. Знания, относящиеся к таким структурам и процессам, могут быть понимаемыми (объяснимыми посредством принятых универсальных понятий в рамках принятой парадигмы познания), но не могут быть осмыслены (интегрированы в систему онтологических знаний, биективных [\[20, с. 319-320\]](#) бытию).

Несмотря на ограниченность возможностей построения системы знаний при движении по «метафизическому» пути, полученные знания (формализованные в виде паттернов форм и законов) могут быть использованы для продвижения по другим путям построения системы знаний.

Второй путь формирования системы знаний («путь иерархических моделей»), основной в настоящее время во всех областях знания, реализуется посредством выстраивания формальной (понятийной, не требующей осмыслиения) иерархии аксиоматик и основанных на них формальных моделей, инкапсуляции знаний на каждом уровне иерархии и построения в конечном итоге «матрешки» симуляков.

Данный путь формирования системы знаний, как показывает развитие наук, обеспечивает адекватное количественное описание реального мира. При этом описание неизбежно является фрагментарным, формируемые модели остаются преимущественно закрытыми, не расширяемыми за пределы области познания, в рамках которой эти модели синтезируются [\[21\]](#). Путь иерархических моделей не обеспечивает осмыслиения знаний, он служит лишь их пониманию посредством объединения в иерархическую систему обобщенных понятий, не предполагающую их детерминированности.

Формирующаяся в результате движения по пути «иерархических моделей» система знаний образована из знаний, не являющихся в полной мере осмыщенными: общего представления о целостном мироздании на основе этих локальных моделей сформировать невозможно. Граница между осмыщенным и неосмыщенным знанием проходит через разделение представляющих это знание моделей на «открытые» и «закрытые». «Закрытыми» являются модели, которые образуются на основе

эмпирических знаний в ограниченной области познания, и несоответствующие реальности за пределами этой области. «Открытые» модели – это модели, которые применимы за пределами области познания, на основе данных по которой они были созданы.

Целью осмыслиения знания является обеспечение достоверности представляющих его моделей. Достоверность знания обеспечивается удовлетворением нескольким базовым требованиям [2, с. 195-201], важнейшими из которых для осмыслиения знания являются онтологичность и изоморфизм. Согласно правилу онтологичности «формирование достоверного элемента модели мироздания требует обеспечения его соответствия априорным знаниям, либо определения эволюционных связей данного элемента с менее сложными элементами, для которых указанное соответствие обеспечивается», а согласно правилу изоморфизма «определенный элемент или совокупность элементов модели мироздания должны соответствовать известным паттернам».

Третий путь («путь изоморфизма») ставит своей целью построения осмысленной системы знаний. На начальных своих этапах «путь изоморфизма» совпадает с «метафизическим» путем, однако, если последний завершается при достижении высокого уровня сложности материальных структур и процессов, то путь изоморфизма продолжается. Возможность этого продолжения обеспечивается изоморфизмом мироздания – важнейшим эмпирическим фактом, подтверждающим его целостность. Средством продолжения построения осмысленной системы знаний является использование типовых, встречающихся на всех уровнях организации мироздания, во всех предметных областях, паттернов [22] форм и отношений. Множество паттернов ограничено, и оно пополняется из двух основных источников: как результат движения по «метафизическому» пути построения системы знаний, при котором выявляются паттерны простейших материальных структур и процессов, и (второй источник) как результат обобщения эмпирических знаний из различных предметных областей и выявления в них типовых паттернов форм и законов.

Иерархия аксиоматик и формальных систем

Систем знаний, независимо от выбранного пути ее построения, представляет собой иерархическое построение, в котором на каждом из уровней используются понятия, инкапсулирующие знания предшествующих (более низких) уровней иерархии. Свойства объектов и процессов, которые являлись предметом анализа и описания на предшествующих иерархических уровнях, на последующих выступают в виде аксиом, которые помещаются в основу формальных систем.

К числу ключевых эпistemологических проблем, возникающих в связи с построением иерархической системы знаний, относятся: определение требований к предметной области, которая может стать объектом формализации в виде уровня системы знаний; определение критериев и выбор (согласно этим критериям) уровней системы знаний.

Научная предметная область – это аспект некоторого фрагмента действительности, который выделяется, структурируется и интерпретируется в соответствии с целями, методами, инструментарием научной деятельности, осуществляющей над некоторым классом объектов, очерченных научным предметом [23]. Ранее проведенные исследования выявили три условия определенности предметной области [24]: системная локализация, формализация и объектность. Условие системной локализации означает необходимость позиционирования предметной области в системе знаний о мире. Условие формализации заключается в необходимости формального определения для предметной

области аксиоматики (исходных представлений, доказываемых или аргументируемых за пределами предметной области) и удовлетворения требованиям определенности используемой формальной системы [25, с. 67-80; 26]. Условие объектности заключается в том, что предметная область должна быть частью сущего, на которую субъект познания обращает свою деятельность или направляет свое познание.

При построении иерархии системы знаний каждый последующий уровень определяется предыдущими. Аналогично происходит формирование иерархии материальных структур: структуры предшествующих уровней становятся элементами, из которых формируются структуры последующих эволюционных уровней. Эволюционный способ познания [2, с. 146-156], воспроизводящий последовательность поэтапной эволюции реального мира, представляется наиболее соответствующим задаче построения иерархической системы знаний.

Продолжая выстраивание соответствия между эволюцией реального мира и уровнями иерархической системы знаний, логичным является выбор для анализа предметных областей, соотносящихся с эволюционными уровнями, выявляемыми из наблюдений реального мира. Таких уровней, по мнению авторов, пятнадцать [24]: метафизический, классически-механический, квантово-механический, статистически-физический, молекулярный, кристаллографический, макромолекулярный, супрамолекулярный, физиологический, эволюционно-биологический, биотический, информационно-когнитивный, социальный, интеллектуально-духовный и технический. Каждый из эволюционных уровней может быть интерпретирован как предметная область, описание которой реализуется в рамках соответствующей ей формальной системы с использованием комплекса формальных теорий и моделей, оперирующих терминами этой системы.

Мультисистемная интеграция знаний

Ключевым механизмом познания, ответственным за осмысление и (творческое) создание новых знаний, является мультисистемная интеграция знаний [2, с. 182-279]. Принцип действия этого механизма заключается в интеграции когнитивной системой знаний, собранных в различных предметных областях, на различных уровнях организации мироздания. Эти данные систематизируются, обобщаются и на их основе формулируются паттерны форм и отношений – типовые, широко распространенные шаблоны структурного описания целого как совокупности связанных частей. Эти выявленные и формализованные паттерны форм и отношений, будучи найденными в одних предметных областях (уровнях мироздания), могут быть использованы в качестве объяснения или построения форм и отношений в других предметных областях (уровнях мироздания). Опираясь на сформированную упорядоченную систему паттернов, можно творить – создавать новое знание, коррелирующее с аналогами из других предметных областей (уровней мироздания), или осмысливать знание – интегрировать его в существующую систему знаний, используя описание посредством паттернов в качестве ключевой составляющей для идентификации знания.

Механизм мультисистемной интеграции знаний – универсальный механизм осмысления, который используется когнитивными системами, в том числе человеком.

Человеческий разум – это область сознания, определяющая способность к мышлению, в том числе творческому. Существенной частью разума является рассудок – область сознания, определяющая способность к систематизации и использованию

существующего знания. Характер отношений между разумом и рассудком не столь прост, как это обычно полагают [27]. Рассудок является подсистемой разума, обладающей своими правилами и механизмами функционирования. Для того, чтобы понять отношения между разумом и рассудком, рассмотрим использование в них ключевых форм знания: эпизодического (эксплицитного [28] или осознанного, кроме понятого или осмыслиенного), понятого и осмыслиенного. Рассудок работает в основном с понятым знанием – от выраженного в синтаксической форме до формализованного в виде обобщенных понятий. Эпизодические знания также могут использоваться, однако рассудок не способен извлечь большую часть содержащихся в них знаний. Разум использует эпизодические знания более эффективно, поскольку действует механизм мультисистемной интеграции знаний, позволяющий строить предположения о механизмах функционирования объектов познания по аналогии с другими объектами, опираясь на эмпирически доказанный факт единства мироздания. Знания, сформированные разумом с помощью механизма мультисистемной интеграции знаний, в дальнейшем используются рассудком или разумом. Рассудком – если знания формализованные или понятые. Разумом (за пределами рассудка, являющегося частью разума) – если знания слабо формализованные, но осмыслиенные (семантическая неопределенность обычна для знаний, сформулированных с помощью паттернов [29]).

Человек наделен способностью к мультисистемной интеграции знаний от рождения. Все люди, в большей или меньшей степени способны приобрести мудрость, важнейшей составляющей которой является способность к осмыслению знаний, получаемую в результате опыта, накопленного в виде паттернов форм и отношений познаваемых объектов, позволяющей, не обладая достаточными фактическими знаниями об объекте познания, предугадывать его свойства, внешние связи и характер изменений.

Первый шаг к более полному использованию механизма мультисистемной интеграции знаний – построение формальной теории, включающей в себя следующие обязательные составляющие. Первая составляющая – это интеграции данных, собираемых в различных системах, их сортировка, систематизация, идентификация объектов и процессов, к которым они относятся. Вторая составляющая – формализация знаний, т.е. их представление в виде записи на (формальном) языке теории мультисистемной интеграции знаний, оперирующем типовыми паттернами форм и отношений, а также примитивами, из которых могут быть синтезированы оригинальные примитивы, не выявленные в процессе познания. Третья составляющая – использование механизма мультисистемной интеграции знаний для представления ожидаемых свойств изучаемого объекта или процесса исходя из свойств аналогов, соответствующих такому же или близкому по содержанию паттерну.

Паттерны, используемые для представления объектов познания, делятся на две группы: первичные паттерны, для которых возможно выстраивание логических цепочек от метафизического знания, и вторичные паттерны, внутренние механизмы которых не могут быть в полной мере детерминированы, но которые надежно эмпирически подтверждены многократными практическими наблюдениями. Первичные паттерны логически вытекают из законов систем (из числа базовых законов бытия, следующих из первичных свойств бытия), сформулированных в рамках эмпирико-метафизической общей теории систем [2, с. 207-249], и являются наиболее общими (обобщенными) и широко распространенными. Вторичные паттерны определяются в ходе практических наблюдений за различными предметными областями. Их выявление и последующая формализация – обширная задача, для решения которой большие перспективы использования имеют искусственные

когнитивные системы, способные обрабатывать огромные массивы неупорядоченных и разноформатных данных.

Процесс рабочей памяти и мышление

Вторым (после знания) понятием, которые мы выбрали в качестве предмета анализа, является мышление – процесс реализации (построения и функционального использования) расширенной информационной модели реальности [\[30\]](#). Указанная реализация осуществляется в сознании, представляющем собой, согласно информационной концепции [\[31,32\]](#), информационную среду – систему, образованную из информационных объектов, отражающих свойства реальных объектов, либо рожденных в самой среде из взаимодействия имеющихся в ней информационных объектов.

Носителем сознания может быть только когнитивная система, соответственно и мышление осуществляется в когнитивных системах [\[33, р. 257-297\]](#). Мысление неразрывно связано с процессом рабочей памяти в когнитивной системе [\[34\]](#). Рабочая память – это основной процесс, определяющий реализацию обработки данных в когнитивных системах. Процесс рабочей памяти существует в виде множества цепочек событий (дискретных изменений процесса рабочей памяти), возникающих в процессе циркуляции данных между долговременной, кратковременной и оперативной (для части искусственных когнитивных систем) памятью, инициируемой в рамках механизма внимания, действующего сенсорные данные и данные из долговременной памяти посредством их перенесения в кратковременную память когнитивной системы. В рамках процесса рабочей памяти взаимосвязанные цепочки событий формируют потоки мышления. В естественных когнитивных системах из этих потоков только один осознаваемый, а остальные фоновые (неосознаваемые). В искусственных когнитивных системах, в том числе программно-реализуемых, указанное ограничение с количеством осознаваемых потоков мышление отсутствует – оно возникает при наличии субъектности, которая у искусственных когнитивных систем недопустима [\[35\]](#).

К настоящему времени сформировалось несколько моделей рабочей памяти, наиболее полными из которых являются модель Бэддели [\[36,37\]](#) и модель «встроенных процессов» Н. Коуэна [\[38\]](#).

Авторы данной статьи предложили альтернативную интерпретацию процесса рабочей памяти. Согласно этой интерпретации, средством реализации процесса рабочей памяти и потоков мышления в нем являются три имеющие физическое воплощение составляющие общей памяти: сенсорная (в том числе висцеральной сенсорной системы [\[39\]](#)) память – децентрализованная кратковременная память органов чувств, преимущественно неинформационная (неформализованная, существующая в виде отображения реальности в сенсорах), в меньшей степени – информационная, но неосознаваемая (имплицитная); долговременная память, хранящая большие объемы информации в виде электромагнитных, химических и др. следов – изменений когнитивной или вычислительной системы; кратковременная память, в которую посредством механизма внимания извлекается информации из сенсорной и долговременной памяти, формируется сознание как информационная среда из информационных объектов, отражающих информацию, перенесенную в кратковременную память из долговременной и сенсорной. Когнитивные системы также обладают другими видами неинформационной памяти. Например, в естественных когнитивных системах (например, у человека), наряду с кратковременной сенсорной памятью [\[40, с. 127-140\]](#), имеются долговременные

вегетативная [41], структурная (например, мышечная) и клеточная память [42; 43, с. 225-259]. Эти виды памяти, безусловно, оказывают какое-то влияние на процессы мышления, но, вероятно, это влияние несопоставимо меньше, чем влияние сенсорной и информационной долговременной памяти.

Использование знаний когнитивной системой

Мышление, понимание как процесс использования когнитивной системой имеющихся в ее памяти информации для решения интеллектуальных задач, не является чем-то неизменным по эффективности, на что невозможно повлиять.

Структура сенсорной памяти и эффективность ее использования – область, которую мы пока оставим за пределами нашего исследования: до настоящего времени не только не найдены ответы на ключевые вопросы, касающиеся сенсорной памяти, но такие вопросы даже не до конца сформулированы [44]. Ограничимся пока представлением о роли сенсорной памяти, заданным моделью Аткинсона-Шиффрина [45].

Существенно более отчетливыми являются направления и перспективы совершенствования долговременной памяти, в частности, повышения ее быстродействия, характеризующего временем активации информации в памяти (нахождения и извлечения в кратковременную память). По мнению авторов, наиболее перспективными и достижимыми целями в рамках повышения быстродействия доступа к долговременной памяти являются: во-первых, расширение области семантической памяти – составляющей эксплицитной (осознаваемой) памяти, содержащей обобщенные понятые и осмыслиенные знания; во-вторых, расширение механизма внимания [46] когнитивных систем функцией обработки «по ту сторону памяти». Данное расширение механизма внимания (авторы назвали его «библиотекарем») соответствует осуществлению индексации данных в долговременной памяти, а том числе предполагающей синтаксическое (в частности, ассоциативное) или семантическое упорядочение данных. Структурирование и упорядочение данных, трансформация массива данных в систему, связывающую знания по синтаксическим или семантическим маркерам или даже в рамках иерархии знаний, согласованной с принятой парадигмой, – путь к редукции объема данных, ускорению поиска данных (знаний), повышению степени корреляции поисковых запросов и найденных данных (знаний). Дополнительной возможностью обработки «по ту сторону памяти» является возможность пополнения данных, сохраняемых в памяти, готовыми ответами и решениями для типовых, часто встречающихся задач.

Индексация данных, резервирование ответов на часто встречающиеся запросы и др. подходы, указанные нами выше, в большей или меньшей степени уже задействуются в когнитивных и вычислительных системах. При этом потенциал обработки «по ту сторону памяти» в рамках реализации этих подходов в полной мере не раскрывается.

Повышения быстродействия доступа к долговременной памяти – не единственный способ совершенствования использования знаний когнитивной системой. Обретение когнитивной системой разума, т.е. способности к осмыслению знания и генерации нового знания (творчеству) требует формирования в сознании механизма мультисистемной интеграции знаний, о котором мы уже говорили выше. Благодаря этому механизму, преобразующему эпизодические и синтаксические знания в семантические, возможным становится мышление, основанное на оперировании семантическими знаниями. Такое мышление более продуктивно и позволяет находить решения более сложных и менее

формализованных задач на основе меньшего объема (или даже неполных) данных. Разумная когнитивная системы обязательно задействует механизм мультисистемной интеграции знаний [\[47\]](#).

Управление сложными системами

Когнитивная система, функциональные свойства которой определяются процессом рабочей памяти и реализующихся в ней потоков мышления, очевидно является системой с неравновесной устойчивостью [\[48\]](#). Управление такой системой или управление посредством такой системы – это управление определяющими ее процессами, основным из которых является рабочая память.

Проведенные авторами исследования систем управления высокотехнологического оборудования с высокой сложностью (определенной количеством взаимосвязанных параметров, задающих состояние объекта управления) [\[49\]](#) показали, что чем сложнее объект управления, тем (прямо пропорционально) более высоким должно быть быстродействие системы управления, т.е. меньше длительность цикла дискретного управления. Это объясняется тем, что дискретное управление может быть интерпретировано как периодическое воздействие на объект управления, снижающее его энтропию (т.е. упорядочивающее), экспоненциально растущую между актами управляющего воздействия, причем растущую тем быстрее, чем выше сложность объекта управления.

Управление сложными объектами (за крайне редким исключением в виде сложных физических или химических систем с непрерывным самоуправлением) всегда осуществляется дискретно, причем не только в случае искусственных систем, но и естественных [\[50\]](#). Когнитивная или вычислительная система, осуществляющая управление сложным объектом, обычно включает в себя обратную связь, обеспечивающую корреляцию управляющего воздействия с изменением объекта управления, а также память, в которое фиксируется предыдущее состояние объекта управления, с которым сравнивается текущее состояние, достигнутое в результате управления, что позволяет осуществлять управление.

Для когнитивных систем основным вариантом управления является дискретное управление с обратной связью, реализующееся в реальном времени. Авторами данной статьи была разработана формальная теория систем реального времени [\[51\]](#), в рамках которой может быть сформирована акторная модель для когнитивной системы реального времени. Объектом моделирования является цикл решения частной мыслительной задачи, складывающийся из цепочек событий, каждое из которых соответствует отработке своей функции задействованным в цикле решения актором-элементом когнитивной системы.

Для эффективного функционирования когнитивной системы каждый из указанных циклов решения мыслительных задач должен укладываться в ограниченный временной интервал. Длительность этого интервала, не превышающая в большинстве случаев нескольких секунд, зависит от нескольких условий [\[34\]](#): пропускной способности рабочей памяти, равной объему данных, загружаемых в кратковременную память из долговременной или сенсорной памяти, а также повторно активируемых в кратковременной памяти за единицу времени; емкости рабочей памяти – максимального объема данных, который может сохраняться в виде процесса рабочей памяти; степени сепарации потоков мышления – максимального количества однозначно сепарируемых

потоков мышления (из которых только один – осознаваемый), не мешающих друг другу; инструментария событий, зависящего от размера используемого множества событий, степени его организованности (всеобщности и универсальности используемых критерии классификации); степени и характера взаимного отображения событий в рабочей памяти и изменений в когнитивной системе.

Реализуемость цикла решения мыслительных задач свидетельствует о способности когнитивной системы решать поставленные перед ней задачи. Повлиять на реализуемость можно, оптимизируя конфигурацию цикла, т.е. определяя такое распределение интервалов времени, соответствующих цепочкам событий, по параллельным потокам исполнения, чтобы суммарное время выполнения цикла было меньше максимально допустимого для решения заданной мыслительной задачи. Не менее эффективным подходом является уменьшение интервала времени, необходимого для генерации события. Поскольку речь идет о когнитивной системе, то ключевым событием, на которое необходимо повлиять, – это поиск данных в долговременной памяти для последующего извлечения в кратковременную память. Повышение эффективности поиска, как мы уже выяснили, может быть достигнуто за счет индексации памяти (согласно синтаксическим и семантическим маркерам), выполняемой «библиотекарем» «по ту сторону памяти».

На практике достижение реализуемости цикла решения мыслительных задач, обычно представляющих собой задачи управления, обеспечивается включением в цикл инкапсулированных акторов, реализующих сложные вычислительные функции, но недетерминированных в рамках цикла. В вычислительных и программно-реализуемых искусственных когнитивных системах такие инкапсулированные акторы могут представлять собой сопроцессоры (графические, тензорные, нейроморфные), аналоговые или аппаратные вычислительные модули, специализированные под параллельную обработку больших объемов данных или обработку данных с высокой скоростью. Аппаратно-реализуемые искусственные когнитивные системы могут быть функционально расширены интеграцией в них систем внешней цифровой памяти. Примером такого расширения являются искусственные когнитивные системы на базе аппаратных нейронных сетей с памятью (*memory-augmented neural networks, MANN*) [\[52\]](#). Потенциально для таких искусственных когнитивных систем возможен уход от исключительно апостериорного характера получения знаний, т.е. необходимости приобретения знаний в процессе обучения [\[33, р. 266\]](#).

Цивилизация когнитивных технологий

Согласно авторскому определению, цивилизация – это форма группового существования людей, обеспечивающая посредством социальных механизмов удовлетворение их биологических, социальных и интеллектуальных (духовных) потребностей. Форма группового существования людей определяется культурой – совокупностью методов создания и созданных ранее (накопленных) материальных и духовных ценностей (благ) [\[53\]](#).

Целью существования цивилизации, как это следует из приведенного выше ее определения, заключается в удовлетворении потребностей людей. Стадии развития цивилизации отличаются, во-первых, основными потребностями, через посредство которых удовлетворяются все прочие потребности, и, во-вторых, средствами удовлетворения этих основных потребностей. До настоящего времени цивилизация, по мнению авторов, прошла две стадии развития: стадию аграрной цивилизации и стадию

машинной цивилизации. Для аграрной цивилизации основными потребностями являются материальные блага, соответствующие базовым потребностям людей, а средствами – переход к регулярной хозяйственной деятельности (сельскохозяйственной, ремесленной, добыче полезных ископаемых). Для машинной цивилизации основной потребностью являются машины для производства материальных благ, а средством удовлетворения этой потребности – замещение людей машинами в хозяйственной деятельности, связанной с физическим трудом и решением неинтеллектуальных задач управления.

В настоящее время цивилизация находится в состоянии перехода к новой стадии развития – цивилизации когнитивных технологий, для которой основной потребностью являются искусственные когнитивные системы для интеллектуального управления машинами для производства материальных благ, а средством удовлетворения этой потребности – замещение людей искусственными когнитивными системами в интеллектуальном управлении машинами.

Переход к цивилизации когнитивных технологий, вопреки первоначальному впечатлению, не означает роста значимости когнитивных систем и управления. Существование мира (физического, биологического, социального, интеллектуального) всегда требовало управления или самоуправления, а применительно к решению задач интеллектуального управления – когнитивных систем (естественных или искусственных). Специфика цивилизации когнитивных технологий заключается в приоритизации для существования цивилизации технологий, опирающихся на использование искусственных когнитивных систем.

Необходимым условием успешного становления цивилизации когнитивных технологий является совершенствование когнитивных систем, которое должно привести к созданию разумных когнитивных систем [47], способных на интеллектуальную деятельность (включая творчество, реализуемое при воздействии механизма мультисистемной интеграции знаний), но не обладающих субъектностью. Авторские исследования показали, что для интеллектуальной деятельности когнитивная система должна обладать сознанием и самосознанием, а наличие субъектности необязательно [30]. С другой стороны, наделение интеллектуальной искусственной когнитивной системы (искусственного интеллекта) субъектностью создаст существенные риски для человечества вследствие конкуренции, которая неизбежно возникнет между человеком и таким искусственным интеллектом [35].

Повсеместное распространение искусственных когнитивных систем, замещение человека такими системами неуклонно ведет к редуцированию социальной и интеллектуальной области человеческой деятельности. Даже не обладая субъектностью, искусственные когнитивные системы будут вытеснять человека из цивилизации. Причиной этого вытеснения является превосходство искусственных когнитивных систем над естественными (в том числе человеком) в решении узкоспециализированных задач, задач с большим объемом вычислений, а также в скорости доступа к долговременной памяти (внутренней и внешней).

Одной из возможностей решения актуализирующейся проблемы интеллектуального превосходства искусственных когнитивных систем над человеком является движение по пути трансгуманизма [54,55]. В этом случае возможно расширение интеллектуальных возможностей естественной когнитивной системы (человека) за счет интеграции в нее цифровых систем хранения данных и систем для обработки больших объемов данных, в том числе выполнения вычислений. Расширение вычислительных, коммуникационных и

других возможностей человека должно позволить ему сохранить контроль над цивилизацией [56].

Выводы

1. Главным механизмом существования цивилизации в целом и ее технологической, экономической и других составляющих является реализация цикла знание-мышление-управление. Этот цикл (в различных интерпретациях) становился предметом различных фундаментальных исследований. В данной статье авторы предпринимают попытку продолжить исследование данной темы и расширить имеющиеся знания посредством использование максимального широкого методологического инструментария теории познания, общей теории систем и методологии научного познания, теории управления и анализа цивилизационного развития.
2. Центральными понятиями, квалифицирующими систему знаний, являются понимание и осмысление. Концепция понимания является ключевым инструментом формирования иерархии знаний, а концепция осмысления – инструмент интеграции знаний в систему представлений о мире и формирования целостной системы знаний. Понимание достигается введением и использованием обобщенных понятий, позволяющих объяснять знание в рамках заданной научной парадигмы. Осмысление реализуется посредством инструментария общей теории систем и использует язык паттернов, отражающих изоморфизм мироздания.
3. Подходы к формированию системы знаний коррелируют с понятиями понимания и осмысления. По мнению авторов, существуют три пути построения системы знаний: метафизический путь, представляющий собой построение мироздания чистым разумом исходя из априорного метафизического знания; путь иерархических моделей – основной (в настоящее время) путь, опирающийся на использование понятий и их инкапсуляцию в аксиомы при переходе к описанию последующих эволюционных уровней; путь изоморфизма, действующий на начальных эволюционных уровнях метафизические знания, а далее, по мере повышения сложности объектов познания, опирающиеся на выявленные паттерны форм и отношений, универсальные для всех эволюционных уровней, для всех предметных областей. Для формирования системы знаний необходимо задействовать все три пути. В этом случае формирующаяся система знаний будет одновременно синтаксической (основанной на понимании) и семантической (использующей осмысление).
4. Главным инструментом осмысления знания, а также творчества является механизм мультисистемной интеграции знаний. Этот механизм, реализующийся в области сознания, ответственный за разум, позволяет когнитивной системе (в частности, человеку) собирать и систематизировать знания во всех системах, в которые когнитивная система интегрирована, формализовать знания в виде паттернов форм и отношений и в дальнейшем паттерны, полученные исходя из знаний в одной предметной области, использовать для осмысления и творческого решения интеллектуальных задач в других предметных областях.
5. Существование когнитивной системы определяется протеканием в ней процесса рабочей памяти, в рамках которого из цепочек событий, соответствующих изменениям когнитивной системы (или изменениям процесса рабочей памяти), складываются потоки мышления. Через эти потоки реализуется сознание, когнитивная система осуществляет свою функцию интеллектуального управления другими системами и самоуправления.
6. Процесс рабочей памяти использует сенсорные данные и данные, сохраняющиеся в

долговременной памяти. Для активации этих знаний они переносятся в кратковременную память. Повышение эффективности использования знаний когнитивной системой может быть обеспечено исключительно за счет повышения скорости извлечения необходимых данных из долговременной памяти. Это может быть достигнуто за счет индексации (на основе синтаксических и семантических маркеров) данных в памяти или посредством предварительной обработки часто встречающихся запросов, требующих большого объема вычислений. Инструментом для выполнения индексации и предварительных вычислений служит «библиотекарь» – расширение известного механизма внимания, являющегося одним из основных в когнитивных системах.

7. Управление сложными системами, являющимися в преобладающем большинстве случаев системами с неравновесной устойчивостью, – это управление параметрами протекающих в них процессов. Актором управления является когнитивная или вычислительная система, поэтому управление осуществляется через изменение процесса рабочей памяти.

8. Развитие цивилизации в настоящее время привело человечество к моменту перехода к новой стадии развития – цивилизации когнитивных технологий. Специфика этой стадии развития заключается в резком повышении значимости искусственных когнитивных систем, в частности искусственного интеллекта. По мере становления цивилизации когнитивных технологий можно ожидать постепенного сокращения области человеческой активности в цивилизации и замещение человека искусственными когнитивными системами. Искусственный интеллект, даже не наделенный субъектностью (а это должно обеспечиваться прямым запретом наделения искусственного интеллекта таким свойством), неизбежно конкурирует с человеком. Чтобы сохранять свои позиции в цивилизации, человечеству, возможно, придется пойти по пути трансгуманизма, в том числе усиливать свой интеллект цифровыми расширениями, открывающими прямой доступ к базам знаний и высокоскоростным вычислительным подсистемам.

Библиография

1. Лебедев С. А. Проблема целостности системы научного знания: основные факторы // Журнал философских исследований. 2018. Т. 4, № 3. С. 45-66. EDN YNXHAT.
2. Грибков А. А. Эмпирико-метафизическая общая теория систем: монография. Москва: Издательский дом Академии Естествознания, 2024. 360 с. DOI: 10.17513/np.607. EDN QTOCDS.
3. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. Москва: Знание, 1964. 49 с. EDN NUOYOA.
4. Очерки становления СМД-методологии: конспекты лекций Г. П. Щедровицкого в МИСИ (1987–1988) / А. А. Пископпель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий (конспектирование). Москва: "Наследие ММК", 2009. 198 с.
5. Wiig K. M. Knowledge Management Foundations: Thinking about Thinking – How People and Organizations Create, Represent, and Use Knowledge. Arlington: Schema Press, LTD., 1993. ISBN 0-9638925-0-9.
6. Левенчук А. С. Системноинженерное мышление. Москва: МФТИ, 2015. 305 с.
7. Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. Москва: ЗАО "Олимп-Бизнес", 1999. 408 с. ISBN 5-901028-10-4.
8. Жаров С. Н. О соотношении бытия и реальности в естественнонаучном познании // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2011. № 2. С. 11-28. EDN ONW GSL.
9. Трынкин В. В. Изучение методов познания бытия // Вестник Мининского университета. 2025. Т. 4, № 12. С. 9. EDN VHIZOT.

10. Грибков А.А. Творчество как имплементация представления о целостности мира // Философская мысль. 2024. № 3. С. 44-53. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.3.70034 EDN: ATWDXF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70034
11. Алиева Н. З., Грицких О. Ю., Шаховская А. А. Соотношение рационального и иррационального в современном концепте знания // Успехи современного естествознания. 2012. № 6. С. 196-197. EDN PBJVNP.
12. Квасюк Т. Я. Понимание как мыслительный процесс // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. Т. 16, № 3. С. 125-129. EDN NTUCZP.
13. Шадриков В. Д. Понимание: определение и механизмы // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, № 4. С. 17-24. DOI: 10.17759/chp.2019150402. EDN AUMYGS.
14. Осознать смысл, осмыслить сознание: разум и Другая рациональность: сб. статей / отв. ред. серии Р. В. Псху; отв. ред. тома А. В. Смирнов. Москва: ООО "Садра", 2023. 360 с. ISBN 978-5-907552-63-0.
15. Арутюнян О. А. Понимание как осмысление // Актуальные вопросы филологических исследований: сборник статей материалов международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. А. Некрасова, Краснодар, 15 марта 2021 года / ФГБОУ ВО "Кубанский государственный технологический университет"; под редакцией И. В. Рус-Брюшиной, Е. А. Берецкой. Краснодар: ООО "Издательский Дом - Юг", 2021. С. 56-59. EDN HRSDYS.
16. Bertalanffy L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. George Braziller Inc., New York, 1969. 289 р.
17. Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В двух книгах. Москва: "Экономика", 1989.
18. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. Москва: "Мысль", 1978. 272 с.
19. Грибков А. А. Три пути построения системы знаний // Общество: философия, история, культура. 2025. № 8. С. 28-35. DOI: 10.24158/fik.2025.8.3. EDN SIHMPR.
20. Александрян Р. А., Мирзаханян Э. А. Общая топология. Москва, 1979. 336 с.
21. Грибков А.А., Зеленский А.А. Постановка задачи и определение подходов к построению смысловых моделей знания для искусственного интеллекта // Философская мысль. 2025. № 5. С. 1-13. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.5.74407 EDN: GHJTVU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74407
22. Савицкая Е. В. Когнитивные паттерны языкового мышления // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 3. С. 1-8. EDN HTLRVB.
23. Белоусов К. И., Баранов Д. А., Зелянская Н. Л. Научная предметная область: от онтологии к концептосфере // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 52-62. EDN SXEVQH.
24. Грибков А.А. Вторичные паттерны форм и отношений: постановка задачи и определение методологических подходов // Философия и культура. 2025. № 6. С. 15-29. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.6.74932 EDN: RBVHCT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74932
25. Клини С. К. Введение в метаматематику. Москва: Издательство иностранной литературы, 1957. 526 с.
26. Соколенко М. Формальная система в полном объеме // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия "Философия. Культурология. Политология. Социология". 2013. Т. 26 (65), № 4. С. 384-388. EDN UMMZKF.
27. Булычев И. И. Разум и рассудок: новый взгляд на старую проблему // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1999. № 3. С. 64-70. EDN NUQREJ.
28. Roediger H. L. Implicit and explicit memory models. Bulletin of the Psychonomic Society.

1979. Vol. 13, No. 6. P. 339-342. DOI: 10.3758/BF03336889.
29. Грибков А.А. Семантическая неопределенность общей теории систем и проблемы её интерпретации и формализации // Философия и культура. 2023. № 10. С. 100-111. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.10.44167 EDN: JWGNS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44167
30. Грибков А.А., Зеленский А.А. Определение сознания, самосознания и субъектности в рамках информационной концепции // Философия и культура. 2023. № 12. С. 1-14. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.12.69095 EDN: VZRLGO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69095
31. Прыгин Г. С. Феномен сознания: является ли информационная концепция сознания прорывом в его понимании // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27, вып. 4. С. 456-463. EDN YMOXEP.
32. Цветков В. Я. Информационная синергетика // Образовательные ресурсы и технологии. 2021. № 2 (35). С. 72-78. DOI: 10.21777/2500-2112-2021-2-72-78. EDN THBIHE.
33. Gros C. Complex and Adaptive Dynamical Systems. A Primer. Third Edition. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2013. 356 p. DOI: 10.1007/978-3-642-36586-7. EDN WTRAER.
34. Грибков А.А., Зеленский А.А. Рабочая память когнитивных систем: способ существования, модели и критерии оценки // Психология и Психотехника. 2025. № 4. С. 66-80. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.4.77077 EDN: HAZCVZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77077
35. Грибков А. А. Рождение субъектности у искусственного интеллекта: фантастика или реальная угроза? // Философские науки. 2025. № 68(1). С. 116-132. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-1-116-132. EDN OHDKHE.
36. Baddeley A. D., Hitch G. Working Memory. In: Psychology of Learning and Motivation / Ed.: Gordon H. Bower. Academic Press, 1974. Vol. 8. P. 47-89. DOI: 10.1016/S0079-7421(08)60452-1.
37. Baddeley A. D., Hitch G. J., Allen R. J. Working memory and binding in sentence recall. Journal of Memory and Language. 2009. Vol. 61. P. 438-456. DOI: 10.1016/j.jml.2009.05.004.
38. Cowan N. An Embedded-Processes Model of working memory. In: Models of working memory: Mechanisms of active maintenance and executive control. Eds.: A. Miyake & P. Shah. Cambridge University Press, 1999. P. 62-101. DOI: 10.1017/CBO9781139174909.006.
39. Кузина Н. В. Структуры висцеральной памяти и принципы интерпретации ее критических эпизодов в кодах знаковых моделирующих систем // Бюллетень науки и практики. 2016. № 6 (7). С. 383-395. DOI: 10.5281/zenodo.55934. EDN WBDVRP.
40. Нуркова В. В. Память // Общая психология. В 7 т.: учебник для студентов высших учебных заведений / под ред. Б. С. Братуся. Том 3. Москва: Издательский центр "Академия", 2006. 320 с.
41. Ноздрачев А. Д. Физиология вегетативной нервной системы. Ленинград: Медицина, 1983. 296 с.
42. Селедцов В. И., Литвинова Л. С., Гончаров А. Г., Шуплецова В. В., Селедцов Д. В., Гуцол А. А., Селедцова И. А. Клеточные механизмы генерации иммунологической памяти // Цитокины и воспаление. 2010. Т. 9, № 4. С. 9-15. EDN OFYYIT.
43. Циркин В. И., Трухина С. И., Трухин А. Н. Нейрофизиология: Физиология памяти: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 407 с.
44. Пушкарева Т. П. Информационное моделирование памяти // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С. 233-237. EDN OXHIRZ.
45. Atkinson R. C., Shiffrin R. M. Chapter: Human memory: A proposed system and its control processes. In: The psychology of learning and motivation. Vol. 2 / Eds.: Spence K.

- W., Spence J. T. New York: Academic Press, 1968. P. 89-195. DOI: 10.1016/S0079-7421(08)60422-3.
46. Москалик И. А. Краткий обзор теорий внимания, представленных в деятельностной и когнитивной парадигмах // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2006. № 1(43). С. 67-78. EDN PCUPRH.
47. Грибков А.А., Зеленский А.А. Разумная когнитивная система с мультисистемной интеграцией знаний: возможность и подходы к формированию // Философская мысль. 2025. № 2. С. 1-11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.2.73395 EDN: HUPLGY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73395
48. Грибков А.А., Зеленский А.А. Синергетика искусственных когнитивных систем с неравновесной устойчивостью // Философия и культура. 2024. № 6. С. 93-103. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.6.70887 EDN: MJXODY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70887
49. Зеленский А.А., Грибков А.А. Онтологические аспекты проблемы реализуемости управления сложными системами // Философская мысль. 2023. № 12. С. 21-31. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.68807 EDN: VIVNFQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68807
50. Грибков А. А., Зеленский А. А. Управление сложными системами: ключевые характеристики и онтологическое ограничение // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 37-46. DOI: 10.24158/fik.2025.11.4.
51. Зеленский А. А., Грибков А. А. Основы формальной теории систем реального времени // Информационно-управляющие системы. 2025. № 5. С. 2-10. DOI: 10.31799/1684-8853-2025-5-2-10. EDN JNQQQK.
52. Khosla S., Zhen Zhu Z., He Y. Survey on Memory-Augmented Neural Networks: Cognitive Insights to AI Applications. arXiv:2312.06141, 2023. DOI: 10.48550/arXiv.2312.06141.
53. Грибков А.А. Человек в цивилизации когнитивных технологий // Философия и культура. 2024. № 1. С. 22-33. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.1.69678 EDN: KAPIMN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69678
54. Луков В. А. Трансгуманизм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 245-252. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.20. EDN YJXIFP.
55. Дергалев С. М. Что такое трансгуманизм и в чем его опасность? // Труды Белгородской духовной семинарии. 2018. № 8. С. 15-24. EDN OHNNLT.
56. Грибков А.А., Зеленский А.А. Расширение возможностей человека: делегирование функций когнитивным системам и/или путь трансгуманизма? // Философия и культура. 2025. № 9. С. 75-87. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.9.75925 EDN: ZEW EPA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75925

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемой статьи выступают знания, мышление и управление. Авторы отмечают, что в этой статье они обобщают собственные исследования проблематики формирования системы знаний, когнитивных систем и реализуемых в них процессам мышления, а также вопросы управления сложными системами, в частности системами реального времени. Реализацию цикла знание-мышление-управление авторы вполне обоснованно рассматривают как главный механизм существования цивилизации.

Рецензируемая статья является классическим исследованием по онтологии и теории познания, выходящим на важнейшие проблемы современной философии науки. Статья носит характер обобщающего исследования, что отразилось и на избранном авторами методологического инструментария теории познания, общей теории систем и методологии научного познания, теории управления и анализа цивилизационного развития. Методика исследования была четко обозначена авторами в самой работе.

Авторы правы, что изолированное рассмотрение знания, мышления и управления не обеспечивает необходимого разрешения всей совокупности актуальных задач. Актуальность рецензируемого исследования довольно обстоятельно сформулирована авторами. Ведь еще Гёте в первой части великой трагедии «Фауст» задавался вопросом: «Что значит знать? Вот, друг мой, в чём вопрос. На этот счёт у нас не всё в порядке. Немногих, проникавших в суть вещей и раскрывавших всем души скрижали, сжигали на кострах и распинали, как вам известно, с самых давних дней». Ныне чрезвычайно актуальными являются исследования систематических процессов по созданию, сбору, накоплению, сохранению, распределению и применению знаний – ведь еще Ф. Бэкон отмечал, что знание – сила. А сила имеет и значение «власти» (power в английском, да и potentia в латинском). Рецензент согласен с ключевым обоснованием авторами актуальности исследования именно тем обстоятельством, что «взаимосвязь понятий знания, мышления и управления обуславливает необходимость их рассмотрения в рамках одного исследования, предполагающего корреляцию получаемых результатов и оценку перспектив использования имеющихся и ожидаемых достижений в контексте каждого из указанных понятий». Эта актуальная задача была решена авторами в рамках рецензируемого исследования.

Рецензируемая работа обладает значительной исследовательской новизной. Авторы четко формулируют цель своего исследования – консолидировать представления о знании, мышлении и управлении в целостную систему, объединенную общей логикой и терминологией, открытую для дальнейшей детализации, расширения и уточнения. Четко и обстоятельно сформулированы восемь выводов исследования. Разумеется, не со всеми выводами авторов можно целиком согласиться, но в рамках самой статьи они логичны и хорошо обоснованы. На наш взгляд, путь трансгуманизма может привести к концу всей цивилизации и уничтожению Человека разумного, а потому следует сделать все возможное, дабы человечество не подпало под власть искусственного интеллекта. Но рецензент полностью согласен с авторским подходом, согласно которому существуют три пути построения системы знаний: 1) метафизический, 2) путь иерархических моделей и 3) путь изоморфизма. И для формирования системы знаний необходимо задействовать все три пути – в этом авторы, на наш взгляд, абсолютно правы.

Авторы рецензируемой статьи проделали большую и нужную философскую работу. Сама статья написана хорошим литературным языком, с содержащимися в ней апелляцией к предшественникам, фактологией и выводами знакомиться очень интересно и небесполезно как для специалистов, так для широкого круга образованной публики. Структура рецензируемого исследования соответствует стандартам современной статьи по онтологии и теории познания. Библиография очень внушительна, ибо включает 56 важнейших работ на русском и английском языках, в том числе и такую классическую работу, как книга философа, врача и писателя А. Богданова «Тектология».

Рецензент считает, что данная статья вызовет большой интерес у широкого круга читателей. Она может и должна быть опубликована в авторитетном научном издании.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Новикова В.С. Звуковые практики коммеморации в публичном пространстве: социально-философский анализ аудиальных форм поминовения // Философия и культура. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.12.77280
EDN: QFUCXM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77280

Звуковые практики коммеморации в публичном пространстве: социально-философский анализ аудиальных форм поминовения

Новикова Валерия Сергеевна

аспирант; кафедра философии и методологии науки; Национальный исследовательский Томский государственный университет

634050, Россия, Томская обл., г. Томск, пр-кт Ленина, д. 36

✉ val_novikova97@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия истории"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.12.77280

EDN:

QFUCXM

Дата направления статьи в редакцию:

14-12-2025

Дата публикации:

25-12-2025

Аннотация: Предметом данного исследования выступает звуковое содержание коммеморативной акции «Возвращение имен», в которой посредством голосового звукоизвлечения происходит ревитализация памяти о трудном прошлом советской эпохи в публичной плоскости. Автором подчеркивается, что сама перформативность акции оказывается основополагающим смысловым компонентом, качественно отличающим ритуал поминовения от пассивных форм постижения прошлого. Среди специфических свойств перформативной практики коммеморации указываются следующие: деятельное проживание воссоздаваемого прошлого, пластичность и чувствительность к контекстуальным изменениям, ритуализированная структурность и регламентированность, вовлеченность и личная ответственность участников. Целью

данной работы является экспликация той роли, которую играет звук в реактуализации и сохранении коллективной памяти в рамках публичного ритуала, и вычленение особенностей аудиального медиума, влияющих на наши взаимоотношения с прошлым. Методологическая рамка исследования представлена философско-культурологическим анализом акустического материала, позволяющим рассмотреть суть звукового явления коммеморативной акции как продукта пересечения различных философских концепций в контексте преобразований социальной реальности. На основании произведенного анализа автором выделяются особенности использования звука как одного из центральных элементов практик коммеморации. Во-первых, звук в коммеморативных практиках глубоко вплетен в контекстуальные условия своего воспроизведения, в которых обнажается полнота заявляемого акцией смысла. Во-вторых, благодаря голосу как телесному инструменту звукоизвлечения, на физиологическом уровне объединяющем участников действия, коммеморативный опыт приобретает более вовлеченный характер. В-третьих, звук, сосредоточенный в голосе, произносящем имя, становится инструментом деанонимизации, дающим памяти о жертве персонифицированное аудиальное воплощение. В-четвертых, ритуализированный характер проведения акции, неотъемлемым атрибутом которого является нормированное звуковое наполнение, выступает платформой для символического приобщения к группе, разделяющей общее акустическое переживание. В-пятых, по положению звукокомплексов в публичном пространстве можно установить, какое место на социально-политической арене занимает воспроизводящая их социальная группа. В-шестых, мимолетность звука способствует подрывному потенциалу аудиального медиума, его превращению в оружие сопротивления механизмам заглушения памяти. Автор приходит к выводу о том, что звук в коммеморативной практике не просто напоминает о прошлом, а позволяет символически прожить воссоздаваемый опыт, ощущив причастность к нему через совместные публичные действия.

Ключевые слова:

коллективная память, коммеморативная практика, звук, гражданская акция, саундскейп, сталинские репрессии, травма, Возвращение имен, тишина, звуковой образ

Введение

Проблема функционирования коллективной памяти в городском пространстве вызывает в последние несколько десятилетий устойчивый академический интерес, подпитываемый, с одной стороны, исследовательским бумом, переживаемым *memory studies* в целом, с другой стороны, увлечением современных авторов проблематикой жизни города и запечатления в его структурах социо-политических процессов настоящего. На облик публичного пространства города сильнейшим образом накладывает отпечаток и то, как вспоминается историческое прошлое, какие коммеморативные нарративы оказываются решающими в битве миромоделирующих смыслов и через какие медиумы они получают свое воплощение на арене общественного проектирования. Поэтому коллективная память городской среды является социокультурным конструктом, черпающим из резервуаров прошлого актуальные для метаморфоз текущего дня смысловые модели и воспроизводящим их в символической форме. Одной из форм реактуализации исторического опыта в поле публичной циркуляции культурных значений являются совместные действия, осуществляемые группой лиц с целью придать представления о прошлом устойчивый, стабильно воспроизводимый характер и укрепить коллективную

идентичность. Так, в формировании и сохранении символической связи с прошлым конкретного места существенную роль играет процесс актуализации фундаментальных для определенной социальной группы культурных смыслов в публичных практиках, т.е. коммеморация.

Границы употребления термина «коммеморация» не заданы строгими смысловыми конвенциями и определяются скорее исследовательскими потребностями и ориентациями конкретных авторов: одни широким жестом отождествляют коммеморацию с поминовением, другие сводят ее сущность к празднично-мемориальным церемониям, трети обращаются сугубо к ее политической функции. В качестве отправной точки данного исследования мы возьмем определение коммеморации, предложенное М.Л. Шуб, в соответствии с которым под коммеморацией понимается «совокупность публичных коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение (повторение) в актуальной культуре значимых для группы, символических выраженных представлений о прошлом» [1, с. 162]. Таким образом, коммеморативные практики при всей полифоничности их конфигураций и отсутствии универсальной дефиниции, направлены на реализацию генерализующей цели: посредством совместных публичных действий, представляющих собой ритуализированное воспроизведение сущностно значимых представлений о прошлом, сформировать единое ценностно-смысловое пространство [2]. При этом, важно понимать, что мишенью, на которую направлены коммеморативные действия, является не рациональное осмысление следов исторического процесса в общественном сознании и пополнение сосуда знаний о прошлом, а скорее эмоционально-чувственное проживание запечатленного в коллективной памяти опыта. Именно аффективный компонент, закладывающий основы исторического самосознания и чувства сопричастности прошлому, является важнейшей частью формирующегося в акте коммеморации образа пережитого.

Подвергая рассмотрению феномен коммеморативных практик, можно заметить, что исследователи чаще обращают аналитический взор на визуальный аспект их функционирования, изучая преимущественно зрительные элементы и образы тех действий, что совершаются агентами памяти в публичной плоскости. Однако в данной статье мы предлагаем обратиться к аудиальной стороне практик поминовения, чтобы выяснить, какую роль играет звук в реактуализации и сохранении памяти. Наша цель – показать, как форма коммеморации влияет на восприятие исторической реальности и какие уникальные особенности может привнести аудиальный медиум в наши взаимоотношения с прошлым.

Репрезентативным примером перформативных практик коммеморации, в центре которых находится звуковое выражение, является общероссийская гражданская акция «Возвращение имен», в которой участники собрания по очереди, непрерывно зачитывают имена жертв сталинских репрессий, создавая коллективный ритуал поминовения. Реактуализация прошлого в надындивидуальной плоскости памяти осуществляется здесь благодаря телесному опосредованию [3], требующему активного вовлечения физических ресурсов в акт конституирования общего меморативного нарратива. Соответственно, объектом исследования станет ход коммеморативной практики, а предметом исследования – звуковое содержание акции «Возвращение имен». Беря за основу метод философско-культурологического анализа аудиального материала, на примере данной акции мы разберем, как трудное прошлое, оставленное, наряду с достижениями, в наследство советской эпохой, обнажается в декорациях сегодняшней публичной сферы и какую роль звук играет в конституировании образов

этого прошлого внутри коммеморативной практики.

Перформативная память в публичной среде

Для начала рассмотрим, в чем заключаются в целом особенности перформативного ритуала поминовения, отличающие его от «бездейственных», созерцательных форм постижения прошлого. Первое, что бросается в глаза – это активное, вовлеченное, открытое прямому соучастию проживание ревитализируемого прошлого. Знание, формирующееся в процессе перформативной практики, в отличие от кристаллизированного, аналитически выверенного и санкционированного символа, запечатанного в материально-воплощенном коммеморативном объекте созерцания, носит весьма зыбкий, неустойчивый характер [4]. Однако эта эфемерность, хрупкость и лабильность рождающегося в акциональной процессуальности смысла позволяет не герметизировать прошлое в формализованных, канонизированных образах, а деятельно проживать реактуализируемую память, переопределяя наши отношения с историческим опытом и формируя чувство причастности к нему через совместные публичные действия.

Эта пластичность перформативных практик коммеморации делает наше взаимодействие с воссоздаваемым прошлым более чувствительным к метаморфозам настоящего, из которого мы и взираем на очертания былых времен и даем им оценку. Представление о коллективной памяти как социальном конструкте, рождающем сменяющимися рамками настоящего, глубоко и плотно осело в методологическом аппарате *memory studies*, в рамках осмыслиения перформативных форм памятования заиграв особенно яркими красками. Флуктуации, сдвиги и разрывы социально-политической реальности, неизбежно обнаруживающие свое место в пространстве перформативного коммеморативного действия, оставляют отпечаток на нашем способе видения прошлого: мы начинаем переосмыслять картины разворачивающейся в общественном сознании истории сквозь призму значимых для настоящего нарративов, что особенно актуально для исторических событий, попадающих в категорию «трудного наследия», вокруг которых еще не сформировались устойчивые дискурсивные конструкции. Так, социолог Елена Рождественская, анализируя гражданскую акцию «Протест Среды», посвященную памяти жертв военных борделей в период японско-корейской войны, отмечает: «Исторические события, которым посвящен памятник, все еще не имеют консенсуса в национальной и интернациональной исторической памяти, поэтому требуют перформативного формата коммеморации как постоянно переопределяемого и подтверждаемого нарративами ее соучастников» [5, с. 91]. При погружении в новую контекстуальную ситуацию, обусловленную трансформациями социально-политического ландшафта, перформативная практика может менять свои конфигурации, обрастая дополнительными смысловыми коннотациями. Так, коммеморативный ритуал становится лакмусовой бумажкой атмосферы, царящей в общественной среде.

В целом перформативные практики, отказываясь от канонизации определенного, чаще героизированного, образа пережитого, оказываются наиболее чувствительным к острым углам и проблематичным точкам прошлого способом взаимодействия с противоречивыми, не получившими однозначного дискурсивного развертывания или замалчиваемыми событиями исторической процессуальности: «Контрмонументы по определению отрицают прославление и героизацию прошлого, включают объекты и процессуальные практики искусства в актуальную полемику по поводу неоднозначных исторических событий. Они призваны не оказывать терапевтическое воздействие на социум с целью утешения и забвения, но, напротив, быть постоянным напоминанием о драматичных аспектах истории» [6, с. 208]. Монументальные же формы презентации в этом смысле

неадекватны для трансляции памяти о трудном наследии, поскольку, будучи статичными, кристаллизованными объектами памятования, они предлагают определенную, официально регламентированную версию истории и тем самым выстраивают единый нарративный ландшафт, становясь инструментом меморативного доминирования. В противоположность такому однозначному, санкционированному порядку в изображении прошлого, перформативные практики, оставляющие простор для нерепрезентативного и невыразимого, оказываются соразмерны сложности и неоднородности человеческого опыта, способствуют эмпатическому вовлечению и бросают вызов «пьедестальному» взгляду на исторический процесс. Такая форма обращения с реактуализируемым прошлым обнародует память как живое, подвижное образование, лишенное ориентации на константность «оригинального», объективно достоверного исторического сюжета. Как подчеркивает Л.И. Седова: «Распространение таких практик и снижение роли традиционных форм коллективного воспоминания отражают движение от «памяти-долга» и «памяти-дистанции» к спонтанности и непосредственному переживанию опыта» [7, с. 22].

Характеризуя акцию «Возвращение имен» в качестве коллективного ритуала поминовения, мы имеем в виду, что подобно любому ритуалу данная акция имеет воспроизводящую структуру, создающую и поддерживающую чувство непрерывности переживания и священности момента. Поскольку акция ежегодно проходит в одно и то же время, в одних и тех же местах, ее пространственно-временные координаты наделяются сакральным значением, маркируясь в границах коммеморативной практики как особая область бытия, выбитая из ритмического узора повседневности. Сама процедура проведения ритуала также строго регламентирована, представляя собой стереотипную последовательность действий: очередь, получение карточки, чтение у микрофона, минута молчания. Эта ритуальность перформативной практики коммеморации придает производимому действию силу и устойчивость, превращая его в традицию, способствующую консолидации участников данной процедуры и выстраиванию их идентичности, конструированию чувства «мы». И само пространство коммеморативного процесса так же насыщается особой смысловой тональностью, усиливающей его переход из преимущественно историко-географической категории в точку, расположенную в символическом измерении. В.Н. Демина, рассматривая перформативные праздничные мероприятия, посвященные пятидесятилетнему юбилею Октябрьской социалистической революции, так же указывает на конструирование сакральных времен и пространства меморативного действия, наделенных своеобразным символическим звучанием: «Праздничные парад и демонстрация соединили линейное время проведения праздника, историческое – произошедшей победы революции, и вечности – памяти о павших героях» [8, с. 32]. Подобным же образом и в акции «Возвращение имен» конституируется особый хронотоп коммеморативной процедуры, позволяющий ее участникам погрузиться в проживание травматической вехи исторического прошлого. Кроме того, перформативная практика, в отличие от пассивного созерцания материального объекта, например монумента, требует от участника акции активного включения в акт ревитализации памяти. Человек, берущий в руки карточку и произносящий имя, лично свидетельствует о конкретной жертве и тем самым становится агентом памяти, беря на себя ответственность за ее передачу. Это дает участникам действия возможность перформативного определения и воспроизведения своей идентичности.

Звук как агент памяти в коммеморативной акции

Эти особенности перформативных практик коммеморации с особой ясностью обнаруживаются в звуковых ритуалах. Первое, на что стоит обратить внимание при

рассмотрении аудиальных форм памятования, это устойчивая связь звука с контекстуальным горизонтом, т. е. сложным переплетением уникальных культурно-исторических условий, в которые встроено звучащее и в которых оно обретает полноту сообщаемого смысла. Как утверждают многие теоретики коллективной памяти, визуальная презентация опыта прошлого, дабы обеспечить массовыйхват зрительского внимания и доступность транслируемых смыслов, редуцирует комплексность и многомерность исторического события до яркого, лаконичного символа, замещающего трудноуловимые подробности понимания пережитого. Например, Джеймс Фентресс и Крис Уикхем указывают на целесообразность и неизбежность типологизированного характера визуальных образов, отвоевывающих место в общественном дискурсе: «Образы могут передаваться в социуме только при условии их конвенционализации и упрощения: конвенционализации, поскольку образ должен быть значимым для всей группы; упрощения, поскольку для того, чтобы быть общезначимым и пригодным для передачи, сложность образа должна быть максимально снижена» [9, р. 48]. О потенциальной трафаретности и универсализации визуальных форм презентации прошлого рассуждает и Барби Зелизер, осмысливая значение фотографии как хрестоматийной «иконы», в которой гетерогенная мозаика случайных исторических деталей утрамбовывается в стабилизированную наглядную конструкцию, становящуюся точкой сборки для коллективного осмысления прошлого: «Наконец, образы коллективной памяти схематичны, им не хватает деталей, свойственных личной памяти. Мало кто из нас помнит название южновьетнамской деревни, где дети с криками выбегали из своих обожжённых напалмом домов прямо в поле зрения фотографа. Немногие помнят и дату, при которой была сделана эта фотография. Но её резонанс как образа военных зверств – и обращение к ней американских антивоенных групп в шестидесятые и семидесятые годы – стабилизировал её значение именно в рамках её более схематичных измерений. Таким образом, коллективно хранимые образы служат указателями, направляя тех, кто помнит, к предпочтенному значению кратчайшим путём» [10, р. 71]. В противовес такой стандартизации и схематизации, становящихся методологическими ориентирами визуального запечатления прошлого, в звуке отчетливо обнаруживаются следы принадлежности к культурно-историческому ландшафту конкретной территории. Произнесение имен в ходе акции наиболее «эффективным» образом «срабатывает» именно в местах, несущих на себе шлейф исторической событийности: проведение коммеморативных действий на месте трагедии, например, в Сандармохе, наполняет голос чтеца исключительной контекстуальной силой, тем концептуальным и эмоциональным зарядом, который с трудом можно воссоздать в местах, не отмеченных печатью мемориальной нагруженности.

Перформативные практики создают в повседневном городском пространстве альтернативный звуковой ландшафт памяти, совместное нахождение в котором формирует временное сообщество помнящих, актуализируя присутствие прошлого в настоящем. А посторонние фоновые звуки, составляющие саундскейп территории, могут своим присутствием врываться в ход акции, вступая в неожиданные отношения с ритуальными звуками поминовения и создавая новые смысловые композиции, актуализирующие восприятие прошлого. Например, проведение акции в Москве на оживленной Лубянской площади обусловливает наличие шумного, хаотичного звукового узора, обрамляющего аудиальную материю коммеморативной практики. Эти звуки городской повседневности в качестве неизбежного акустического фона акцентируют контраст прошлого и настоящего, напоминая, что травматические события разворачивались прямо здесь, в привычных городских локациях, и тем самым поднимая на поверхность невидимые слои памяти знакомой среды. Это разрушает ощущение

отстраненности истории, ее немой дистанцированности от процессов настоящего. Постоянный, неизбыtnый гул города – это звук жизни, которая неумолимо движется дальше, не оглядываясь на ускользающее прошлое, и потому проявление на его фоне аудиальных следов минувшей эпохи делает акт воскрешения памяти особенно значимым, проникнутым протестными мотивами.

Другим примером вторжения фоновых звуковых фигур в течение коммеморативной акции с ее собственным аудиальным наполнением можно назвать произошедшую в августе 2025-го года попытку прервать ход мемориального мероприятия провокаторами на кладбище Сандармох. Здесь мерный, монотонный ритм зачитывания имен нарушался громкими разговорами, выкриками лозунгов и исполнением «Катюши», а за год до этого – советскими военными песнями из динамиков. По словам одного из участников мемориальной акции, кладбищенская тишина, в которой растворялись даже звуки птиц и насекомых, с приходом людей превратилась в перегруженное звуковыми помехами пространство политических дебатов. Аудиальный план местности выступает здесь воплощенной экземплификацией непримиримости разнона правленных полюсов историко-политической мысли, где озвучивание травматической памяти прошлого вступает в конфронтацию с намерением скрыть, умолчать или предать забвению то, что выбивается из санкционированного исторического нарратива. Звук в данном случае становится оружием в войне диахотических идеологических сил и реальным инструментом картографирования пространства надиндивидуальной памяти, в котором сталкиваются территориализующие и детерриториализующие потоки. Посторонние звуки, разрывающие аудиальную ткань коммеморативного действия, из простой акустической помехи превращаются в орудие разметки территории, призванное заполнить фоническое пространство в пределах слышимости и подавить альтернативные аудиальные фигуры в попытке унифицировать идеологово-политический ландшафт через единое, инвариантное звуковое наполнение. Эти территориализирующие аудиальные потоки ориентированы на консервацию устоявшихся основ историко-политической мысли и подавление тех дискурсивных структур, что выбиваются из централизованного порядка. Захват аудиального пространства в данном случае эквивалентен контролю над сферой производства общеполитических и меморативных смыслов. Так, звук становится инструментом борьбы за власть над памятью и установления доминирующего символического порядка в поле социально-политического регулирования. Это особенно актуально в контексте использования привходящими свидетелями акции советских военных песен как эмблемы ведущего режима памяти о союзном прошлом, контрадикторного историческому нарративу, инкорпорирующему в свою ткань несанкционированные и нежелательные для позитивно-утвержденной национальной идентичности меморативные слои. Включение именно военных песен как акустического символа величия нации и одной из точек скрепления коллективной самоидентификации народа [11] как бы легитимирует это вторжение в ход коммеморативной акции, угрожающей посягательством на сердцевину установленного миропорядка, в котором поднять на поверхность альтернативные лики истории значит пойти против памяти о героизме советских граждан и прославленной победы над фашизмом, поскольку военные достижения эпохи закономерно отождествляются с фигурай вождя.

Стив Гудман, развивая «вибрационную онтологию», рассматривает потенциал звука посредством интенсивной вибрации выступать инструментом насилия, создавая через использование определенных акустических частот атмосферу страха, паники и ослабляя решимость противников [12]. Благодаря прямому воздействию на человеческие тела на дорепрезентативном, аффективном уровне, звук может непосредственным образом разобщать коллективы, атомизируя их участников и создавая ощущение

изолированности в своем переживании, оторванности от энергетического целого группы, что берется на вооружение силами политического контроля, в том числе и в данном примере: «Очевидно, что тактическое использование звука подчинено стратегической цели рассеивания толпы, рассеивания коллективной энергии, отталкивания и растворения скоплений, а также индивидуализации движений тел» [12, с. 32]. Осмысливая политическую агентность звука, Хельгер Шульц подмечает такое уникальное свойство звучащего как способность проникать в тела, минуя внешние ограничения и зачастую вопреки нашей воли. Наше тело оказывается беззащитно перед звуковым касанием, которое достигает поверхности нашей материальной оболочки посредством вибрации [13]. Даже если закрыть уши, звук доберется до адресата через непосредственное механическое колебание среды, передаваемое телу человека, что открывает широкие возможности для политического воздействия на человеческие коллективы и захвата акустического пространства. Проникновение в аудиальный ландшафт коммеморативного события, таким образом, осуществляется не только за счет концептуально антагонистичных фонических образов, а благодаря материальной силе звука, и даже если звуковые коды остаются нерасшифрованными слушателем на сознательном, семантическом уровне, вибрационный заряд, исходящий от посторонних источников звуков, нарушает ритм акции и аффективное состояние участников действия до того, как происходит понимание идеологической стороны этого вторжения на когнитивном уровне.

Если рассматривать вторгающиеся в течение акции звуковые элементы в качестве оккупирующего гармоническое аудиальное пространство шума, то становится понятным применение к описанию такого вмешательства категорий военного порядка. Например, для Жака Аттали шум воспринимается в качестве культурного оружия, атакующего музыкальные коды и сети в аудиосоциальной войне [14]. Шум как агент хаоса разрушает гармонические структуры и укоренившиеся режимы кодирования звукового материала, порождая новый порядок из тени старого. Эту логику взаимодействия мелодического, кодированного звука и хаотического, диссонансного шума можно перенести на социальную динамику отношений формализованного общественного порядка и дезинтегрирующего насилия. Сенсорно перегружая аудиальную среду несогласованными, конфликтующими с общим звуковым узором шумами, провокаторы разрушают ритм ритуала с его пространственно-временными границами, превращая область акустической реконструкции памяти в место территориальной борьбы смыслов, из которого рождаются новые измерения коммеморативного опыта.

Так, из взаимного наслаждения гетерогенных звуковых пластов возникают непредсказуемые семантические конструкции, меняющие наше восприятие исторического опыта и позволяющие разглядеть то, какие очертания приняло прошлое в общественном сознании в свете динамических преобразований реальности и как память о нем сама отразилась в социально-политической организации настоящего. Таким образом, прошлое в ходе звукового коммеморативного ритуала не просто воспроизводится по готовым, раз и навсегда предзаданным схемам, а обновляется и ревитализируется, подпитываясь меняющимися условиями среды. Взаимодействие с ним строится как активный, вовлеченный процесс, или, по словам Астрида Эрла и Энн Ригни, это «перформативное, а не репродуктивное» [15] отношение.

Важной характеристикой звука, позволяющей открыть доступ к уникальному опыту переживания прошлого в ходе акции, является его телесность, вовлечение физиологических процессов в извлечение определенного акустического сигнала. Известный социальный антрополог Пол Коннертон утверждает, что коллективная память

живет не только в архивах или монументальных конструкциях, но прежде всего в повторяющихся телесных практиках и ритуалах в качестве инкорпорированной памяти [16]. В акции «Возвращение имен» память инсценируется и переживается через непосредственные действия: чтение имени, стояние в очереди, слушание, – становясь телесной практикой поминовения. Вовлечение тела в акустический ритуал коммеморации синхронизирует и консолидирует его участников, формируя через конструирование единого звукового ландшафта ощущение принадлежности к коллективно воссоздаваемому прошлому. Это придает коммеморативному опыту более личный и вовлекающий характер, чем индивидуализированное, пассивное ознакомление с презентированным в тексте или изображении памятным материалом. Поскольку извлечение звука – это физический акт, материализующий память в конкретном месте, голос в качестве «телесного инструмента» связывает прошлое (жертву) и настоящее (чтеца и слушателя). Звуковая волна буквально "возвращает" имя в публичное пространство, преодолевая десятилетия забвения. Можно сказать, что звуковая коммеморативная акция становится актом символического воскрешения. Произнесение каждого имени голосом конкретного человека, задействуя голосовые связки, дыхание и движение, восстанавливает индивидуальность, нивелированную системой, и делает память воплощенной. Так, звук становится мощным инструментом деанонимизации, вырывающим воспоминание о жертве репрессий из безликой статистической массы и придающим его жизни звуковое воплощение. Благодаря уникальной способности человеческого голоса через интонации, паузы, дрожь или запинки передавать эмоции, звук в пространстве коммеморативного ритуала создает условия для эмпатического вовлечения, сопреживания и рефлексии, которые трудно достичь через сухие цифры или обезличенные визуальные монументы. Наполненный аффективными переживаниями голос обходит рациональные фильтры, напрямую обращаясь к чувствам слушателя и делая абстрактную статистику личной трагедией.

Голос как стержневой элемент звуковой ткани ритуала в древние времена играл основополагающую магическую роль. Считалось, что произнесение имен предков позволяет их теням вернуться в этот мир из царства забвения и смерти. Подобно тому, как шаман, вступая в контакт с потусторонним миром, вызывал духов в ходе ритуала, в коммеморативных практиках символическим образом «оживляют» мертвых, вырывают прошлое из забытья, голос из безмолвия. Произнесение имен жертв в рамках акции позволяет поддерживать символическую связь с прошлым, являя прежде неявленное, подпитывая трагическую память о былом и упрочивая контакт отсутствующего и присутствующего. Произнесенное слово является посредником торжествующей памяти, в котором запечатлеваются тени прошлого. В шаманской практике бытовала традиция «исцеления памятью», излечивающая от любой болезни, причиной которой признавалось забвение духа предка [17]. Если метафорически перенести ритуал исцеления памятью на социальную плоскость, то можно сказать, что способом лечения болезней современного общества так же может стать вспоминание погребенного через его озвучивание. Не случайно акция «Возвращение имен» является, по словам Николая Эппле, и своего рода поминовением, и символическим актом восстановления справедливости и возвращения отнятого [18] (Настоящий материал произведен иностранным агентом Николаем Владимировичем, включенным в реестр иностранных агентов).

Помимо голоса важными акустическими компонентами ритуала памятования жертв сталинских репрессий являются звук удара по рельсу, которым сопровождалась трудовая жизнь заключенных в лагерях, и тишина, манифестируемая в минуте молчания.

Эти звуковые предметности играют консолидирующую и интегрирующую функцию, способствуя приобщению индивидов к символическому целому группы. Ритуальность коммеморативной акции предполагает определенное звуковое наполнение, некоторый стандартный акустический ландшафт, который становится основанием для идентификации индивида, причисления его к отдельной социальной общности. Сами звуки внутри пространства ритуального действия обретают специфическую семантическую тональность, поддерживаемую контекстуальными условиями его воспроизведения. Так, например, тишина, обладающая поливариантным смысловым наполнением в различных культурных координатах, в рамках рассматриваемой коммеморативной акции обретает особое значение, заявляя о себе как посредник транслируемых представлений о прошлом. Краткие паузы после прочтения каждого имени, а также общая атмосфера сосредоточенной тишины участников коммеморативной практики становятся не просто отсутствием звука, а активным звуковым агентом памяти. Аффективная напряженность, рождаемая в акустических лакунах между зачитываемыми именами, физически напоминает о пустоте, оставленной каждой жертвой террора. Немая аудиальная зона не-говорения усиливает контраст между звуками каждого последующего произнесенного имени и полифонической мешаниной городского шума, в которой фоновые звуки становятся маркерами отсутствия голосов погребенных. Эта тишина формирует эмоциональное пространство для внутреннего отклика, позволяя услышанному имени «осесть» в складках коммеморативного опыта, предоставляя время для личной рефлексии и индивидуального переживания коллективной травмы. В силу превышения травматическим опытом возможностей ясной, конструктивной артикуляции, «ритуалы символического пробела - например, минуты молчания - оказываются наиболее эффективным средством выражения памяти о невосполнимом» [\[19, с. 16\]](#).

По этим типичным для ритуализированной акции звукам члены группы распознают друг в друге сообщников, испытывая чувство консолидации и единения, проявляющееся через общий акт слушания. Звуки удара по рельсу, ритуальная тишина или произнесения имен обеспечивают необходимый уровень синхронизации переживаний в рамках совместного действия. Этот разделенный с другими акустический опыт объединяет присутствующих в едином эмоционально-смысловом поле, формируя чувство коллективной ответственности перед памятью и солидарности, как друг с другом, так и с жертвами.

Кроме того, с помощью звука социальная группа заявляет о своем существовании в политическом пространстве, выражая через определенный набор акустических символов свою идеологическую ориентацию и программные требования. Поскольку формирование собственного аудиального ландшафта воплощает право на озвучивание своей позиции, то по громкости манифестируемого звукового выражения и обширности распространения звучащего, можно определить, какое место на социально-политической арене занимает та или иная общность, как распределяются идеологические силы и какие процессы происходят в этой плоскости. Если рассматривать гражданскую акцию как пример языковой коммуникации, в которой наличествуют, с одной стороны, «голос» как субъект волеизъявления и источник сообщаемой информации, а с другой стороны, «ухо» как воспринимающий эту информацию адресат, наделенный способностью к ее интерпретации, то можно понять, почему звуковая форма обращения к власти становится наиболее удачным способом отследить, что происходит в политическом поле. Опираясь на анализ звукового ландшафта в публичном пространстве, можно сделать вывод о политической глухоте или чуткости существующей государственной системы, а по изменению привычных звукокомплексов можно распознать те трансформации, что происходят в социально-политической плоскости.

Так, например, в качестве идейно и акустически диаметрального рассматриваемой акции звукового события можно назвать празднование Дня Победы, аудиальная палитра которого пестрит раскатистыми, пышными звуковыми фигурами. Помпезные, оглушительные марши, врывающиеся в аудиальную ткань города, неизменно сопровождая торжественные мероприятия на 9 мая, являются звуковым воплощением того положения, которое занимает данный праздник в общественном сознании. День Победы для российского народа выступает смыслообразующим символическим событием, подпитывающим нутро национальной идентичности и задающим фундамент государственного исторического нарратива, использующего риторику победителей в борьбе с фашизмом и носителей непоколебимого морального сознания. Тот факт, что шум парада на 9 мая, несмотря на громогласное вторжение в аудиальный шаблон повседневности, не вызывает общественного недовольства, а наоборот упрочивает коллективистские настроения в переживании общего исторического сюжета и составляет основу социальной реальности, свидетельствует о высоком статусе памяти о достижениях сталинской эпохи в структуре официального коммеморативного нарратива: День Победы буквально выступает одним из центров тяжести национального самосознания, символизируя сталинский триумф в победе над завоевателем [20]. Эта громкость звукового выражения на торжественных мероприятиях соотносится с гордостью за символическую принадлежность к классу победителей. Так, официальный исторический нарратив, культивируемый в пространстве современного политico-дискурсивного распределения сил, в качестве священного стержня, удерживающего коллективную идентичность, выводит на передний план публичной артикуляции сталинский миф, концептуальным ядром которого выступает утверждение военного превосходства, о чем убедительно свидетельствует и звуковое наполнение праздничных событий. Анализируемая же в данном исследовании акция, проведение которой ежегодно приурочено ко Дню памяти жертв политических репрессий, напротив, отличается лаконичным, сдержанным звуковым ландшафтом, сигнализирующим о периферийном, маргинализованном положении, отведенном памяти о государственном терроре в современном социо-политическом дискурсе. Подобно тому, как звучание мерно произносимых имен остается на задворках аудиальной палитры жилой среды, растворяясь в насыщенных акустических текстурах городской динаминости, память о трагических ошибках прошлого задвигается в тень сегодняшнего публичного обсуждения, не находя места в пространстве историко-культурного конструирования и перекрываясь позитивно окрашенным нарративом победы над нацистской Германией [21]. При этом сама приглушенность звукового высказывания, вопреки привычной логике, оказывается действенной стратегией сопротивления навязываемому забвению. Тишина для санкционированного властными структурами акустического ландшафта, наполненного звуковыми следами национальной гордости, становится угрозой, напоминающей о погребенных голосах и замалчиваемых травмах, пребывающих по иную сторону от праздничного аудиального буйства. Являясь одной из главных акустических фигур перформативных практик коммеморации жертв сталинских репрессий, тишина в данном случае оказывается нежелательным смысловым элементом, своей аудиальной бес предметностью вступая в антагонистические отношения с шумным рокотом парада. Как было отмечено ранее в примере с вторжением сторонних лиц в проведение коммеморативной акции, тишину стараются нарушить и прервать символическими звуковыми якорями, отсылающими к официальной памяти, подпитываемой национальной гордостью за военные достижения сталинской эпохи. То есть положение звука в публичной среде, установка на то, какие аудиальные образы считаются нежелательными или, напротив, предпочтительными, указывает на логику развертывания государственной риторики в отношении тех или иных исторических феноменов. Таким образом, звук

является важным маркером духовно-идеологической атмосферы социо-политической среды и тех трансформаций, что переворачивают ее устройство.

Еще одной значимой характеристикой звука в контексте проведения коммеморативных практик является его эфемерность, неуловимость. Пионер исследований звуковых ландшафтов Мюррей Шефер неоднократно противопоставляет мимолетность и текучесть как сущностное свойство звучащего стабильности визуального объекта [22]. Ключевое для методологии Шефера понятие саундскейпа следует интерпретировать как постоянно разворачивающееся, непрерывно перетекающее в иное состояние и никогда не повторяющееся акустическое событие. Звук как принципиально временное, не-вещное явление существует только в момент своего производства и восприятия, в тоже мгновение исчезая, сменяясь иным аудиальным событием. Независимо от того, как трактуется природа звука – как материализованная вибрационная сила, например, у Стива Гудмана [12], или как феномен, доступный лишь в восприятии, например, у Саломеи Фегелин [23], – исследователи в равной степени признают за звучащим существование в модусе вечного ускользания от слушателя, невозможности зафиксировать и оценить указать на его присутствие в конкретный отрезок времени. Мимолетность звука, его существование «здесь и сейчас» оказывает более непосредственное воздействие на адресата, от звука сложнее уклониться и спрятаться, чем от визуального образа, звук «принуждает» к слушанию. Эта эфемерность звучащего, способного преодолевать визуальные барьеры, позволяет ему быть мощным оружием сопротивления: звук рассеивается в воздухе, его нельзя «стереть» так же легко, как надпись, или разрушить как памятник. Так, сама публичность акции, смысловым центром которой выступает акустическое озвучивание имен, является актом гражданского неповиновения забвению и официальным нарративам, преуменьшающим масштаб репрессий.

Заключение

На основании произведенного анализа звукового наполнения коммеморативной акции «Возвращение имен» можно выделить фундаментальные особенности аудиального порождения образов прошлого в общественном сознании. Во-первых, звуковой режим ревитализации памяти в рамках практики поминовения отличает устойчивая связь с контекстуальным горизонтом, в котором акустический образ раскрывается наиболее полной палитрой смысловых и эмоциональных оттенков. Во-вторых, особенностью звуковой презентации памяти является телесность и воплощенность, при которой голос в качестве физиологически обусловленного инструмента актуализирует память в конкретном месте, самим фактом артикуляции имени жертвы возвращая травматическое воспоминание из царства забытия в плоскость публичного выговаривания. В-третьих, звук, расположившийся в голосе, произносящем имя, способствует преодолению анонимности и восстановлению индивидуальности, нивелированной механизмами подавления памяти. В-четвертых, регламентированный характер проведения акции, предполагающий стандартное звуковое наполнение, становится фундаментом для идентификации индивида, причисления его к символическому целому группы и консолидации с участниками коммеморативного действия, разделяющими этот совместный акустический опыт. В-пятых, занимающие определенное место в структуре аудиального ландшафта звукокомплексы, специфичные для того или иного общественного объединения, отражают колебания социального поля, указывая на меняющееся положение идеологических сил внутри системы. В-шестых, эфемерность звука, его способность ускользать от разрушающего контроля и незаметно воздействовать на адресата превращает его в мощный инструмент неповиновения

исторической амнезии.

Таким образом, эфемерный звук произносимых имен, зачитываемых разными голосами в непрерывном потоке, в рамках строго регламентированного ритуала, происходящего в сакрализованном месте, позволяет преодолеть двойное забвение – официальное умолчание и экзистенциальную пропасть времени. Это не просто напоминание о прошлом, это акт символического воскрешения через свидетельство, осуществляемый голосом и телом в публичном пространстве. Именно эта воплощенная, звучащая, коллективно исполняемая природа акции делает ее столь мощным и устойчивым инструментом сохранения и передачи памяти о государственном терроре.

Библиография

1. Шуб М.Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминования (на примере наименования улиц Челябинска) // Обсерватория культуры. 2018. № 2(15). С. 161-169. doi: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169
2. Ярычев Н.У. Феномен стихийной коммеморации: сущность, типы, функции // Сфера культуры. 2022. № 1 (7). С. 13-19. doi: 10.48164/2713-301X_2022_7_13
3. Архипова А., Доронин Д., Кирзюк А., Радченко Д., Соколова А., Титков А., Югай Е. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 84-122.
4. Кондратьева С. Танцевать о наследии: сайтспецифичный танец и перформанс в исторических местах и музеях // The Garage Journal: исследования в области искусства, музеев и культуры. 2021. № 3. С. 131-157. doi: 10.35074/GJ.2021.82.48.008
5. Рождественская Е. Перформативная память и памятник вианбу в Южной Корее // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. № 15(10). С. 91-101. doi: 10.19181/inter.2018.15.6
6. Янковская Г. Современное искусство // Всё в прошлом. Теория и практика публичной истории. М.: Новое издательство, 2021. С. 199-213.
7. Седова Л.И. Перформативные практики коммеморации в конструировании коллективной идентичности // Вестник государственного университета "Дубна". Серия "Науки о человеке и обществе". 2023. № 2. С. 11-25.
8. Демина В.Н. Празднование 50-й годовщины Октябрьской социалистической революции в контексте становления перформативных практик коммеморации // Южно-Российский музыкальный альманах. 2020. № 2. С. 28-33. doi: 10.24411/2076-4766-2020-12003
9. Fentress J., Wickham C. Social Memory. Oxford: Blackwell, 1992.
10. Zelizer B. Remembering to Forget: Holocaust Memory through the Camera's Eye. Chicago: University of Chicago Press, 1998.
11. Бараш Р. Э. Постпамять о советском прошлом как основание российского настоящего // Диагноз современности и глобальные общественные вызовы в социально-философской рефлексии. М.: Логос, 2022. С. 72-86.
12. Goodman S. Sonic Warfare: Sound, Affect, and the Ecology of Fear. Cambridge: MIT Press, 2009.
13. Schulze H. Resistance and Resonance: A Political Anthropology of Sound // The Senses and Society. 2016. № 1 (11). Pp. 68-81.
14. Attali J. Noise: The Political Economy of Music (Theory and History of Literature, vol. 16). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985.
15. Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory / Ed. by A. Erll, A. Rigney. Berlin: Walter de Gruyter, 2009.
16. Connerton P. How Societies Remember. Cambridge; New York: Cambridge University

Press, 1989.

17. Стародубцева Л. В. Память в ритуале и ритуалы памяти (мифологическое Целое во множестве действий его воспроизведения) // Мир психологии. 2003. № 3(35). С. 134-148.
18. Эппле Н. В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛО, 2023. (Настоящий материал произведен иностранным агентом Эппле Николаем Владимировичем, включенным в реестр иностранных агентов).
19. Ушакин С. "Нам этой болью дышать"? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5-44.
20. Рогинский А. Память о сталинизме. 2008. URL: <https://lib.memo.ru/media/book/27170.pdf> (дата обращения: 10.12.2025).
21. Шнирельман В. А. Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 6-29. DOI: 10.17223/2312461X/32/1
22. Schafer R. Murray. The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World. New York: Knopf, 1977.
23. Voegelin S. Listening to Noise and Silence: Towards a Philosophy of Sound Art. London: Bloomsbury, 2010.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет рецензируемой статьи – звуковые практики коммеморации в публичном пространстве. Сам термин «коммеморация» происходит от латинского слова *memorialis* – памятный. Чаще всего под ним подразумевают процесс сохранения, укрепления и передачи памяти о прошлом. Коммеморация способствует осмыслинию некоторых исторических событий в современном контексте и даже порой их публичному воспроизведению (например, феномен движения так называемых реконструкторов). С помощью коммеморации человек вводит прошлое в культуру настоящего и как бы протягивает связующую нить между историческими эпохами. Автор прав, когда пишет, что границы употребления этого понятия довольно аморфны: кто-то отождествляет коммеморацию с поминовением, кто-то сводит ее сущность к празднично-мемориальным церемониям, а иные обращаются сугубо к ее политической функции. Автор рецензируемой статьи – вслед за М.Л. Шуб – понимает коммеморацию как «совокупность публичных коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение (повторение) в актуальной культуре значимых для группы, символических выраженных представлений о прошлом». Автор отмечает, что необходимо обратиться к аудиальной стороне практик поминовения, чтобы выяснить, какую роль играет звук в реактуализации и сохранении памяти. Хотелось бы все же, чтобы в заглавии самой статьи был четко обозначен именно философский аспект интересующей автора проблемы: этический, социально-философский или же философско-антропологический ракурс звуковой практики коммеморации.

Рецензируемая статья несет на себе черты социально-философского и философско-антропологического исследования, затрагивающего также этические и эстетические аспекты проблемы коммеморацию. Статья носит характер проблемного исследования,

что сказалось и на избранной автором методологии. Хотя автор и заявляет, что в основе его работы лежит метод философско-культурологического анализа аудиального материала, но им, безусловно, были использованы и базисные методы научного познания.

Интересующая автора проблема тесно связана с проблемой исторической памяти, которая в наше время имеет особую актуальность после безвременья перестройки и ельцинской эпохи, когда осмеянию и глумлению подвергались славные страницы прошлого нашей страны – прежде всего, ее советского периода. Актуальность рецензируемого исследования довольно обстоятельно сформулирована автором, хотя он и склоняется более к предвзято-либеральной позиции и чрезмерно критически относится к героическим страницам советского прошлого, акцентируя внимание на преступлениях и ошибках Советской власти. Рецензент рекомендует автору статьи обратиться к обстоятельному исследованию Виктора Земского о подлинных масштабах так называемых сталинских репрессий (М.: Проспект, 2021). В своей книге ученый затронул темы репрессий, индустриализации, коллективизации, депатриации и настроениях советских граждан во времена Великой Отечественной войны. Рецензент никак не может согласиться с автором в том, что советские военные марши и «Катюша» исполнялись в августе 2025 года «провокаторами», стремящимися сорвать акцию на кладбище Сандармох, но полностью согласен с тезисом автора о том, что «звук становится инструментом борьбы за власть над памятью и установления доминирующего символического порядка в поле социально-политического регулирования».

Автор отмечает, что советской эпохой оставлено в наследство «трудное прошлое», но ведь именно это великое прошлое до сих пор питает все достижения современного российского государства. Так, победа в Великой Отечественной войне достигнута именно благодаря социалистической общественно-экономической формации, хотя ныне и стараются не вспоминать об этом, когда стыдливо драпируют Мавзолей В.И. Ленина, к подножию которого 24 июня 1945 года были брошены знамена проигравшего войну национал-социализма! Но рецензент полностью согласен с автором, когда он ставит задачей выяснить, как это прошлое «обнажается в декорациях сегодняшней публичной сферы и какую роль звук играет в конституировании образов этого прошлого внутри коммеморативной практики». Эта задача вполне актуальна и весьма обстоятельно решается автором в рамках рецензируемого исследования.

Рецензируемая работа обладает существенной исследовательской новизной. Автор видит цель своего исследования в том, чтобы показать, «как форма коммеморации влияет на восприятие исторической реальности и какие уникальные особенности может привнести аудиальный медиум в наши взаимоотношения с прошлым». Четко обозначены объект и предмет исследования. Под объектом автор усматривает ход коммеморативной практики, а предметом своего исследования определяет звуковое содержание акции «Возвращение имен». Довольно четко обозначены выводы исследования, суммирующие фундаментальные особенности аудиального порождения образов прошлого в общественном сознании.

Работа написана хорошим научным языком, читать ее интересно и познавательно. Разумеется, не со всеми выводами автора можно согласиться. Автору настоятельно рекомендуется смягчить свое утверждение о том, что «официальный исторический нарратив, культтивируемый современнойластной элитой, в качестве священного стержня, удерживающего коллективную идентичность, имеет в своем арсенале сталинский миф с культом военного превосходства, о чем настойчиво напоминает и звуковое наполнение праздничных событий». Иешуа у М.А. Булгакова говорил, что «правду говорить легко и приятно», но в некоторые исторические эпохи это еще и опасно. Отметим, что если бы не было того, что автор произвольно помечает как

«военные достижения сталинского режима», то само существование русского народа было бы под большим вопросом!

Структура рецензируемого исследования соответствует стандартам современной статьи по философии культуры и социальной философии. Библиография включает 22 работы на русском и английском языках, обращающихся в той или иной мере к теме статьи.

Нам представляется, что рецензируемая статья вызовет вполне законный интерес у широкого круга читателей, но в авторитетном научном издании она может быть опубликована только после определенной доработки, которая, во-первых, должна заключаться в корректировке названия статьи с целью сделать его относящимся именно к философским наукам и, во-вторых, в продуманном смягчении некоторых чрезмерно резких высказываний публицистического толка, которые никак не допустимы в тексте научной статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Центральным предметом исследования выступает аудиальные формы коммеморативных практик, целью которых является мобилизация и сохранение в коллективной памяти населения воспоминаний о личностях и событиях, имеющих важное значение для общества. В качестве репрезентативного примера автор рассматривает коммеморативную акцию "Возвращение имён", которая проводится в России в память жертвам политических репрессий, в ходе которой любой желающий может зачитать имена лиц, напрасно пострадавших в годы советской власти.

Методология исследования состоит в философско-культурологическом анализе аудиальных форм коммеморативных практик на примере акции "Возвращение имён".

Актуальность исследования состоит в рассмотрении именно аудиального аспекта коммеморативных практик, которому уделяется меньшее внимание исследователей по сравнению с различными их визуальными формами. Показана важность звукового сопровождения в акциях, нацеленных на сохранение коллективной памяти в обществе; его влияние на восприятие исторической реальности. В работе поднимается тема консолидации памяти о событиях советской эпохи, которая связана как с героическими страницами (героизм и победа в Великой Отечественной войне), так и с преступлениями в период массовых политических репрессий в годы правления Сталина.

Научная новизна состоит в том, что автор работы обращает внимание на ряд важных аспектов аудиального сопровождения коммеморативных практик. В частности, указывается на устойчивую связь звука с контекстуальным горизонтом; взаимное проникновение звуков повседневности и звуков, воссозданных в рамках проводимых коммеморативных акций; важную роль звука в преодолении исторической амнезии; телесность и воплощённость звука, которая позволяет актуализировать память в историческом пространстве.

Интерес представляет использование звуковых сопровождений в качестве инструмента воздействия на участников коммеморативных акций. Отличительные особенности

аудиальной стороны коммеморативных практик способствуют идентификации и консолидации их участников и в то же время их противопоставлению другим социальным группам, поддерживающим иные коммеморативные действия. Так, в августе 2025 года в ходе коммеморативной акции на кладбище Сандармох монотонный ритм зачитывания имён участников акции нарушился исполнением "Катюши", выкрикиванием лозунгов со стороны иных лиц.

Работа написана в научном стиле, присутствует структура: статья поделена на разделы. Библиография статьи по рассматриваемой теме содержит 23 наименования работ, написанных как отечественными, так и зарубежными исследователями преимущественно за последнее время. На протяжении работы автор апеллирует к работам других мыслителей, занимающихся проблемами памяти, наследия, звукового сопровождения.

Выводы соответствуют рассмотренным в рамках статьи проблемам; работа может вызвать интерес читательской аудитории к феномену коммеморативных практик, их аудиальной составляющей.

Основное замечание состоит в том, что автор не отразил в названии работы, что его анализ аудиальных форм поминовения произведён на конкретном примере, о чём сам автор указывает в работе и что фактически сделано автором в работе. Поэтому рекомендуется добавить в название работы: "на примере акции "Возвращение имён"".

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Звуковые практики коммеморации в публичном пространстве: социально-философский анализ аудиальных форм поминовения»

В данной статье автор отдельно не сформулировал, как это определяется в требованиях к оформлению статей, некоторые основные положения исследования (методологию, актуальность и научную новизну). Может быть это сделано в аннотации, однако в тексте статьи выделены только объект, предмет исследования и метод философско-культурологического анализа. Тем не менее автор статьи соблюдает логическую структуру статьи, определенную последовательность умозаключений и демонстрирует достаточно высокий научно-методологический уровень социально-философского исследования. Исходя из названия статьи и содержания работы предметом исследования являются феномен коммеморативных практик и собственно аудиальная форма практик поминовения в социально-философском пространстве (посредством терминологии философии постмодернизма и философии повседневности). Автору статьи в процессе социально-философского анализа удалось исследовать данную проблематику и осуществить концептуализацию звуковых практик коммеморации в публичном пространстве.

В качестве методологии исследования автор опирается на разнобразные методы и принципы философского исследования проблем современности. В частности используется дескриптивный метод, ретроспекция и компаративный анализ темы

исследования. Однако, автор представил в тексте статьи только метод философско-культурологического анализа, что представляет собой весьма обобщенное название для метода исследования.

Актуальность темы исследования статьи определяется тем, что проблемы функционирования коллективной, социальной памяти в настоящее время имеют не только устойчивый академический интерес, но практическую значимость для общественной жизни. В этой связи автор статьи правильно подчеркивает, что «в формировании и сохранении символической связи с прошлым конкретного места существенную роль играет процесс актуализации фундаментальных для определенной социальной группы культурных смыслов в публичных практиках, то есть коммеморация». Вместе с тем, автор статьи отдельно не выделяет в тексте актуальность темы своего исследования.

Научная новизна данной работы автором статьи также отдельно не прописывается, тем не менее элементы новизны могут быть представлены в собственно попытке провести социально-философское осмысление аудиальной формы феномена коммеморативных практик и выяснить как аудиальная форма коммеморации влияет на восприятие исторической реальности, что может привнести аудиальный медиум в наши взаимоотношения с прошлым. Кроме того, автор выявляет новые фундаментальные черты «аудиального порождения образов прошлого в общественном сознании», в частности: 1) звуковой режим ревитализации памяти в рамках практики поминовения отличает устойчивая связь с контекстуальным горизонтом, в котором акустический образ раскрывается наиболее полной палитрой смысловых эмоциональных оттенков; 2) телесность и воплощенность, при которой голос в качестве физиологически обусловленного инструмента актуализирует память в конкретном месте; 3) звук, расположившийся в голосе, произносящем имя, способствует преодолению анонимности и восстановлению индивидуальности, нивелированной механизмами подавления памяти; 4) стандартное звуковое наполнение становится основой для идентификации индивида, причисления его символическому целому группы и консолидации с участниками коммеморативного действия, разделяющими этот совместный акустический опыт.

Несмотря на общее позитивное впечатление и определенные достоинства проведенного автором социально-философского исследования аудиальных форм поминовения (логичность повествования, концептуальность, обоснованность выводов и другое) имеются некоторые погрешности. Например, автор в достаточной мере «драматизирует» события, связанные с проведением общероссийской гражданской акции «Возвращение имен» и празднованием Дня Победы, и преувеличивает роль личности в истории (что характерно для публицистики), тем самым снижается диалектичность проводимого социально-философского анализа. Кроме того, некоторые цитирования представляются необязательными. Впрочем эти комментарии имеют в большей степени дискуссионный и рекомендательный характер. Основное замечание заключается в том, что автор не сформулировал некоторые основные положения (методологию, актуальность и научную новизну) исследования.

Стиль данной статьи в основном научный, автор демонстрирует высокий уровень владения современной социально-философской терминологией.

Структура работы отличается целостностью и логичностью, в тексте содержатся все необходимые разделы. Содержание статьи непротиворечиво, выводы обоснованы и согласуются с аналитической частью работы.

Библиография, представленная работами отечественных и зарубежных исследователей, оформлена согласно предъявляемым требованиям и полностью соответствует содержанию статьи.

Апелляция к оппонентам в работе практически отсутствует, автор излагает собственную

концепцию социально-философского анализа проблемы.

Содержание статьи, несмотря на некоторую специфичность, может представлять определенный интерес для специалистов в сфере современной социальной философии, исследователей социальной действительности, преподавателей социально-гуманитарных предметов и всех интересующихся феноменами социальной памяти.

Таким образом, в целом статья соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Однако, требуются некоторые корректировки.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Яо Ч. Лилун и хутун как прототипы возрастно-дружелюбной улицы: сравнительное архитектурно-культурное исследование // Философия и культура. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.12.76996 EDN: TESUHE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76996

Лилун и хутун как прототипы возрастно-дружелюбной улицы: сравнительное архитектурно-культурное исследование

Яо Чжиюань

ORCID: 0009-0003-3245-201X

аспирант; институт философии; Санкт-Петербургский государственный университет
198504, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Петергоф, Петродворцовый р-н, ул. Халтурина, д. 15 к. 2

A portrait photograph of Yao Zhiyuan, a young man with dark hair, wearing a dark jacket, looking slightly to the side.
✉ yaozhiyuan32@outlook.com[Статья из рубрики "Диалог культур"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.12.76996

EDN:

TESUHE

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2025

Аннотация: Статья посвящена сравнительному архитектурно-культурному анализу шанхайских лилунов и пекинских хутунов в контексте концепции активного долголетия и формирования городской среды, дружественной по отношению к представителям старшего поколения. Цель исследования состоит в выявлении архитектурно-пространственных факторов, которые способствуют инклюзивности городской среды и социальной интеграции пожилых жителей. Объектом исследования являются традиционные жилые кварталы Шанхая и Пекина, представленные типологическими моделями лилун и хутун и рассматриваемые как среда повседневной городской жизни. Предметом исследования выступают пространственные условия и социальные механизмы, обеспечивающие повседневное взаимодействие и участие пожилых людей в жизни этих кварталов, а также микроморфологические характеристики среды, такие как человекосоразмерность застройки, наличие переходных и полупубличных зон, плотная сеть узких улиц и дворов и сочетание жилой застройки с повседневными функциями. Методология исследования включает сравнительный и историко-культурный подходы,

микроморфологический анализ пространственной организации, а также интерпретативное изучение материалов о повседневных практиках. Проведенный анализ показал, что человекосоразмерная застройка, развитая система переходных и полупубличных зон, плотная сеть малых улиц и дворов и смешение жилых и повседневных функций уменьшают риск социальной изоляции пожилых людей, поддерживают их повседневную мобильность и укрепляют чувство принадлежности к месту. Научная новизна работы состоит в междисциплинарной интерпретации лилунов и хутунов как исторически сложившихся прототипов городской среды, благоприятной для представителей старшего поколения, а также в предложении аналитического подхода, объединяющего архитектурно-пространственный анализ, исследования повседневности и философию города для изучения социальной интеграции пожилых горожан. Полученные результаты уточняют роль культурно-пространственных факторов в интеграции старшего поколения в городскую жизнь и подчеркивают необходимость учета этих факторов при проектировании возрастно-дружелюбной городской среды.

Ключевые слова:

в возрастно дружелюбная среда, активное долголетие, лилун, хутун, традиционная китайская застройка, Философия города, социальная интеграция, повседневность, пространственная инклюзивность, урбанистическое наследие

В последние годы старение населения стало устойчивой демографической тенденцией, заметно влияющей на развитие городской среды. По мере усиления этой тенденции перед современным градостроительством стоит задача по созданию пространств, благоприятных для активного долголетия. В руководстве ВОЗ по возрастно-дружелюбным городам (ВОЗ, 2007) такая среда описывается через комплекс из восьми взаимосвязанных областей. Её цель не сводится к социальной поддержке; речь идёт о целенаправленном формировании условий для здоровья, совместной деятельности и безопасности пожилых людей. Следовательно, требуются условия, при которых пожилой человек сохраняет активное и осмысленное присутствие в повседневной жизни города. Включенность в городскую жизнь зависит не столько от физического доступа к объектам, сколько от постоянного взаимодействия с узнаваемыми ритмами, маршрутами, звуками и визуальными образами. Эти элементы поддерживают чувство принадлежности и личной истории. В таком контексте пространственная солидарность не просто социальное понятие [1, с. 76]. Это особая форма социально-пространственного бытия пожилого человека, основанная на интерактивности, личной памяти и повседневной рутине.

В поисках решений полезно обратиться к историческому опыту. Особое значение здесь имеют традиционные формы китайской застройки: шанхайские лилуны (里弄) и пекинские хутуны (胡同). Эти уникальные пространства, представлявшие собой лабиринты узких переулков и дворов, исторически были центрами общения и взаимопомощи [2, 3]. Они играли ключевую роль в жизни нескольких поколений, создавая тесные соседские общины и естественным образом поддерживая социальную роль пожилых людей.

При этом возникает ряд вопросов: какие архитектурно-пространственные характеристики делают традиционные городские кварталы дружественными к пожилым людям? Возможно ли рассматривать формы китайской застройки, такие как лилуны и хутуны, как примеры среды, способствующей активному долголетию? Какие выводы можно извлечь из их исторического опыта для современного проектирования инклюзивного города?

Лилун (里弄) — это традиционный тип городской застройки, сформировавшийся в Шанхае в период с 1860 по 1949 г. и дословно означающий «соседская аллея» (*li* — «соседство», *long* — «аллея»). [\[4, с. 13\]](#). Его появление было прямым следствием исторических событий. После Тайпинского восстания 1860-х годов в Шанхае наблюдался массовый приток беженцев, что создало острый спрос на жилье. В этих условиях предприниматели на территории иностранных концессий начали финансировать строительство первых доходных домов, организованных в целые кварталы [\[5, с. 52\]](#).

В архитектурном отношении ранние лилуны представляли собой особый гибрид. Кирпичная рядовая застройка западного типа была адаптирована к китайскому образу жизни, в частности с учётом принципов фэншуй [\[6\]](#). Ключевым элементом выступал шикумэнь (石库门, «каменные ворота»): этот портал соединял частное пространство дома с полуобщественным пространством общего переулка, обеспечивая плавный переход между ними (рис. 1). Лилуны быстро стали доминирующей формой жилья в Шанхае [\[4\]](#). Их значение было не только архитектурным, но и социальным: эта среда сформировала характерную для Шанхая уличную культуру и практики тесного соседского общения. Со временем лилуны превратились в один из ключевых символов города, сопоставимым по значимости с набережной Вайтань [\[7\]](#).

Рис. 1. Переход в лилуне Бугаоли (步高里), Шанхай. Фото автора.

Пространственная организация лилуна формировала градацию приватности: от жилых комнат к небольшому внутреннему двору, затем к узкому переулку и, наконец, к широкой улице. Такая структура делала переулок естественным продолжением дома. Здесь готовили пищу, играли дети, а пожилые жители наблюдали за жизнью, сидя на пороге. Эта среда сформировала особую «культуру переулка». Более того, лилун изменил традиционное китайское представление о доме (*jia*) как о родовом гнезде, сдвинув его к западной модели недвижимости, доступной для купли-продажи [\[8, с. 47\]](#). Следовательно, лилуны отражают не только материальную, но и культурную трансформацию, то есть переход от патриархальной традиции к динамичному городскому образу жизни.

Хутун (胡同) — это исторические пекинские переулки, образованные традиционными усадьбами сыхэюань (四合院), или «четырёхсторонними дворами». В отличие от лилунов, появившихся в колониальную эпоху, хутуны имеют гораздо более древнюю историю. Их планировочная сетка сложилась при династии Юань (XIII–XIV вв.). Слово «хутун», по одной из версий, происходит от монгольского хотон («колодец»): первые поселения возникали вокруг источников воды [\[9, с. 18\]](#).

Традиционный квартал представлял собой сетку малоэтажной застройки. Вдоль узкого переулка тянулись глухие стены усадеб, а за воротами каждой усадьбы скрывался

внутренний двор, окруженный жилыми флигелями. Живя в таком пространственном окружении, люди постепенно сформировали особый уклад, основанный на жизни во дворе и использовании улицы как продолжения двора. Физическое пространство, сложенное из серого кирпича и черепицы, оказалось неразрывно связано с моделями проживания, передаваемыми из поколения в поколение. В результате такого синтеза хутуны и дворы сыхэюань эволюционировали в хранилища культурной памяти, сохранившие укоренённый образ жизни нескольких поколений (рис. 2).

Рис. 2. Традиционная застройка в пекинском хутуне Чансян-сантьяо (长巷三条). Фото автора.

Несмотря на различие генезиса, лилун и хутун сходны по ключевым пространственным характеристикам. Лилун является продуктом колониальной модернизации. Хутун представляет собой ткань древней имперской столицы. Общие черты определяются тремя параметрами: человеческий масштаб, преобладание соседских связей, насыщенность полупубличными пространствами. Эти характеристики обеспечили основу специфического социального функционирования таких кварталов.

Социальное пространство и образ жизни общины

И в лилуне, и в хутуне социальная жизнь исторически характеризовалась высокой интенсивностью общения и взаимной помощи, во многом вследствие пространственной организации. Узкие переулки и общие дворы ослабляли границы между приватной и публичной сферами. Соседи становились постоянными участниками повседневной жизни друг друга.

В шанхайских лилунах переулок функционировал как коллективное пространство, своего рода общая гостиная. Повседневная деятельность выносилась за пределы дома: жители готовили еду, играли дети, сновали уличные торговцы. В этом упорядоченном ритме пожилые люди отводились центральное место. Сидя на скамейках у входа, они становились не просто наблюдателями, а активными участниками социальной жизни: беседовали, присматривали за детьми, обсуждали новости. Их постоянное присутствие в общем пространстве обеспечивало преемственность традиций и поддерживало социальный контроль. По наблюдениям исследователей, именно многие пожилые обитатели шанхайских лилунов до последнего сохраняли «традиционный» уклад жизни переулка, становясь хранителями соседских ритуалов и памяти места [10, с. 19].

В пекинских хутунах, несмотря на иные исторические условия, сложился схожий социальный феномен. В течение XX века традиционный уклад заметно изменился. Просторные дворы типа сихэюань, ранее принадлежавшие одной семье, превратились в

перенаселенные коммунальные пространства. Приватная сфера резко сократилась, а дворы застраивались дополнительными помещениями, что предельно уплотнило жизнь.

Необходимо отметить, что высокая плотность заселения и бытовые ограничения в хутунах способствовали формированию исключительно крепких социальных связей. Утрата приватности компенсировалась нормами коллективной жизни и взаимопомощи, что привело к формированию феномена «деревни внутри мегаполиса».

Такая среда оказалась особенно благоприятной для пожилых людей. В отличие от современных мегаполисов с их проблемой изоляции, в хутуне старики оставались на виду, пользовались уважением и активно участвовали в жизни двора. Традиционная для китайской культуры ценность почтения к старшим получила здесь своё пространственное воплощение: порог дома и двор становились ареной их социальной роли.

Таким образом, лилун и хутун формировали инклюзивное социальное пространство, где ежедневные ритуалы, утренний поход на рынок и вечерние беседы во дворе, поддерживали сплоченность поколений. Эти городские структуры органично вписывали старость в общий ритм жизни. Пожилые не изолировались, они оставались естественной частью повседневности. Такой социально-культурный климат, по всей видимости, поддерживал активное долголетие, поскольку обеспечивал включенность, умеренную физическую подвижность и психологический комфорт, связанный с принадлежностью к общине. Эти свойства соотносятся с факторами благополучного старения.

Культурная символика и ценность традиционных кварталов

Кроме утилитарной функции, лилуны и хутуны обладали богатой культурной символикой, особенно значимой для пожилых жителей. Вопрос их сохранения или сноса стал не только градостроительной, но и культурно-философской проблемой, затрагивающей ценностные ориентиры современного города. В течение XX века отношение к этим формам застройки эволюционировало: от пренебрежения к постепенному признанию их ценности.

Долгое время шанхайские лилуны ассоциировались с колониальным прошлым и бедностью. После 1949 г., с приходом к власти коммунистов, лилуны вошли в период упадка. Новые власти видели в них напоминание об эпохе «договорных портов» (Treaty Port era), которую стремились предать забвению [\[7, с. 10\]](#). В результате старые кварталы были оставлены без должного ухода и постепенно приходили в негодность.

В этих условиях частное пространство резко сокращалось. Двор становился местом общего пользования: здесь готовили пищу, стирали и выполняли прочие бытовые операции. Чтобы расширить личное пространство, жители сооружали дополнительные кухни, туалеты и кладовые [\[11, с. 70\]](#). Самовольные пристройки и общее ухудшение бытовых условий усиливали представление о ветхости и неблагополучии этих районов. Это становилось основанием для программ массового сноса.

В Пекине наблюдалась схожая тенденция. Официальный дискурс определял хутуны как устаревшую и неэффективную городскую форму, что привело к политике массового сноса: с 1949 г. было уничтожено около 75 % хутунов, чтобы освободить место для современных зданий и широких улиц [\[12, с. 261\]](#).

В оставшихся кварталах ситуация также кардинально менялась. Большинство сыхэюаней были конфискованы государством и перераспределены между несколькими семьями, в результате чего двор, ранее принадлежавший одному роду, превращался в общее

пространство для десятков домохозяйств. Первоначальная структура двора нарушалась, так как каждая семья стремилась организовать свой быт, строя индивидуальные кухни и другие помещения. Это привело к тому, что некогда просторные дворы превращались в так называемые «хаотичные дворы» (*zayuan*, 杂院), а условия жизни в них значительно ухудшались [\[3, с. 87\]](#).

Однако, несмотря на это, исследование показало сильную привязанность жителей к своим районам. Пожилые люди, в частности, предпочитали оставаться в привычной среде, фокусируясь скорее на улучшении общественных услуг, чем на переезде [\[12, с. 264\]](#).

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались новым этапом трансформации. В условиях экономических реформ и строительного бума традиционные кварталы стали стремительно исчезать. К 1980-м годам в Шанхае кварталы лилунов, занимавшие значительные территории в центральной части города, были признаны экономически неэффективными ввиду низкой плотности застройки на фоне растущей стоимости земельных ресурсов. Данный фактор обусловил переход к политике масштабной реновации: историческая застройка подверглась массовому сносу и последующему замещению высотными комплексами, что привело к кардинальной трансформации городского ландшафта. [\[13, с. 139\]](#).

Аналогичные процессы происходили и в Пекине, особенно в преддверии Олимпиады 2008 г. Снос хутунов был обусловлен необходимостью прокладки широких проспектов и строительства новых коммерческих объектов [\[14, с. 54\]](#). Показательным примером является реконструкция квартала Цяньмэнь, где исторические улицы были заменены стилизованным торговыми-турристическим районом, что вызвало критику со стороны горожан, считавших новый квартал имитацией, лишенной исторической аутентичности [\[14, с. 53\]](#).

Однако волна сноса спровоцировала и ответную реакцию. Сформировалось общественное движение за сохранение этих городских форм. Власти приняли программы охраны, однако сохранение часто сводилось к «музеефикации».

Проекты, подобные шанхайскому Xintiandi, превращали жилые кварталы в туристические кластеры, что сопровождалось вытеснением коренных жителей [\[10, с. 24\]](#). Это, по существу, поставило сложный вопрос: чьё именно наследие сохраняется – повседневная культура местных сообществ или коммерчески привлекательные декорации?

Особенно остро в этом контексте стоял вопрос о судьбе пожилых жителей. Реконструкция ставила их перед дилеммой: переезд в современную квартиру с удобствами или сохранение привычного уклада жизни в знакомой, но менее комфортной среде. Переезд, даже в лучшие условия, часто означал для них потерю плотной сети соседских связей и, как следствие, социальную изоляцию.

Конфликт между физическим и социальным благополучием стал центральной проблемой модернизации старых кварталов.

Ценность лилуна и хутуна не сводится к бытовым удобствам, она проявляется в социально культурном измерении. Для пожилых людей эти места обеспечивали чувство экзистенциальной стабильности. Пространство становилось продолжением их

идентичности, это явление известно как топофилия, любовь к месту [15]. Переселение нарушало эту связь и могло сопровождаться ощущением утраты и депрессивными переживаниями.

Таким образом, сохранение кварталов стало вопросом не только охраны архитектуры, но и интеграции пожилых людей в новую городскую жизнь при сохранении преемственности поколений.

Активное долголетие и философия пространства старости

Рассмотрев историко культурные аспекты лилуна и хутуна, целесообразно перейти к более общему философскому осмыслению пространства старости и понятия возрастной инклюзивности. Современные концепции, такие как «активное долголетие» (active ageing) от ВОЗ, утверждают, что пожилой человек должен оставаться вовлеченным в жизнь общества [16, с. 12]. Однако реализация этого потенциала невозможна без поддерживающей среды.

В этом контексте становится актуальной идея философа Анри Лефевра о «праве на город», то есть о праве каждого жителя на полноценное участие в жизни городского пространства [17]. Для пожилых людей это означает право стареть без изоляции и оставаться частью городской общины.

Как показал анализ, лилуны и хутуны исторически обеспечивали возможность включения пожилых жителей в повседневные практики: их пространственная организация естественным образом способствовала этому, реализуя тем самым формы неформальной инклюзии.

Важно подчеркнуть, что подлинная инклюзивность пространства определяется не только физической доступностью, но и более тонкими параметрами. Речь идет, во-первых, о создании среды, располагающей к общению (например, полуприватные дворики, где легче завязать разговор, чем на пустой площади), и, во-вторых, о насыщенности пространства смыслами и знакомыми ориентирами, которые создают у жителей чувство принадлежности.

Традиционные китайские кварталы обладали этими качествами в полной мере. Они функционировали как пространства ритуализированной повседневности, где сама среда, благодаря близости соседей и привычным маршрутам, облегчала ежедневные ритуалы.

Ритуальные практики, например, совместное приготовление пельменей к празднику и вечерние партии в шашки, становились значимыми событиями, которые структурировали повседневное время пожилых людей [18]. В контексте старения они приобретали особую важность, поскольку поддерживали чувство сопричастности и снижали ощущение экзистенциальной пустоты. Лилуны и хутуны выступают примерами пространств ритуализированной повседневности, где сама среда облегчает и поощряет такие практики: близость соседей, привычные маршруты от дома до рынка и устоявшиеся места для встреч.

Разумеется, прямое копирование исторических форм в современном мегаполисе невозможно и нецелесообразно. Однако заложенные в структуре лилунов и хутунов принципы человеческого масштаба, пешеходной доступности и поощрения социальных связей находят прямое отражение в современных урбанистических теориях.

Именно поэтому такие концепции, как «новый урбанизм» или «город деревень» (urban

villages), во многом являются переосмыслением тех ценностей, которые были органично присущи традиционным кварталам [\[19\]](#).

Подход находит подтверждение в современных исследованиях. Например, в этнографическом исследовании Мелиссы Рок показано, что современная урбанизация в Пекине (коммодификация пространства, приватизация жилья) вызывает социальное отчуждение, тогда как бывшие жители хутунов высоко ценят человеческий масштаб и социальную активность традиционных кварталов, поддерживаемых соседскими отношениями. [\[20, с. 90\]](#). Её выводы созвучны идеям урбаниста Яна Гейла, который призывает проектировать города «для людей, а не для машин», поощряя уличную жизнь и случайные социальные контакты.

Активное долголетие во многом зависит от того, насколько городская среда позволяет старости оставаться видимой и интегрированной. Как отмечал философ А. Левинтов, одна из ключевых проблем современного общества заключается в маргинализации старости, в ее вытеснении из основного потока жизни [\[21, с. 6\]](#). Традиционные формы совместного проживания противостояли этой тенденции: в хутуне бабушка у ворот являлась естественной частью улицы, в лилуне дедушка на табуретке у стены, такой же элемент пейзажа, как магазинчик или колодец.

Их присутствие нормализовано пространством. Значит, проектируя новые районы, стоит закладывать возможности для такого присутствия: общественные уголки возле домов, полуприватные дворы, где старшие могут сидеть, наблюдать, общаться, малые площади, где соседские активности (ярмарки, праздники, танцы) будут соединять всех жителей.

В Китае реализуются программы «активного двора», в рамках которых на площадках в спальных районах по вечерам собираются пенсионеры для танцев и занятий гимнастикой, что можно понимать как попытку частично возродить утраченные практики дворовой культуры.

Также важен аспект культурной преемственности. Для многих пожилых китайцев лилуны и хутуны являются частью национальной истории и выступают носителями коллективной памяти, формировавшейся, в том числе, через кино и литературу.

В этом смысле сохранение таких пространств является не «музееификацией», а способом поддержания связи времён, важной для культурной идентичности. Это явление можно описать через философское понятие «дух места» (*genius loci*). Лилуны и хутуны обладают мощным «духом места», который воплощает в себе ценности общины и человеческого масштаба. Интеграция этого духа в современную городскую философию может обогатить её и стать противовесом обезличиванию урбанизированной среды.

Проведенное сравнение лилунов и хутунов показывает, что архитектурно-пространственная организация напрямую соотносится с социальной активностью и качеством жизни пожилых. Прежде всего, человекоразмерная морфология, то есть узкие улочки, дворики, близость жилья и общих мест, поддерживает устойчивые соседские связи и повседневные роли старшего поколения. Далее, переходные зоны, например крыльца, галерея, порог между квартирой и двором, формируют полупубличные пространства, где возможны встречи, наблюдение и взаимная забота. Наконец, мелкомасштабная уличная сеть и смешение функций, жилье и повседневные сервисы рядом, снижают барьеры мобильности и повышают включенность.

Исторически лилун и хутун выполняли функцию возрастно-дружелюбной улицы задолго до появления термина, обеспечивая не только жильем, но и создавая социальный

капитал, чувство принадлежности и уважение к старости.

Для урбанистической философии эти формы напоминают, что город это не только совокупность потоков и функций, но и место общности, дом для всех возрастов. Идея человекосоразмерности в таком понимании не является архаизмом, а постоянная потребность городской жизни: улица, где узнают лицо прохожего; невысокая застройка, не отнимающая небо; двор как площадка совместности.

Выводы

Сравнительный анализ шанхайских лилунов и пекинских хутунов как исторических городских форм дал убедительный материал для понимания того, как городская среда поддерживает жизнь пожилых горожан. Несмотря на различие происхождения и архитектурных решений, обе конфигурации пространства порождали схожие социальные эффекты. Формировались устойчивые соседские связи, пожилые оставались включенными в повседневные практики, поддерживалась привычная активность.

Эти кварталы не были безупречны в морфологическом отношении, однако обеспечивали то, чего часто не хватает современным мегаполисам: чувство общности и устойчивую привязанность к месту.

С культурно философской точки зрения материал лилунов и хутунов помогает осмыслить диалог прошлого и будущего в урбанизме. Ценность наследия видится не в ностальгии, а в возможности выявить принципы среды, ориентированной на человека, человеческий масштаб, связность полупубличных мест и ритмы повседневности.

Учитывая эти уроки без прямого копирования форм, современный город способен укреплять устойчивость и сплоченность и оставаться дружественным к старшему поколению. В этом проявляется живая актуальность наследия лилунов и хутунов для сегодняшней урбанистической философии.

Библиография

1. Киенко Т. С. Пожилые горожане и аудиовизуальная среда города: возраст как фактор солидарности с пространством // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22, № 4. С. 57-87. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.4.3 EDN: SYRPIO.
2. Zhai Y. Resident-Centered Narrative Mapping for Micro-Morphological Analysis: Case of a Marginalized Lilong Compound in Downtown Shanghai // Land. 2025. Vol. 14, 609. DOI: 10.3390/land14030609 EDN: KIPAVQ.
3. Luo J. 'De-kinning' House, State Discourses and Relatedness in Modern China // Social Anthropology/Anthropologie Sociale. 2023. Vol. 31, No. 3. P. 84-101. DOI: 10.3167/saas.2023.310307.
4. Qian F. Tradition: Connecting the Past and Present-A Case Study of Xintiandi in Shanghai // Asian Culture and History. 2016. Vol. 8, No. 2. P. 10-17.
5. Wang Shaozhou, Chen Zhimin. 里弄建筑. Shanghai: Shanghai Scientific and Technical Literature Publishing House, 1987.
6. Wong P. Chinese Puzzle: Shifting Spatial and Social Patterns in Shanghai Shikumen Architecture // Diversity and Design: Understanding Hidden Consequences / Ed. by B. Tauke, K. Smith, C. Davis. New York: Routledge, 2015. P. 79-99.
7. Bracken G. The Shanghai lilong: A new concept of home in China // The Newsletter (International Institute for Asian Studies). 2020. No. 86 (Summer). P. 10-11.
8. Wallenwein F. From Artist Enclave to Living Urban Heritage: Exploring the Unconventional Path of a 1920s Mixed-use Urban Block in Shanghai // Journal of the European Association

- for Chinese Studies. 2023. Vol. 4. P. 45-73.
9. 北京胡同志. T. 1 / Ed. by Duan Bingren. Beijing: Beijing Publishing House, 2007.
 10. Arkaraprasertkul N. Traditionalism as a Way of Life: The Sense of Home in a Shanghai Alleyway // Harvard Asia Quarterly. 2013. Vol. 15, Nos. 3/4. P. 15-25.
 11. Bhatia N. The Rise of the Private: Shanghai's Transforming Housing Typologies // Mapping Urban Complexity in an Asian Context. Spring 2008. P. 67-76.
 12. Zacharias J., Sun Z., Chuang L., Lee F. The hutong urban development model compared with contemporary suburban development in Beijing // Habitat International. 2015. Vol. 49. P. 260-265.
 13. Arkaraprasertkul N., Williams M. The Death and Life of Shanghai's Alleyway Houses: Rethinking Community and Historic Preservation // Revista de Cultura. 2015. No. 50. P. 136-149.
 14. Shin H. B. Urban conservation and revalorisation of dilapidated historic quarters: The case of Nanluoguxiang in Beijing // Cities. 2010. Vol. 27 (Suppl.). P. 43-54.
 15. Tuan Yi-Fu. Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. New York: Columbia University Press, 1990. ISBN 978-0-231-07395-0.
 16. World Health Organization. Active Ageing: A Policy Framework. Geneva: WHO, 2002. (WHO/NMH/NPH/02.8).
 17. Лефевр А. Право на город. Глава I: Индустриализация и урбанизация / пер. с фр. Д. Савосина // Экономическая социология. 2023. Т. 24, № 1. С. 55-69. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-55-70 EDN: HEYVDX.
 18. Certeau M. de. The Practice of Everyday Life / transl. by S. F. Rendall. 3rd ed. Berkeley: University of California Press, 2011.
 19. Litman T. A. Urban Village Planning for Community Livability: Guidance for Creating Complete Walkable Neighborhoods to Maximize Health, Wealth and Happiness. Victoria, BC: Victoria Transport Policy Institute, 21 July 2025.
 20. Rock M. Y. Interstitial spaces of caring and community: commodification, modernisation and the dislocations of everyday practice within Beijing's hutong neighbourhoods // Chinese Urbanism: Critical Perspectives / Ed. by M. Jayne. Abingdon; New York: Routledge, 2018. С. 86-106.
 21. Левинтов А. Философия старости. М.: Издательские решения, 2022.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования в статье "Лилун и хутун как прототипы возрастно-дружелюбной улицы: сравнительное архитектурно-культурное исследование" - традиционные китайские городские структуры — лилуны (Шанхай) и хутуны (Пекин) как исторически сложившихся прототипов возрастно-дружелюбной городской среды. Автор рассматривает их как сложные социокультурные и пространственные системы для повседневной жизни пожилых людей с учетом современной концепции активного долголетия.

Методологическая база исследования представляется комплексной и релевантной поставленным задачам. Автор применяет сравнительный анализ для выявления общих и уникальных черт лилунов и хутунов; пространственный (морфологический) анализ для изучения физических параметров среды; социокультурный анализ для раскрытия

взаимосвязи между архитектурной формой и социальными практиками. Синтез методов позволяет получить многомерную и убедительную картину исследования.

Актуальность статьи не вызывает сомнений. Проблема старения городского населения и адаптации инфраструктуры к потребностям пожилых людей является глобальным вызовом. В условиях интенсивной урбанизации и стандартизации застройки обращение к успешным, проверенным временем историческим моделям представляется крайне своевременным и практико-ориентированным. Работа вносит непосредственный вклад в реализацию принципов «активного долголетия» и создания инклюзивных городов.

Научная новизна работы заключается в принципиально новом ракурсе рассмотрения лилунов и хутунов. Если традиционно они изучались как объекты культурного наследия или памятники архитектуры, данное исследование предлагает взгляд на них как на функциональные урбанистические прототипы. Автор системно вычленяет и аргументирует конкретные архитектурно-планировочные принципы этих структур (смешанное использование, «человеческий» масштаб, гибкость общественно-приватных зон), которые могут быть транслированы в современную проектную практику.

Стиль статьи отличается научным изложением. Терминология корректна, а вводные понятия разъясняются, что делает текст доступным для широкого круга специалистов в области урбанистики, архитектуры и социологии. Структура работы отвечает научным требованиям: введение четко формулирует проблему, основная часть последовательно раскрывает ее через сравнение двух кейсов, заключение содержит весомые и доказательные выводы. Содержание полностью соответствует заявленной теме и задачам, фотографии дополняют представленный материал.

Библиография отражает междисциплинарный характер исследования. В нем присутствуют как фундаментальные труды по теории архитектуры и урбанистики, так и работы, посвященные социальным аспектам старения и культурологии Китая. Это свидетельствует о глубокой проработке автором теоретической базы.

Автор не идеализирует исторические застройки, акцент в статье делается не на механическом копировании, а на адаптивном заимствовании ключевых принципов, что снимает потенциальные упреки в романтизации прошлого. Выводы автора конкретны, практически ориентированы и логично завершают проведенный анализ, формулируя рекомендации для проектировщиков и девелоперов. Статья рекомендуется к изданию в рецензируемом научном журнале.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Дейкун И.Д. Неклассическая эстетика в культурной антропологии Клиффорда Гирца // Философия и культура. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.12.77071 EDN: UATPPB URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77071

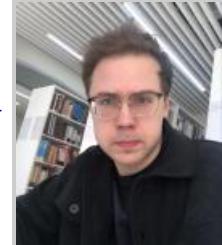
Неклассическая эстетика в культурной антропологии Клиффорда Гирца

Дейкун Илья Дмитриевич

ORCID: 0009-0002-9809-1010

преподаватель; кафедра гуманитарных и естественно-научных дисциплин; Московский институт психоанализа
соискатель; кафедра "Теоретическая и историческая поэтика"; Российский Государственный
Гуманитарный Университет

125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6, каб. 405

[✉ iliariy@mail.ru](mailto:iliariy@mail.ru)[Статья из рубрики "Эстетика"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.12.77071

EDN:

UATPPB

Дата направления статьи в редакцию:

02-12-2025

Аннотация: Предметом исследования является эстетический дискурс в работе К. Гирца "Глубокая игра", которая рассматривается в рамках и исходя из принципов разработанной исследователем специфической эпистемологии антропологического исследования. Характеризуя распространенные на острове Бали в 1950-х годах бои петухов как произведение искусства, К. Гирц создает их многоуровневое эстетическое описание. Он выделяет уровень выразительных средств, которыми становятся кровь, ставки, толпа, сами петухи, проекции статусов и фракционной борьбы; уровень главного переживания, "беспокойства", которому подчинено это многообразие; уровень, на котором петушиные бои становятся репрезентацией универсального человеческого события. Однако эти три уровня не создают единой эстетики и не позволяют сформулировать ответ на вопрос, что является здесь предметом искусства. Для ответа на вопрос о том, какую природу эстетического предлагает К. Гирц мы опираемся прежде всего на разработанное в отечественной философии разделение эстетики на

классическую и неклассическую. Для анализа дискурсивных вкраплений в гирцевской интерпретации боев мы обратились к неокантианской философии, к интерпретации аристотелевского понятия мимесис, к феноменологической эстетике. Научная новизна данного исследования состоит в том, что предлагается новый путь рецепции и концептуализации интерпретативного подхода К. Гирца, который еще не был осуществлен. Несмотря на то, что проблема поэтики и эстетики самого антропологического письма, вопрос о художественности самого антропологического дискурса как объяснительной функции считается важной, всеми признается сближение гуманитарных и художественно-литературных жанров, осваиваются новые практики письма, инструментарий поэтики и эстетики не используется. Он оказывается затенен многочисленными критическими подходами. Однако, как показывает работа К. Гирца, а также рецепция его работ первыми критиками, ввод в антропологический дискурс философской эстетики необходим. А так как рецепция осуществляется через "перевод" воспринимаемого в регистр освоенных дискурсов, то в статье предлагается обратиться к неклассической эстетике как отечественной философской разработке. Концепт нонкласики кажется полезным не только как "название", но и за счет своего содержания, улавливающего характер нонкласики не как системы, а как напряженного смыслового поля.

Ключевые слова:

Эстетика, Нонкласика, культурная антропология, Клиффорд Гирц, интерпретативная антропология, феноменология, мимесис, эпистемология антропологии, эпистемология гуманитарных наук, Этнография

Введение

Интерпретативный подход в антропологии, разработанный Клиффордом Гирцем в 1970-х и 1980-х годах, отечественной наукой реципиирован достаточно хорошо. Состоялось не только «узнавание», или идентификация. Так, например, А. Зорин распознает в подходе Гирца близость к структурной семиотике Ю.М. Лотмана [\[1, с. 15\]](#), а В. Костырко утверждает, что некоторые определения символа в «Интерпретации культуры» «совпадает с Лосевым почти дословно» [\[2, с. 42\]](#). Было осуществлено также осмысление, понимание, интерпретация и, мы думаем, концептуализация как «выделение определенных структур и концептов», «присвоение им личностного значения» [\[3, с. 27\]](#). Например, применение гирцевского подхода к изучению ислама в России [\[4\]](#), создание своеобразной «антропологии театра» на гирцевский манер в рамках петербургской театриведческой школы [\[5, с. 175\]](#).

В 2025 году «Антрапологический форум», издаваемый в Европейском университете, в дискуссии о текущем и возможных будущих состояниях антропологии, узаконивает фундирующее для дисциплины положение посвященных анализу интерпретативного похода Гирца сборников «Writing Culture» и «Anthropology as Cultural Critique»: «всю в этом они определили (и позитивно, и негативно) современное состояние антропологического знания» [\[6, с. 128\]](#).

Именно возвращаясь к этим сборникам, мы можем зафиксировать лакуны и несостоявшиеся пути рецепции гирцевского метода. Так, если мы откроем сборник «Сочиняя культуру» (Writing Culture), то увидим, что во вступительной статье Джеймса

Клиффорда неожиданно много места уделяется «поэтике» антропологического текста, много говорится и о смешении научных и литературных жанров. Конечно, про «литературную антропологию» или даже про «anthropoetry» разговор в упомянутой дискуссии «Антропологические теории для XXI века: дорожная карта» ведется. А еще в начале 2000-х С. В. Соколовский предлагал обратиться к «автоэтнографии» [7], подобно тому, как сейчас, в 2025-м году, в зарубежной культурной антропологии вполне легитимно обращаться к исследовательскому потенциалу художественной литературы, воспринимать фантастику Урсулы Ле Гuin как текст по антропологии будущего [8, с. 16]. То есть представление об антропологическом письме как о «фикшне» (художественно-научном вымысле-фикации) стало в отечественной мировой антропологии общим местом. Но несмотря на это проблема эстетического, сам эстетический анализ, или, скорее, проверка эстетическим анализом постулируемой антропологами данности художественного, как показывает компьютерный поиск по корпусу научных текстов данной тематики, не встречается вообще. Чего нельзя сказать о консервативных, традиционных направлениях изучения «обрядов и праздников» [9, с. 140], «культуры народов России»: песен, эпосов, танцев, традиционных ремесел. Именно в этих текстах слова «поэтика» и «эстетика» имеют такую же частотность, как и в литературоведческих исследованиях. Наблюдается проблематичная ассиметрия, когда консервативная этнография опирается на консервативную же поэтику, которая, в свою очередь, опирается на положения классической эстетики, а культурная антропология во всем многообразии ее направлений, перенимая облик арт-практик, не тематизирует эстетический статус производимого знания и конструированного в анализе объекта. Конечно, причина в том, что для фронтовых практикоориентированных исследований эстетическая теория как некоторая всегда систематизирующая деятельность менее актуальна по сравнению с критикой как интерпретативной деятельностью близкой к практике и часто «трансформативной» [10, с. 97]. Но если из генеалогии антропологии нельзя выключить интерес именно к поэтике, к тропологии, к феноменологической эстетике, к онтологии эстетического, почему бы не обратиться к неклассической эстетике, причем та с 90-х годов разрабатывается на отечественной почве целой группой крупных философов (В.В. Бычков, Н.Б. Маньковская, Л.В. Карасев, О.А. Кривцун). В этом нам видится несостоявшаяся идентификация эстетики Гирца, которая не может обеспечить ее более богатую концептуализацию.

Наша статья призвана восполнить эту рецептивную лакуну, но не с точки зрения антропологической практики и не изнутри нее, а извне, со стороны философской эстетики. Мы постараемся актуализовать этот путь рецепции интерпретативной антропологии и попытаемся прочитать полемику Гирца и Крапанзано через призму нонкласики. Мы возьмем предметом гирцевское определение «Петушиных боев» как произведения искусства. Выделим предлагаемую им формулу искусства, постараемся определить, какую риторическую функцию выполняет его эстетический анализ, какую эпистемологическую оптику он подразумевает и какую постулирует онтологию эстетического.

Основная часть

«Глубокую игру» Клиффорда Гирца, изданную на русском, в 2017 году, можно рассматривать как эталонное «насыщенное описание». Конечно, к этому положению об «эталонности» могут возникнуть претензии. Ведь как показывает Роузберри, такие аспекты, как «половой» (вопрос о статусе женщин в «статусной бойне» петушиных боев), аспект колониального прошлого (игры запрещались голландскими властями) – были Гирцем пропущены. Также, при характеризации петушиных боев как «статусной бойни»

парадоксально вообще ничего не говорится о самом содержательном наполнении статуса, о балийских кастах, о власти и подчинении [11, с. 1020-1022]. Сюда следует добавить, что речь у Гирца идет о некоторых «петушиных боях», которые были распространены в конкретный период 1950-х годов, когда на острове жил антрополог Клиффорд Гирц и его жена, и когда они были запрещены не голландскими, а уже индонезийскими властями. Сейчас, в 2025 году, насколько известно, петушиные бои разрешены и стали одной из туристических достопримечательностей, что, конечно, должно было изменить их культурно-антропологический смысл. Однако то, что «насыщенное» описание является определяющим принципом в «Глубокой игре» очевидно.

Эстетический анализ петушиных боев

Нас, однако же, интересует не сами петушиные бои, а тот финальный момент их анализа, когда Гирц характеризует их как «форму искусства» [12, с. 55]. Его характеристику, очень многослойную и несколько беспорядочную, мы разобьем на три главных уровня.

Во-первых, Гирц утверждает, что петушиные бои как форма искусства создается некоторыми «средствами выражения», то есть то, что составляет выражение петушиных боев может рассматриваться, пользуясь терминологией классической эстетики, как художественные средства выразительности. Но эти средства выражения оформляются как таковые в функциональном отношении друг с другом и с другими нехудожественными моментами жизни балийцев, ведь только у них «перья, кровь, толпа и деньги» становятся эстетически выразительны [12, с. 54-56].

Такой анти-эссенциализм связан в мысли Гирца с тем философским основанием, на которое он опирается в своем представлении о культуре вообще. Это основание – философия символических форм Э. Кассирера и С. Лангер. Первый заявляет, что проблему бытия надо решить, обратившись к сознанию этого бытия субъектом: «всякое качество сознания лишь постольку имеет содержание, поскольку берется одновременно в полном единстве и в полном обособлении с другими содержаниями» [13, с. 33]. Отсюда символизация как бытие сознание проявляется как символический текст, где отдельные символы есть функции друг по отношению ко другу, определяются в отношении друг ко другу, а не в отношении к некоторой предсуществующей им субстанции. С. Лангер развивает кассиреровскую философию до схемы социального генезиса символического. Для нее символ – это непрямой знак, который взаимообусловлен с большими, по сравнению с животными, способностями к кооперации между индивидами в человеческих сообществах: «переход от знаковой функции слова к ее символической функции совершается постепенно, в результате социальной организации» [14, с. 33]. Таким образом, функционалистская онтология художественного у Гирца фундирована в американской рецепции неокантианства. Но также важно, что социально контекстуализированные символические практики в кассиреровской традиции «не сводимы друг ко другу», это «разные способы создания смыслов» [15, с. 38].

Во-вторых, Гирц отмечает, что бои как произведение искусства вызывают чувство «беспокойства». В слове «беспокойство» заключено субстантивированное прилагательное, которыми традиционно схватывается содержание эстетических категорий. В оригинале «бескрайство» и вовсе выражено прилагательным «disquietful» – беспокойное. То есть бои не «прелестны», не «прекрасны», не «милы», не «гармоничны», не «изящны», а «беспокойны». «Беспокойство приближается к «возвышенному». Здесь может быть полезен анализ возвышенного, проводимый Н.

Гартманом: «Возвышенное противостоит внутри прекрасного вообще всему ряду эстетических ценностей», и далее: «Повседневному, обычному, нейтральному» как особенное, «Легкому, маленькому, незначительному, грациозному» как великое и значительное [16, с. 523]. Гирцевское »беспокойное« имеет в себе аспект, сближающий его с *Unheimlich*. В разборе категории гротеска, проведенном Н.В. Пращерук, особо видно, что к «*das Unheimliche*» может ощущаться в некоторых видах гротеска, которые «не связаны с карнавально-смеховым началом», но «вырастают на почве трагического мировидения» [17, с. 56]. Если перечитать «Глубокую игру», то можно увидеть, что речь, в самом деле, идет не о веселье, не о народном празднике: «в бое петухов человек и зверь, добро и зло, Я и Оно, творческая сила возникшей маскулинности и разрушительная сила ослабленной животности смешиваются в кровавой драме ненависти, жестокости, насилия и смерти» [12, с. 20].

В-третьих, Гирц сосредотачивается на том, что мы бы назвали «сгущенностью»: бои – «одновременно конвульсивный импульс, гротеская война, моделирование статусного напряжения» [12, с. 57]. Но из этого наслоения ни метафоры, ни классического синтезирования как соединения аспектов предмета в единое целое (систему) [18, с. 546] не происходит, хотя Гирц и уравнивает петушиный бой через аналогию с «Гамлетом» с классической целостностью европейского произведения искусства, подразумевая его автореферентность. Но это не больше, чем просто аналогия. В бое одновременно осуществляется противоборство людей, держащих пари, поставивших на кон свой статус, и боевых петухов, и это, говорит Гирц, «перенос восприятия с первого на последнее» [12, с. 62]. Но так как метафора распадается на слагаемые, фигуры не выходит, а вместо нее для Гирца очевиден «метасоциальный комментарий» [12, с. 62] и «использование эмоций в когнитивных целях» [12, с. 64]. Именно на комментаторских и на когнитивных основаниях петушиные бои синтезируются в целое как презентация, но не самого балийского общества, а его коллективного опыта, и не в форме картины, а в драматической форме проигрываемого события. Эта драматическая форма, как и вся повседневность балийцев, делится на «серию вспышек» [12, с. 59], но в ней вместе с «вспышечной» динамикой настоящего, кроется и «универсальное», «парадигматическое человеческое событие» [12, с. 67]. Гирц здесь ссылается на аристотелевское учение о мимесисе, но не с точки зрения подражания «формообразующему принципу природы», [19, с. 16], а через трактовку Н. Фрая, который говорит о «типичном» и «универсальном». Аристотелевское «универсальное» в трактовке Фрая приобретает характер другого его понятия, «мифа» как фундаментальной структуры социального воображения [20, с. 19], поэтической универсалии, поэзии как объединения неограниченного социального действия как «тотального ритуала» и неограниченной индивидуальной мысли как «тотальной мечты» [20, с. 74]. То есть здесь, неожиданно у Гирца, мы выходим к установлению универсалии при методологическом запрете на предельную категоризацию (именно поэтому он сталкивает, но не опирается на эстетические системы Гудмана, Вулхайма, Лангер и Мерло-Понти).

В итоге стройной картины не получается. Во-первых, функциональный критерий искусства повисает в воздухе, хотя здесь нужно было провести анализ балийского общества как системы институционализированных деятельности и показать, что «петушиные бои» выполняют в нем ту же функцию, что в евроамериканской культуре театр. В пункте «беспокойства», Гирц переходит на позиции феноменологической эстетики, или, некоторой феноменологической рефлексии, что не только не служит

усилению функционального аргумента, но и вовсе меняет предмет рассмотрения: в данном случае предметом рассмотрения становится восприятие, а не воспринимаемое, и не балийцами, а некоторым субъектом опыта, антропологом. Наконец, говоря о репрезентации коллективного опыта или некоего «универсального» в конкретном коллективном опыте балийцев, он выходит за рамки примордиализма к общечеловеческим универсалиям из самого центра балийской аутентичности. Все это не складывается в общую картину и не дает понять, что Гирц считает искусством, на какую эстетику он опирается. Винсент Крапанзано также замечает здесь путаницу. Функциональному аспекту он приводит справедливый упрек в том, что петушиные бои и «Король Лир» Шекспира неэквивалентны, так как последний содержит культурные и лингвистические маркеры вымышенности [21, с. 73], в то время как балийские критерии функциональности не даны. Феноменологическое схватывание Гирцем эффекта беспокойства Крапанзано обращает на самого антрополога, диагностируя это как его собственную неуверенность. Он прибегает к психоанализу стиля «Глубокой игры», говоря, что, «нагромождая образ на образ – «образ», «фиксия» и «метафора» – Гирц выдает собственную теоретическую тревогу» [21, с. 73]. Наконец, определение петушиных боев как репрезентации, ход, нами определенный как переход на уровень универсалии, по Крапанзано ударяет в самый центр гирцевского метода. Он спрашивает, «для кого петушиные бои артикулируют ежедневный опыт», делают «видимым, ощущимым, схватываемым «реальный» опыт в идеационном смысле?» [21, с. 73]. Действительно, не является ли вмененная боям универсальности нарочитым вчитыванием? Крапанзано замечает, что именно в этом месте Гирц как будто забывает «разницу между текстами, комментариями, метакомментариями, драмой, спортом, струнными quartetами и natyurmortами». И далее: «в «Глубокой игре» нет понимания балийцев, не дана их точка зрения» [21, с. 75].

Эпистемология интерпретативной антропологии Гирца

И все-таки, несмотря на убедительность критики, мы считаем, что эти аргументы справедливы лишь отчасти, так как надо рассмотреть эстетическую концепцию Гирца исходя из эпистемологических принципов, руководящих его методом. Мы готовы предложить следующую эпистемологическую схему интерпретативной антропологии.

Во-первых, любой антропологический текст, по Гирцу, – это фикция [22, с. 23], то есть игра теоретического воображения. Но такая игра, воплощенная в процессе письма, имеет не логическую, а риторическую природу. Письмо антрополога имеет целью создать «эффект объяснения», который должен «рассеивать недоумение» читателя, вопрошающего о жизни далекого народа [22, с. 24]. Но «эффект объяснения» не создается сам по себе. Он подчинен ряду детерминант, которые обозначает Джеймс Клиффорд. Он находит контекстуальную детерминанту (антрополог работает со значимой социальной средой), риторическую, институциональную (этнограф включен в специфические традиции, дисциплинарные парадигмы, адресует письмо специфической аудитории), жанровую (этнографическое письмо отличается от романа), политическую (важен вопрос авторитетности репрезентации культурных реалий), историческую (зависимость от конвенций и ограничений по поводу всего вышеперечисленного) [23, с. 6].

В случае «Глубокой игры» институциональными детерминантами на уровне квазитеоретической аргументации выступает идеал насыщенного описания, достижимый посредством приемов феноменологической герменевтики. На уровне же

«концептуальных схем» как аксиоме об объектах, их свойствах и отношениях (24, с. 21), или, в плане письма, «префигураций» как «поэтического», «докогнитивного» акта воображения, являющийся конститутивным элементом структуры», в данном случае, антропологического нарратива [25, с. 227] – мы видим две конкурирующие «объяснительные аналогии» театра и текста, которые также играют существенную роль в риторике «Глубокой игры». Таковы детерминанты антропологического письма в данном тексте.

Но метод Гирца предполагает и активную рефлексию антрополога, и это составляет вторую, существеннейшую часть метода. Сам К. Гирц осведомлен о господстве той или иной метафоры, и постоянно обращается к посылкам и теоретическим следствиям выбора оптики. В результате мы имеем ряд обратных связей: на аксиоматическом уровне рефлексия префигураций и концептуальных схем позволяет переключать языки описания, на уровне высказывания – теоретизованная артикуляция рефлексии усиливает эффект объяснения, на эмпирическом уровне она определяет «научную» модель конструирования предмета. Так как идет игра постоянных переключений, «набрасываний» интерпретаций, то системы не образуется: разомкнутая структура описания просто открыта бесконечному вбору в себя «эмпирических» деталей. Об этом и говорит Гирц: «можно начать с любого места в репертуаре культурных форм и в любом же месте остановиться» [12, с. 70].

Неклассическая эстетика Клиффорда Гирца

Исходя из такого понимания гирцевской эпистемологии объясняется несистематичность эстетического анализа в «Глубокой игре». В нем было осуществлено три дискурсивных переключения, которые опираются на постоянно проводимую рефлексию. Но остаются два немаловажных вопроса: почему эстетическое описание оказалось вообще необходимо? Почему именно с помощью вышеперечисленных дискурсов?

В. Крападзано уже обозначил, что эстетика Гирца одновременно руководствуется очень классическими ориентирами (дrama, роман) и избирает радикально неклассический предмет. Здесь надо разделить эти две эстетики. Мы предлагаем ориентироваться на хронотипологию эстетического сознания, разработанную В.В. Бычковым. В его концепции важно, что он улавливает неклассическое мышление не только содержательно, но и как парадигму конфигураций. Если классическая эстетика оперирует категориями произведения, чувственного опыта, впечатления, дистанции, совершенства, целостности, гармонии и т.д, то неклассическая эстетика отказывается от универсалий и обращается к опыту конкретных гуманитарных наук, мыслительным практикам, саморефлексии [26, с. 32]. Она обращена к повседневности как потенциальному источнику арт-практик и имманентности, не теории, но опыту. Нонклассика есть «паратеория», «смысловое образование, сложившееся в сфере эстетического сознания» [26, с. 27], то есть совокупность дискурсивных приемов, призванных схватить то, что играет роль эстетического. Она провоцирует мысль, но не склонна к систематизации.

В принципе, этим и занимается Гирц: дискурс Бычкова просто, на наш взгляд, концептуально схватывает то, что он делает. По мнению Гирца, петушиный бой – это эстетическое явление, и поэтому он как исследователь создает напряженное смысловое поле, производящее эффект интерпретации. Неклассичность «наброскового» метода прямо следует из его эпистемологии. Но почему или зачем этот объект идентифицирован как эстетический? Нам кажется, что Гирц использует эстетику pragmatically, чтобы, хоть

в трех вариантах, но схватить петушиные бои как целое в полиаспектности, не редуцируя к политическому, социальному, сексуальному и т.д. То есть эстетика нужна как такая форма познания, в которой возможно чувственное явление многообразия как единства.

Для укрупнения этого явления он намеренно использует схематизмы классической эстетики, способные конструировать о цельненные гетерогенности. Феноменологические категории индивидуального как «беспокойное» – имитируют эту цельность в восприятии субъекта. А почерпнутое у истолкованного через Н. Фрая Аристотеля социальное всеобщее нужно для приостановки рефлексии как регрессии в бесконечность и фиксации этого эстетического объекта как «данного навсегда». Наконец, неклассический функциональный анализ становится каркасом для фиксации разных существующих культурных символических миров как совмещенных в целом средств выразительности. В этом смысле, не важно, есть ли, или была до написания гирцевского текста, какая-то дисциплинарная или аборигенная онтология за этим эстетическим объектом, он создается риторически, это, в терминах Б. Кассен, «логологическая», касающаяся «перформативной автономности языка», операция создания эффекта существования [27, с. 10].

Заключение

Эстетический анализ занимает в интерпретации петушиных боев центральное место. Это обусловлено эпистемологией интерпретативной антропологии, которую развивает Гирц: антропологический текст является результатом теоретического воображения, детерминированного контекстом исследования, интеллектуальной традицией, риторической стратегией. Такой текст пишется с целью произвести эффект объяснения на специфического читателя. Объяснение признается невозможным, как и окончательная систематизация и категоризация. По этой же причине все уровни теоретического письма должны подвергаться рефлексии. Любой эстетический анализ при такой установке методологически неклассический, представляет напряженное поле смыслов вокруг некоторого объекта, провозглашенного художественным. Но язык анализа, эстетический дискурс может быть каким угодно. Гирц, для которого важно произвести максимально насыщенное описание (то есть выделить максимальное количество аспектов феномена, но не редуцировать их к одной или ряду категорий), прагматически выбирает три эстетических дискурса. С помощью неокантианской реляционной онтологии он постулирует то, что символические миры, составляющие парадигматическое измерение ненасыщенного анализа (их можно выбирать), на самом деле все присутствуют одновременно и являются средствами художественной выразительности. Он пользуется феноменологической эстетикой, чтобы объединить это множество чувством «беспокойства», вписав бои в категорию «возвышенного». Наконец, он прибегает к аристотелевскому принципу мимесиса, производящего универсальный общечеловеческий миф, парадигматическое событие, чтобы приостановить процесс собственной рефлексии, создав эффект того, что балийские петушиные бои есть такое же творение человеческого духа, как «Макбет» или «Преступление и наказание». Таким образом, неклассическая по методу и по выбранному предмету эстетика Гирца пользуется классическими языками эстетического анализа прагматически для сохранения результатов насыщенного описания.

Библиография

1. Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.

2. Костырко В. Символы и системы: Клиффорд Гирц в поисках неструктуралистской семиотики / В. Костырко // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 6(70). – С. 5. EDN: HSEDCZ
3. Мартынюк К.В. Когнитивное взаимодействие автора и читателя художественного текста (на примере концепта *loneliness/одиночество*). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Новокузнецк, 2021. EDN: ARUAQC
4. Рагозина С. А. "Насыщенное описание" и интерпретация культур: чем сейчас полезен подход К. Гирца в изучении ислама в России / С. А. Рагозина // Шаги / Steps. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 115-135. DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-2-115-135 EDN: NLPQIR
5. Дунаева А. О. Загадки "Квартиры"(к вопросу о методологии театрovedческого исследования) / А. О. Дунаева // Шаги / Steps. – 2019. – Т. 5, № 4. – С. 172-185. EDN: OBPQJI
6. Форум: Антропологические теории для ХХI века: дорожная карта // Антропологический форум. 2025. № 64. С. 13-196. DOI: 10.31250/1815-8870-2025-21-64-13-196 EDN: IRDITF
7. Соколовский С. В. Вещность и власть в обыденном сознании (автоэтнографические этюды) / С. В. Соколовский // Этнометодология : проблемы, подходы, концепции / Российский научно-исследовательский институт природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева; Редакторы-составители: А.А. Пископпель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. – Москва, 2000. – С. 70-108. EDN: QOZJQJ
8. van Voorst R. "Anthropological Fiction: Why Anthropologists Should Dare to Weave Speculation Through Academic Narratives." Etnofoor, vol. 36, no. 1, 2024, pp. 13-30.
9. Соколовский С. В. Четверть века новой российской антропологии: приграничные конфликты и альянсы / С. В. Соколовский // VII Конгресс этнографов и антропологов России : доклады и выступления, Саранск, 09-14 июля 2007 года. – Саранск: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2007. – С. 411. EDN: SACRGL
10. Буррио Н. Реляционная эстетика. Постпродукция (сборник) / Н. Буррио. – "Ад Маргинем Пресс", 1998. С. 111.
11. Roseberry W. "Balinese Cockfights and the Seduction of Anthropology." Social Research, 49, no. 4 (1982): 1013-28.
12. Гирц К. Глубокая игра: Заметки о петушиных боях у балийцев. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 96 с.
13. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.
14. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства: Пер. с англ. С. П. Евтушенко / Общ. ред. и послесл. В. П. Шестакова. – М.: Республика, 2000. – 287 с.
15. Бенгтсон Э., Розенгрен М. Философско-антропологический подход в риторике. Случай Кассирера. // Философия и культура. 2019. № 1. С. 27-41. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.1.28512 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28512
16. Гартман Н. Эстетика / Н. Гартман. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 582 с.
17. Пращерук Н. В. Гротеск в прозе и публицистике И. А. Бунина / Н. В. Пращерук // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 48-57. DOI: 10.26170/FK20-02-04 EDN: OWFVJT
18. Садовский В.Н. Синтез // Новая философская энциклопедия. Том третий. Н-С. Москва: "Мысль", 2010. С. 546-547.
19. Никитина Н.Н. Мимесис в эстетике Аристотеля. М.: Знание, 1990. – 64 с.
20. Hart J. Northrop Frye. The theoretical imagination. Routledge. London and New York, 1996. P. 331.
21. Crapanzano V. Hermes's Dilemma: The Masking of Subversion in Ethnographic

- Description in Writing Culture. The Poetics and Politics of Ethnography. Ed. by James Clifford, George E. Marcus. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London. Pp. 51-77.
22. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. – М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2004. – 560 с. EDN: QOCQVP
23. Clifford J. Introduction: Partial Truths in Writing Culture. The Poetics and Politics of Ethnography. Ed. by James Clifford, George E. Marcus. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London. Pp. 1-27.
24. Михайлов И.Ф. Прошло ли время философии? // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 15-25. DOI: 10.31857/S004287440003613-9 EDN: YWNIZV
25. Потамская В.П. Историческая репрезентация и метаистория в философии Х. Уайта / В. П. Потамская // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2016. – № 2. – С. 223-241. EDN: WHPMEJ
26. Бычков В.В. Проблемы и "болевые точки" современной эстетики // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. – М., 2005. – С. 3-39.
27. Кассен Б. Эффект софистики. Пер. с франц. А. Россиус. Москва – Санкт-Петербург: Московский философский фонд, Университетская книга, Культурная инициатива, 2000. – 239 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемой статьи является проблема неклассической эстетики в культурной антропологии Клиффорда Джеймса Гирца (1926 - 2006), видного американского антрополога и социолога, основателя так называемой символическо-интерпретативной антропологии. Наследие Гирца остается востребованным и по сей день, так как ученый исследовал каждую культуру как уникальную систему значений, воплощённых в символах, а также комплекс унаследованных представлений, выраженных в символических формах, в том числе и различных религиозных модификациях. Посредством этих форм люди сообщают, увековечивают и совершенствуют своё знание о жизни и установки по отношению к ней. Рецензируемая статья рассматривает проблемы, находящиеся на стыке эстетики и истории философии, причем автор заявляет о своем намерении рассмотреть проблему не с точки зрения антропологической практики, а «извне, со стороны философской эстетики». Отметим, что это ему удалось в полной мере.

Использованная автором методология историко-философского исследования, в том числе метод философской компаративистики, позволяет ему рассмотреть данное Гирцем в работе «Глубокая игра» определение «петушиных боев» как произведения искусства. Автор рецензируемого исследования определяет, какую риторическую функцию выполняет эстетический анализ Гирца, какую эпистемологическую оптику он подразумевает и какую онтологию эстетического Гирц постулирует. Идеи, как известно, носятся в воздухе, и первенство в гуманитарных исследованиях – вещь сложная и спорная, на что и обращает внимание автор, приводя мнения исследователей о схожести идей Гирца с идеями Ю.М. Лотмана и А.Ф. Лосева.

Актуальность данного историко-философского исследования не подлежит сомнению, особенно в условиях нашей многонациональной страны, переживающей ныне довольно

сложные времена. Интерпретативный подход в философской антропологии и этике отнюдь не исчерпал всех своих возможностей. Автор прав, когда отмечает, среди прочего, правомерность применения гирцевского подхода к изучению ислама в России. Петушиные бои как произведение искусства вызывают чувство «беспокойства» - чувства, которое Гирц исследует тщательно и которым - увы - охвачено большинство современных россиян, даже весьма далеких от философии. Рецензент согласен с мыслью автора, что понятие «беспокойное» у Гирца имеет в себе аспект, сближающий его с понятием Фрейда «*Unheimlich*» (жуткое) из его одноименной статьи. Неслучайно автор упоминает Шекспира, который некогда вложил в уста Гамлете не только констатацию «Век вывихнут» (*The time is out of joint*), но и печальный диагноз «*Something is rotten in the state of Denmark*» (Прогнило что-то в Датском королевстве). Рецензируемая работа, безусловно, обладает значительной исследовательской новизной. Автор статьи приходит к выводу, что «неклассическая по методу и по выбранному предмету эстетика Гирца пользуется классическими языками эстетического анализа pragmatically для сохранения результатов насыщенного описания». Как историк философии, автор четко выделяет ядро концепции Гирца, когда пишет, что «антропологический текст является результатом теоретического воображения, детерминированного контекстом исследования, интеллектуальной традицией, риторической стратегией».

Работа выдержана в классическом для историко-философских исследований стиле. Структура и само содержание статьи логичны и подчинены раскрытию концепции Гирца, в том числе эпистемологической схемы интерпретативной антропологии.

Библиография включает важнейшие для исследования работы, в том числе и труды самого Гирца. В качестве заметки на полях для автора, отметим, что одним из первых отечественных исследователей философского дела Гирца был А.Л. Елфимов, работы и диссертацию которого автор не упомянул, как и диссертационное исследование В.Н. Килькеева.

Рецензент считает, что данное историко-философское исследование рассматривает важную проблему для современной этики как важной составной части философского знания. В качестве рекомендации автору хотелось бы лишь посоветовать тщательнейшим образом отредактировать текст статьи, дабы довольно многочисленные опечатки не портили общего, весьма благоприятного впечатления от его статьи, способной вызвать неподдельный интерес как у профессионалов, так и у широкого круга образованной публики. Своей работой автор внес необходимую и достойную лепту в изучение наследия Клиффорда Джеймса Гирца, достижения которого в исследовании символических аспектов коллективного действия, то есть обычая, ритуалов, различного рода праздников, остаются актуальными и по сей день.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Чжан Ю. Символическая структура Инь и Ян как интегративный принцип традиционной китайской культуры // Философия и культура. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.12.77215 EDN: UAVBMB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77215

Символическая структура Инь и Ян как интегративный принцип традиционной китайской культуры**Чжан Юньфэй**

ORCID: 0000-0002-0259-2076

старший преподаватель; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет
аспирант; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, ул. Димитрова, д. 66

 yunfey@yandex.ru[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.12.77215

EDN:

UAVBMB

Дата направления статьи в редакцию:

10-12-2025

Аннотация: В статье исследуется символическая структура Инь и Ян как универсальный интегративный принцип китайской культурной традиции, обеспечивающий целостность мировоззренческой системы и выступающий ключевым механизмом организации космического и социального порядка. Особое внимание уделяется тому, каким образом дуальный код Инь и Ян формирует основы традиционной космологической модели, определяет характер онтологических и аксиологических представлений, структурирует ценностную систему и влияет на способы интерпретации природных, социальных и антропологических процессов. Цель работы заключается в выявлении роли бинарной оппозиции Инь и Ян в становлении и развитии китайской культурной матрицы, а также в анализе её трансформаций в контексте исторической динамики, межкультурных взаимодействий и современных процессов глобализации. В рамках исследования рассматривается потенциал Инь-Ян как механизма культурной саморегуляции, обеспечивающего устойчивость традиции, её способность к адаптации и воспроизведству в меняющихся социокультурных условиях. Методологическая основа

включает философско-культурологический и сравнительно-философский анализ классических текстов, символики Тайцзи и культурных практик. Исследуется взаимопревращение Инь и Ян, связь с триадой «Небо – Человек – Земля» и роль дуализма как культурного метарегулятора, обеспечивающего баланс традиции и инновации. Новизна исследования состоит в комплексном и междисциплинарном рассмотрении символической структуры Инь и Ян как методологической рамки, способной объединять метафизические, онтологические, эстетические, аксиологические и социально-политические измерения китайской культуры в единую аналитическую перспективу. В работе демонстрируется, что бинарный код Инь и Ян функционирует не только как философская категория, но и как универсальный принцип структурирования культурных практик, моделей поведения, форм коллективного сознания и механизмов социального регулирования. Такой подход позволяет переосмыслить традиционные представления о китайской культурной матрице, выявить скрытые закономерности её внутренней динамики и проследить трансформации дуального принципа в различных исторических и цивилизационных контекстах. Полученные результаты обладают теоретической и практической значимостью и могут быть использованы в культурологических, философских, социологических, антропологических и межкультурных исследованиях, связанных с анализом ценностных систем, символьческих кодов и моделей культурной адаптации.

Ключевые слова:

философско-культурологический подход, система китайских ценностей, Инь и Ян, символическая структура, философия культуры, китайская культурная традиция, культурная саморегуляция, ценностная система, дуальный принцип, интегративный механизм

Введение

Символическая структура Инь и Ян занимает центральное место в китайской культурной традиции и представляет собой один из фундаментальных принципов, определяющих мировоззрение, социальные практики и цивилизационный опыт Китая. На протяжении тысячелетий данный дуальный код формировал способы осмыслиения мира, объяснял природные, социальные и космические процессы, служил методологической основой культурной преемственности. В условиях глобализации, межкультурного взаимодействия и стремительного социального развития обращение к философскому наследию Инь и Ян приобретает особую значимость, поскольку позволяет выявить механизмы устойчивости китайской цивилизации, её способность к адаптации и интеграции изменений без разрушения культурного ядра [2; 7].

Динамическая модель взаимодействия противоположностей, лежащая в основе концепции Инь и Ян, раскрывает универсальные закономерности культурного развития, в которых различие не ведёт к конфликту, а становится источником гармонии, баланса и творческого обновления. Изучение символической структуры Инь и Ян открывает возможность глубже понять специфику китайской культуры, объяснить её интегративные механизмы, а также предложить концептуальные ориентиры для анализа современных культурных трансформаций. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного осмыслиения данной системы в контексте современной философии культуры, культурной антропологии и межкультурной коммуникации [1].

Цель статьи заключается в выявлении роли символической структуры Инь и Ян как интегративного принципа китайской культуры, обеспечивающего единство противоположных начал в космологической, ценностной, социальной и культурно-исторической перспективах.

Для достижения поставленной цели в исследовании решаются следующие задачи:

- проанализировать философско-культурологические основания модели Инь и Ян и её символическую структуру;
- рассмотреть функционирование дуального принципа в космологии, этике, социальной организации, искусстве, медицине и политической философии Китая;
- выявить роль Инь и Ян как механизма культурной саморегуляции, обеспечивающего баланс традиции и инновации;
- определить, каким образом дуальность Инь и Ян способствует сохранению культурной идентичности в условиях глобализации и межкультурного взаимодействия;
- показать интегративный потенциал данной модели в современном культурном и политическом контексте.

Материалы и методы

- 1) метод контент-анализа, позволяющий выявить философско-культурологическое содержание понятий «гармония», «семья» и «патриотизм» в текстах классической китайской философии, а также в современных идеологических документах КНР (Берельсон Б.);
- 2) семиотический подход, направленный на анализ символьческих значений указанных понятий в культурной и политической коммуникации (Лотман Ю. М.);
- 3) философско-антропологический метод, позволяющий рассматривать ценности как проявления онтологических оснований человеческого существования в китайской культурной традиции (Шелер М.);
- 4) элементы сравнительно-исторического анализа, применяемые для сопоставления традиционных и современных интерпретаций ключевых аксиологических концептов (Кремер Х.).

Материалом исследования послужили классические тексты китайской философской традиции (даосские, конфуцианские и неоконфуцианские трактаты), корпуса культурологических и философских исследований XX–XXI вв., а также аналитические работы, посвящённые космологии, семиотике культуры, традиционной медицине, искусству и политической философии Китая. Дополнительно привлекались материалы современной культурной практики — кинематограф, искусство, урбанистика, образовательная и политическая риторика КНР.

Теоретическую основу исследования составляет философско-культурологический подход, согласно которому устойчивые культурные структуры понимаются как символически насыщенные формы, организующие мировоззренческое пространство общества. В данном русле используются труды исследователей китайской философии и культуры, анализирующих дуализм Инь и Ян и его символическую природу (А. Ф. Бусыгина, В. М. Алексеев, Е. А. Торчинов, И. М. Ляшченко, В. В. Малявин, Н. А.

Абрамова, В. С. Морозова, М. И. Гомбоева, Чжао Шуай, Сунь Цзяо, Е. П. Каргаполов), а также работы китайских мыслителей, раскрывающих логику традиционной философии и систему ценностей (Чэнь Лай, Т. Гао, Хань Чжэнь, Лю Цзоюань). Существенную роль играют концептуальные разработки в области аксиологии и философской антропологии (В. С. Степин, В. К. Шохин, Т. Д. Суходуб), позволяющие интерпретировать Инь и Ян как культурный код, обеспечивающий преемственность, саморегуляцию и динамическую устойчивость китайской цивилизации [3; 5; 10; 12]. Кроме того, в некоторых статьях Е.А. Попова поднимается вопрос о символизации реальности и её отражение в ценностно-смысловой системе культуры [12; 13; 14].

Результаты и обсуждение

Анализ представленного материала показал, что символическая структура Инь и Ян занимает ключевое место в китайской культурной традиции, выступая основанием для формирования специфического типа мировоззрения, в котором процессуальность, взаимная сопряжённость различий и динамическая гармония определяют способ осмыслиения реальности. Инь и Ян структурируют представления о природных явлениях, социальном порядке, человеческой психофизике и культурных практиках, задавая устойчивую модель интерпретации многообразия мира. Благодаря этому дуальному принципу китайская цивилизация вырабатывает целостный способ понимания универсальных закономерностей бытия, в котором различие не приводит к конфликту, а становится источником согласования, взаимного дополнения и непрерывного становления. Именно в этом контексте Инь и Ян проявляются как глубинный культурный механизм, обеспечивающий преемственность и адаптивность китайской культуры на протяжении длительной исторической эволюции.

При рассмотрении дуального принципа установлено, что его центральной характеристикой является динамическая взаимодополнительность, в отличие от западных форм дуализма, строящихся на оппозиции и конфликте. Наиболее значимым результатом является выявление того, что Инь и Ян в китайской культурной модели не противопоставляются как абсолютные полюса, а взаимно порождают, взаимно содержат и взаимно трансформируют друг друга [14; 9]. Данная логика делает возможным представление мира как непрерывного процесса становления, где устойчивость достигается не через подавление различий, а через их согласование.

Космологическая модель Тайцзи оказывается ключевым концептом, который визуально и структурно фиксирует логику взаимопревращения. Изображение Тайцзи демонстрирует, что в любой точке максимума Ян зарождается Инь и наоборот, что исключает возможность статичности и подчеркивает принцип циклического развития. Анализ данных представлений позволил установить, что через подобную модель формируется особый тип онтологии, в которой процесс важнее результата, а гармония понимается как динамическое равновесие.

Одним из центральных результатов исследования стало выявление глубокой интеграции дуального принципа в систему традиционной китайской медицины (ТКМ). ТКМ трактует здоровье человека как состояние устойчивого баланса между энергиями Инь и Ян, а любое заболевание как выражение дисгармонии, то есть смещения баланса в сторону недостатка или избытка одного из начал.

На основе изучения медицинских трактатов и современных интерпретаций установлено, что Инь отвечает за физическую основу организма (кровь, жидкости, внутренние органы, ткани, их способность к питанию и увлажнению), в то время как Ян отвечает за

функциональную активность, (тепло, движение, защиту организма) [14; 7]. Диагностическая система ТКМ направлена на выявление характера дисбаланса: избыток Ян проявляется жаром, беспокойством, учащенным сердцебиением, а преобладание Инь — холодом, слабостью, вялостью.

Терапевтические практики фитотерапия, акупунктура, массаж туйна, дыхательные упражнения направлены на восстановление динамического равновесия. Каждое лекарственное растение классифицируется по свойствам Инь и Ян, что позволяет врачу подбирать формулы, усиливающие дефицитное начало и смягчающие избыточное. Анализ подтвердил, что медицинская практика Китая является непосредственным воплощением философского принципа дуальности в конкретных физиологических и энергетических моделях.

Таким образом, Инь и Ян формируют механизм системной интерпретации здоровья и болезни, который выдерживает многовековую традицию и демонстрирует высокую устойчивость применительно к современным медицинским практикам, включая интегративные и комплементарные подходы.

Примечательно, что философия Инь и Ян является не внешним символическим контекстом, а внутренней основой техники и мировоззрения, практикующего боевые искусства. Внутренние стили ушу, прежде всего тайцзицюань, воплощают принцип дуальности в движении: мягкость (Инь) побеждает жёсткость (Ян) благодаря способности приспосабливаться, перенаправлять и трансформировать силу противника [4].

Анализ технических принципов тайцзицюань позволил установить следующее:

1. Смена покоя и активности отражает цикличность Инь и Ян.
2. Округлость и непрерывность движений символизируют гармоничное течение ци.
3. Принцип податливости воплощает идею того, что Инь включает в себя потенциал Ян, позволяя мягкости становиться силой.
- 4 . Сохранение центра является аналогом внутреннего равновесия космического порядка.

Анализ практических приёмов тайцзицюань и других внутренних стилей показывает, что способность уступать усилию противника не воспринимается как проявление слабости. Напротив, такое действие служит способом перенаправления внешней силы и превращения её в ресурс собственной техники. Данный принцип непосредственно соотносится с фундаментальной идеей взаимопревращения Инь и Ян, согласно которой мягкость содержит возможность перехода в силу, а сила — в мягкость [11].

Внутренняя логика боевых искусств демонстрирует, что дуальный принцип Инь и Ян получает здесь конкретное телесное воплощение: движения основаны на чередовании напряжения и расслабления, активности и покоя, прямоты и округлости. Благодаря этому боевые искусства становятся не только системой техник, но и практикой физического и духовного самосовершенствования, основанной на гармонизации противоположных начал.

Одним из значимых результатов анализа стало выявление того, что эстетическая система Китая формируется как прямое следствие дуального принципа. В традиционном пейзаже (шаньшуй) горы интерпретируются как Ян, вода — как Инь; взаимодействие пустоты и

заполненности становится визуальным выражением космологической структуры [5]. Семиотический анализ китайской живописи и каллиграфии позволил выделить следующие закономерности:

- пустое пространство не является отсутствием формы, а символизирует потенциал Инь;
- быстрые, энергичные мазки кисти представляют Ян, а замедленные, растворяющиеся линии Инь;
- композиционный баланс достигается за счёт сочетания контрастных элементов;
- изображение природы становится средством выражения внутренней гармонии.

Анализ поэзии классической эпохи подтвердил, что образы рассвета и заката, сезона дождей и ясной погоды, гор и рек используются как метафоры взаимодействия Инь и Ян. Поэт передаёт не только состояние природы, но и состояние человеческого духа, который является частью космического процесса.

Историко-культурный анализ демонстрирует, что архитектурное пространство Китая формировалось под непосредственным влиянием дуальной модели Инь и Ян, выступавшей не только философским ориентиром, но и практическим принципом организации среды. Пространственная структура городов и дворцовых комплексов, включая Запретный город, выстраивалась в соответствии с идеей упорядоченного распределения энергетических зон: ось север-юг, символизирующая Ян, определяла направление главных магистралей, тогда как боковые переулки относились к сфере Инь и обеспечивали внутреннюю ритмику городского ландшафта [17]. Архитектурные элементы — дворы, водные поверхности, павильоны — создавали сбалансированную композицию природных и искусственных форм, а принципы фэн-шуй служили инструментом настройки пространственных потоков ци. Даже в современной урбанистике прослеживается стремление к сохранению этой логики: высокие здания дополняются отражающими фасадами, открытыми площадками и водными элементами, что смягчает визуальную тяжесть конструкций и поддерживает гармонию между Инь и Ян. В результате архитектура предстает не просто утилитарной сферой, но пространственным выражением дуального принципа, структурирующего восприятие среды [9].

Особенности дуальной модели столь же отчётливо проявляются в языковой культуре. Китайская идиоматика (чэньюй) сохранила глубокую символическую связь с концепцией Инь и Ян, что выражается в устойчивых оборотах, передающих идеи взаимного порождения, уравновешивания и симметрии противоположностей. Идиомы, формирующие языковую картину мира, закрепляют представления о гармонии как необходимом состоянии жизни и усиливают ориентацию на умеренность и согласование. Сопоставление китайских чэньюй с русскими фразеологизмами позволяет увидеть различия культурных установок: если в китайской традиции акцент делается на поиске баланса и снятии конфликта через взаимодополнение, то русская языковая картина чаще фиксирует противостояние, эмоциональную экспрессию и драматизм. Таким образом, язык становится важнейшим механизмом передачи и поддержания дуального культурного кода [11; 8].

Политическая философия Китая также демонстрирует глубокую укоренённость в логике дуальности. В концепции «гармоничного общества» принцип Инь и Ян проявляется в стремлении объединить экономическое развитие и социальное равновесие, технологический прогресс и культурную преемственность, индивидуальные цели и

коллективное благополучие. Идея сбалансированного развития получает дальнейшее развитие в доктрине «научного взгляда на развитие», подчёркивающей необходимость интеграции роста и экологической ответственности, модернизации и сохранения ценностных ориентиров. Государственная политика, опираясь на эти принципы, использует дуальную модель как инструмент предотвращения системных дисбалансов и поддержания устойчивости общества [2]. В этом контексте принцип Инь и Ян трансформируется в механизм политического регулирования, направленный на согласование разнонаправленных процессов и обеспечение долгосрочной стабильности.

В современном контексте особую значимость приобретает выявленный потенциал Инь и Ян как философской модели, способной объяснить и структурировать глобальные процессы. Дуальность, лежащая в основе китайского мировоззрения, позволяет рассматривать современные вызовы не как односторонние кризисы, а как результат нарушения баланса между взаимозависимыми компонентами мировой системы. В этом отношении Инь и Ян выступают универсальной рамкой для осмысливания глобальных трансформаций, в которой экономическая, экологическая, культурная и политическая динамика предстают взаимосвязанными и подлежащими согласованию [10; 13].

Так, экологическая парадигма Китая опирается на принцип гармонизации отношений между индустриальным ростом и ограничениями природной среды. В этой модели развитие не мыслится как последовательность экспансионистских шагов, а понимается как поиск устойчивого равновесия между активными (Ян) и сдерживающими (Инь) факторами. Инь и Ян позволяют интерпретировать экологическую политику не в терминах жесткого регулирования или запретов, а как систему балансирования, где сохранение природы становится необходимым условием дальнейшего прогресса. Тем самым экологическая стратегия Китая демонстрирует использование дуального принципа как интегративного инструмента, объединяющего экономические, культурные и этические аспекты в единую модель устойчивого развития [4].

Глобальное значение дуальности проявляется и в сфере межкультурного взаимодействия. Принцип Инь и Ян способствует формированию стратегий сотрудничества, основанных на признании различий как источника взаимного обогащения, а не конфликта. Подобный подход находит отражение в концепции «общины единой судьбы», в которой культурные и политические субъекты рассматриваются как взаимодополняющие элементы единой системы. Идея отказа от доминирования и предпочтения согласованности соответствует логике Инь и Ян: сильное (Ян) должно уравновешиваться мягким (Инь), а различие должно включаться в общую структуру взаимодействия. Таким образом, дуальный принцип приобретает значение философского ориентира для построения многополярного, взаимосвязанного и культурно разнообразного мира.

Подобные положения подводят к пониманию синтетического значения дуальности Инь и Ян, выражющегося в способности китайской культуры интегрировать традицию и инновацию. Проанализированные источники показали, что дуальная модель выступает механизмом культурной саморегуляции, который предотвращает разрушение культурного ядра при включении новых элементов. Традиция, ассоциируемая с Инь, не фиксируется как неизменный набор норм, но служит матрицей, задающей смысловые и ценностные рамки для инноваций [3]. В свою очередь, инновация, связанная с Ян, рассматривается не как разрыв или противопоставление, а как естественный этап обновления традиционных структур. Такое взаимное проникновение объясняет способность китайской культуры усваивать западные технологии, художественные формы и

социальные практики, не утратив своей идентичности.

В данном контексте символическая структура Инь и Ян выступает подлинным интегративным принципом, обеспечивающим целостность культурной системы. Она объединяет противоположные стороны культурного процесса устойчивость и изменчивость, преемственность и новаторство, локальность и глобальность в единую модель развития. Благодаря такому дуальному механизму китайская цивилизация демонстрирует уникальную способность к адаптации, не теряя внутреннего единства, что подтверждает её глубокий культурный потенциал в условиях современных глобальных изменений [7; 16].

Заключение

Проведённое исследование символической структуры Инь и Ян как интегративного принципа китайской культуры позволило выявить глубинные механизмы организации мировоззренческого, социального и культурного пространства Китая. Анализ продемонстрировал, что дуальный принцип, лежащий в основе китайской цивилизационной модели, выступает универсальной когнитивной и ценностной схемой, обеспечивающей согласование противоположных начал, устойчивость культурной традиции и способность к адаптации в условиях социальных трансформаций.

Выявлено, что символическая структура Инь и Ян формирует фундаментальные основания китайской космологии, придавая культурной картине мира динамический и процессуальный характер. Раскрыта её роль в традиционной медицине, боевых искусствах, эстетике, архитектуре и языковой культуре, где дуальность проявляется как принцип структурирования тела, пространства, движения, художественного образа и семантики. Установлено также, что Инь и Ян лежат в основе современной политической философии Китая, определяя логику развития концепций «гармоничного общества», «научного взгляда на развитие» и «общины единой судьбы» [8].

Особое значение имеет выявленный интегративный потенциал дуальной модели, позволяющий китайской культуре сочетать традицию и инновацию, локальное и глобальное, стабильность и изменения. Символическая структура Инь и Ян обеспечивает механизмы культурной саморегуляции: традиция задаёт границы культурной легитимности, а инновация обновляет традиционные формы без разрушения их смыслового ядра [15].

Таким образом, Инь и Ян выступают не только философской категорией, но и универсальной методологией культурного развития, определяющей логику взаимодействия различных уровней общественной жизни. В условиях современных глобальных вызовов данный принцип сохраняет актуальность как модель гармонизации межкультурных отношений, осмысливания экологических проблем и построения устойчивых форм социальной организации [5; 6].

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым сравнительным анализом китайской дуальной модели и других культурных систем, изучением трансформаций символических структур в цифровую эпоху, а также исследованием роли Инь и Ян в современной политической, образовательной и медиакультуре КНР.

Библиография

1. Абрамова Н. А., Морозова В. С. Некоторые категории традиционной китайской

- культуры в современных интерпретациях: ценностный аспект // Вестник ЧитГУ. 2007. № 2 (43). С. 114-128.
2. Алексеев В. М. Очерки китайской философии. – М.: Восточная литература, 1994. 312 с.
3. Бусыгина А. Ф. Фундаментальные категории духовной культуры Китая: Тай цзи и Инь-ян // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2018. № 3. С. 45-52.
4. Ван Сяофэн. Китайская традиционная философия "хэ-хэ" и её современное значение // Philosophy Progress. 2023. Т. 12, № 1. С. 78-81.
5. Дащеева В. В., Хандархаева В. В. Философское учение инь-ян в китайской культурной традиции // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. № 2. С. 17-24. DOI: 10.18101/1994-0866-2022-2-17-24 EDN: EEZIIM.
6. Гао Т. Концепт "Патриотизм" в русском коммунистическом дискурсе в зеркале китайского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6. С. 75-78. EDN: YNGODJ.
7. Конфуций. Лунь юй (Беседы и суждения) // Конфуций. Сочинения. – М.: Восточная литература, 2000. 544 с.
8. Лао-цзы. Дао дэ цзин (Книга пути и добродетели) // Лао-цзы. Канон Пути и Благодати. – М.: Республика, 1993. 214 с.
9. Лю Цзоюань. Традиционная система ценностей в государственной идеологии КНР // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. № 2А. С. 199-204.
10. Малявин В. В. Поверх гармонии: заметки о потенциале китайского мировоззрения в межнациональном и глобальном порядке и управлении // Ориенталистика. 2022. Т. 5, № 4. С. 961-978. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-961-978 EDN: QJRUVO.
11. Каргаполов Е. П. Философские основания развития культурологии как системы знаний о культуре // Вестник Югорского государственного университета. 2017. Вып. 1 (44). С. 64-71. EDN: YJVKSH.
12. Попов Е. А. Междисциплинарный опыт гуманитарного знания и современной социологической науки // Политика и Общество. 2013. № 4. С. 441-447. EDN: QACJTX.
13. Попов Е.А. Искусство в системе традиционных ценностей (по материалам Всемирного обзора ценностей) // Философия и культура. 2024. № 5. С. 12-22. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.5.70819 EDN: EFLVYE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70819
14. Попов Е.А. Сакрализация ценностных структур человеческого бытия в духовной культуре Большого Алтая // Философия и культура. 2023. № 5. С. 182-190. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.5.40874 EDN: BPKXVZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40874
15. Сунь Цзяо. Семантические особенности чэньюй // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 42-48. EDN: KOPGJ.
16. Чжуан-цзы. Чжуан-цзы // Чжуан-цзы. Книга Мастера Чжуан. – СПб.: Азбука, 2012. 416 с.
17. Чэн Лай. Современная ценность и значение китайской культуры // Руководство духовной цивилизации. 2017. № 8. С. 1-8.
18. BCC – The Beijing Language and Culture University Corpus Center // Национальный корпус китайского языка. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn>.
19. The Central People's Government of the People's Republic of China // The State Council of the PRC. URL: <https://english.www.gov.cn>.
20. Ministry of Education of the People's Republic of China // Ministry of Education Official Website. URL: <http://en.moe.gov.cn>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Символическая структура Инь и Ян как интегративный принцип традиционной китайской культуры» посвящена комплексному анализу дуальной категории Инь-Ян не просто как философской концепции, а как фундаментальной «символической структуры», пронизывающей и организующей всю систему ценностей и практик традиционной китайской культуры. Автор рассматривает Инь-Ян в качестве активного интегративного механизма, обеспечивающего целостность и динамическое равновесие культурной системы, что и является предметом исследования.

В основе методологии исследования лежит заявленный метод контент-анализа – философско-культурологический подход. Автор успешно применяет методы структурно-символического анализа; семиотический подход, направленный на анализ симвлических значений указанных понятий в культурной и политической коммуникации; философско-антропологический метод, позволяющий рассматривать ценности как проявления онтологических оснований человеческого существования в китайской культурной традиции. Такой синтез позволяет преодолеть узкодисциплинарные рамки и раскрыть тему во всей полноте.

Актуальность работы обусловлена ростом интереса к китайской мысли и поискам альтернативных моделей культурного развития; необходимостью глубже понимать ценностные основания современных социокультурных процессов в Китае; востребованностью в культурологии исследований, раскрывающих внутренние механизмы культурной саморегуляции. Новизна исследования заключается в ракурсе рассмотрения: Инь и Ян представлены как динамическая символическая структура и оперативный принцип интеграции. Автор убедительно показывает, как дуальный принцип работает в качестве инструмента гармонизации противоречий, порождения смыслов, что Инь-Ян формирует саму логику китайского ценностного мышления, выступая его «архитектоникой».

Статья отличается четкой логической структурой, последовательным развитием аргументации от общего определения символической структуры к конкретным примерам её функционирования. Стиль является научным, но при этом сохраняет ясность и доступность для широкого круга специалистов в области культурологии и философии. Содержание является цельным и полностью соответствует заявленной теме и цели. Теоретические положения хорошо иллюстрированы, что усиливает доказательность.

Представленный список литературы свидетельствует о глубокой теоретической проработке темы: автор опирается на классические трактаты китайской философии и на современные исследования в области культурологии и семиотики.

Автор косвенно отвечает на возможные критические замечания, акцентируя, что Инь-Ян – это не жесткая бинарная оппозиция по западному образцу, а гибкий, контекстуально зависимый принцип.

Выводы статьи являются логичным завершением исследования, обобщая тезис о ключевой роли структуры Инь-Ян как ядра культурного кода Китая. Работа представляет значительный интерес для широкой читательской аудитории: для культурологов и философов – как глубокая теоретическая модель анализа культурных систем; для востоковедов – как содержательная интерпретация базового концепта; для специалистов по межкультурной коммуникации – как ключ к пониманию глубинных оснований китайского мировосприятия.

Статья демонстрирует эффективность синтеза философского и культурологического подходов, является самостоятельным, актуальным и методологически выверенным научным исследованием. Она соответствует критериям научной новизны, теоретической и практической значимости. Рекомендуется к публикации в научном журнале.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Философия и культура» статье, как автор обозначил в заголовке («Символическая структура Инь и Ян как интегративный принцип традиционной китайской культуры»), прокомментировал во введении и уточнил в целеполагании, является символическая структура Инь и Ян как интегративный принцип традиционной китайской культуры. Соответственно, культурный код Инь и Ян представляет собой изучаемую объектную область и направление междисциплинарного дискурса, в которое автор вносит свой посильный вклад, систематизируя изучаемую символическую структуру.

С опорой на анализ как эмпирического материала, так и качественной репрезентативной выборки научной литературы автор раскрывает основные элементы символической структуры Инь и Ян как интегративного принципа традиционной китайской культуры, касаясь её реализации в поэзии, живописи, философии, архитектуре, повседневности, политической и экологической культуре. Значимым и в достаточной степени обоснованным, на взгляд рецензента, представляется вывод автора об иной природе диалектико-диалогической взаимосвязи противоположностей в мировоззренческих представлениях, основанных на символической структуре Инь и Ян. Она, по мнению рецензента, не только ведет к иному восприятию пустоты как потенциала, вскрывая ограниченность европейской диалектики бинарных оппозиций, но и является основой специфической эпистемологии реальности, раскрывая методологические перспективы снятия напряжения между критически противоположными теоретическими позициями.

Таким образом, предмет исследования рассмотрен автором на достаточном для публикации в авторитетном научном журнале теоретическом уровне.

Методология исследования представляет собой релевантный цели и задачам комплекс хорошо зарекомендовавших себя методик. Для выявления философско-культурологического содержания понятий «гармония», «семья» и «патриотизм» в текстах классической китайской философии, а также в современных идеологических документах КНР автор применяет метод контент-анализа, хотя и не раскрывает всех методических процедур. С опорой на семиотический подход (Ю. М. Лотман) автором осуществлен анализ символических значений ключевых понятий в культурной и политической коммуникации. Философско-антропологический метод автор использовал для рассмотрения ценности символической структуры Инь и Ян как проявления онтологических оснований человеческого существования в китайской культурной традиции; элементы сравнительно-исторического анализа, применены для сопоставления традиционных и современных интерпретаций ключевых аксиологических концептов изучаемой символической структуры. В целом, несмотря на отсутствие

детализации упомянутых методик, на взгляд рецензента, автор приходит к вполне обоснованным и достоверным выводам.

Актуальность выбранной темы исследования автор поясняет необходимостью комплексного осмыслить системы символической структуры Инь и Ян в контексте современной философии культуры, культурной антропологии и теории межкультурной коммуникации. Тезис адекватен и реализован автором в достаточной мере.

Научная новизна исследования, заключающаяся в междисциплинарном обобщении ценности символической структуры Инь и Ян как интегративный принцип традиционной китайской культуры, заслуживает теоретического внимания.

Стиль текста выдержан научный. Структура статьи следует логике изложения результатов научного поиска.

Библиография в достаточной мере раскрывает проблемную область исследования, оформлена без существенных нарушений ГОСТа.

Апелляция к оппонентам вполне корректна и достаточна, хотя автор и не акцентирует внимания на спорных дискуссионных вопросах.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философия и культура» и может быть рекомендована к публикации.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Руцинская И.И. Эпистолярная самопрезентация М.В. Ломоносова: конструирование идентичности учёного в русской культуре XVIII века // Философия и культура. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.12.76820 EDN: TZYAIY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76820

**Эпистолярная самопрезентация М.В. Ломоносова:
конструирование идентичности учёного в русской
культуре XVIII века****Руцинская Ирина Ильинична**

ORCID: 0000-0002-4033-8212

доктор культурологии

профессор, кафедра региональных исследований, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ)

119191, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 13

[✉ irinaru2110@gmail.com](mailto:irinaru2110@gmail.com)[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.12.76820

EDN:

TZYAIY

Дата направления статьи в редакцию:

17-11-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу эпистолярного наследия М.В. Ломоносова. Достаточно обширный корпус писем, всесторонне изученный филологами и историками, практически не рассматривался как форма самоописания. В работе уточняется, какие роли М.В. Ломоносов стремится закрепить за собой в переписке, какие темы он включал и исключал из эпистолярного общения, как распределял интонации и риторические жесты между разными группами своих адресатов – покровителями, коллегами по Академии наук, подчинёнными. Особое внимание уделяется этикетным формулам текстов (обращениям, самоименованиям) и их зависимости от статуса адресата. Подчеркивается, что Ломоносов не только безупречно владел нормами эпистолярного этикета, но и использовал их как инструмент социального позиционирования, укрепления личного авторитета и достижения желаемых целей. Междисциплинарный подход, сочетающий методы историко-биографического анализа и социокультурной интерпретации текста,

позволяет реконструировать систему эпистолярного поведения адресанта. Научная новизна работы заключается в том, что эпистолярий Ломоносова впервые интерпретируется как последовательная стратегия самопрезентации учёного-профессионала. Тот факт, что в переписке Ломоносов позиционировал себя главным образом как ученый, отодвигая на периферию иные свои роли и статусы (поэт, администратор), позволяет рассматривать его тексты в контексте становления данной профессии в России XVIII столетия. Переписка предстаёт пространством, где в наглядной форме раскрывается просветительский идеал автономии личности, основанной на разуме и индивидуальных достижениях, и одновременно обнажаются глубокие противоречия положения учёного, существующего в условиях патронажной зависимости и институциональной неопределенности. Таким образом, «эпистолярный портрет» Ломоносова показывает, каким образом в русской культуре Нового времени складывались модели и формировалась риторика самопредъявления личности.

Ключевые слова:

письма, эпистолярная самопрезентация, Михаил Ломоносов, ученый, эпистолярный этикет, эпистолярная культура, Просвещение, русская культура, Академия наук, идентичность

Эпистолярное наследие М.В. Ломоносова, находящееся в распоряжении современных исследователей, включает свыше ста писем (согласно изданию 2010 года – 115 [12]). Как и любые тексты великого ученого, его эпистолярий привлекал и продолжает привлекать к себе пристальное внимание. В 1957 году письма М.В. Ломоносова, снабженные обширными комментариями, были напечатаны в десятом томе «Полного собрания сочинений» [9]. В 2010 году опубликовано самостоятельное издание («Переписка М.В. Ломоносова» [12]), дополненное письмами, обнаруженными за истекшие полвека. Историки и филологи проводят детальный источниковедческий и стилистический анализ текстов, рассматривают самые разные содержательные аспекты – от библейских заимствований [10] до особенностей аббревиации в обращениях Ломоносова [26]. В 2007 году в Казанском университете была издана коллективная монография «Язык писем М. В. Ломоносова. Материалы для словаря» [28].

Кажется, изучено все. Однако тот аспект, который вынесен в название данной статьи – «Эпистолярная самопрезентация Ломоносова» – на удивление обойден вниманием ученых. Можно вспомнить работу Я.К. Грота «Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову» [3], или книгу известного филолога В.М. Живова «Первые русские литературные биографии как социальное явление» [5], где попутно затрагивается данная тема. Можно назвать несколько современных публикаций [18, 22-25]. Увы, некоторые из них либо грешат описательностью, либо содержат ошибки и натяжки, о которых нам еще придется упомянуть ниже.

Наличие данной исследовательской лакуны представляется неожиданным. Давно стало аксиомой, что переписка, наряду с коммуникативной, информационной, экспрессивной, побудительной функциями, выполняет функцию презентационную. Ученые обращаются к эпистолярным самопрезентациям В. Маяковского [27], М. Цветаевой [21], А.Чехова [2, 4], Ф. Шаляпина [7], Д. Шостаковича [8] и других авторов. Но не М.В. Ломоносова. А ведь в свете того, что ученый не оставил мемуаров, его письма являются важнейшим, если не

единственным источником для понимания того, какие стратегии самоописания он использовал.

Отчасти подобную ситуацию можно объяснить эволюцией эпистолярного жанра: со временем степень «самораскрытия» личности в письмах существенно возросла. В текстах XIX–XX вв. более очевидны «коммуникативная проявленность желания самовыразиться, невзирая на расстояние; собственно акт рукописания в качестве условия усвоения человеческого опыта как один из «трансмиссионных» способов его аккомодации; перформативно-исторический характер передачи информации» [19, с. 32]. Не удивительно, что они чаще привлекают внимание ученых.

Однако в свете сказанного изучение более ранних эпистолярных практик имеет приобретает особую ценность: они позволяют увидеть исходные формы становления авторской субъективности. В случае с Ломоносовым это чрезвычайно значимо, поскольку его письма представляют собой уникальный, предельно индивидуальный и яркий пример конструирования собственного образа в условиях складывающейся культуры модерности.

Важно отметить, что в переписке Ломоносов позиционирует себя прежде всего как ученый: его поэтические занятия и достижения, административная деятельность отодвинуты на периферию, не участвуют в формировании авторского образа. Учитывая, что профессия учёного вплоть до XVIII века в России отсутствовала, письма Ломоносова можно рассматривать как инструмент конструирования идентичности учёного в русской культуре Нового времени.

Конечно, стратегии самоописания Ломоносова менялись во времени. Первое из его писем, известных нам, датируется сентябрем 1737 года, когда он был студентом в Марбурге; последнее – мартом 1765 года, когда ученый стал уважаемым профессором, многое достигшим в жизни, получившим признание в научном мире России и Европы, удостоенный чина статского советника. Однако мы в данном исследовании не ставим специальную задачу отследить динамику его стратегий. Скорее наоборот: стремимся выявить то общее, что характеризует формы самоописания Ломоносова.

Важно отметить, что лишь одно из писем Ломоносова адресовано родственнику – сестре Марии Васильевне, в замужестве Головиной. Все остальные обращены к коллегам в России и за рубежом, руководству академии, высокопоставленным покровителям – прежде всего И.И. Шувалову и М.И.Воронцову. Такой состав эпистолярного корпуса предопределил тематику писем, характер используемых интонаций, а также почти полное отсутствие бытовых описаний или повседневных забот.

Даже упоминания о здоровье встречаются чрезвычайно редко. Это особенно заметно на фоне «великих больных» эпохи – Вольтера, Руссо, Деламбера, Гримма, бесконечно, детально описывавших свои немощи и сделавших болезнь элементом собственного имиджа [20]. Ломоносов подобными приемами не пользовался. Лишь единожды в письме к графу Воронцову, объясняя причину, почему он напоминает о своей просьбе письменно, а не при личной встрече, ученый дает самую подробную из своих справок о здоровье: «Тяжкая моя болезнь, снова усилившись в другой ноге, не дает мне покоя и свободы не только из дома, но ниже и с постели выйти» [12, с. 408]. Спустя некоторое время, отвечая графу на вопрос о здоровье, он походя говорит о болезни и тут же переходит к обсуждению других, волнующих его проблем: «Здоровье мое, слава Богу, отчуси и чувствительно лучше становится, так что могу исполнять все мои должности без нужды» [12, с. 429].

Также редко Ломоносов обращался к финансовым вопросам. На фоне подавляющего большинства своих коллег, постоянно жаловавшихся на тяжелое финансовое положение, долги, невозможность содержать семью, Ломоносов о своих денежных проблемах вспоминает чрезвычайно редко, и чаще всего в ретроспективе, когда говорит о годах учебы, в особенности о годах учебы в Германии: «имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба, и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другия нужды. Таким образом жил я пять лет, и наук не оставил» [\[12, с. 124-125\]](#). Подобное мемуарное отступление использовалось не для того, чтобы добиться прибавки к жалованию, оно выступало доказательством самого важного для Ломоносова тезиса – своей преданности науке.

То есть личные обстоятельства, финансы, болезни, семейные проблемы, домашний быт в письмах Ломоносова фигурировали чрезвычайно редко. Он не обнажал своего повседневного мира, не впускал своих адресатов в пространство приватного существования.

Вежливому дистанцированию способствовал также эпистолярный этикет эпохи. К XVIII веку сложились правила построения писем. Они в обязательном порядке включали зчин, содержащий дату, место, приветствие и обращение; основную информативную часть; концовку письма со словами прощания, пожелания, подписью и иногда припиской [\[11\]](#). Поражает, насколько быстро Ломоносов овладел эпистолярными нормами. Уже в первых письмах из Марбурга, написанных на немецком языке (который он к тому времени изучал всего лишь 10 месяцев), он демонстрировал уверенное владение правилами обращения к профессорам и академическому начальству, знание форм вежливости.

Особый интерес представляют его формулы самоименования. Каким образом Ломоносов подписывал свои послания. Следовал ли он этикетным нормам, или же ломал их? Становились ли самоименования способом автора что-то сказать о себе или выступали просто данью существующим эпистолярным правилам?

Практически все свои письма ученый подписывал однотипно: «Михайло Ломоносов». И это не зависело от того, отдавал ли он распоряжение переводчику или обращался с нижайшей просьбой к всесильному фавориту императрицы. Это была константа, имя, которое он носил с гордостью. Вспомним известную фразу из письма Шувалову, где ученый использовал своеобразный прием «самоэпонимизации»: «оттуда (из Университета – И.Р.) могут произоти многочисленные Ломоносовы» [\[12, с. 368\]](#). Собственное имя подается здесь как нарицательное, как знак возможностей. К нему не нужно добавлять звания, чины, должности (он их, за редким исключением, и не добавлял).

При этом он, в соответствии с требованиями эпохи, сопровождал подписи определениями, используя общепринятые клише: «верный слуга», «покорный слуга», «преданный слуга». Или их вариации: преданнейший, покорнейший, всепреданнейший, всепокорнейший. Они варьировались в зависимости от адресата.

Филолог Н.А. Прокуровская в статье, которая так и называется, «Самоименования М.В. Ломоносова в письмах» [\[18\]](#), указывает, что Ломоносов не использовал в подписях слово «раб». Это, действительно, так. Но из этого факта исследовательница делает следующий вывод: «Ломоносов освободил ситуацию самоименования от крайностей: от самоуничижения, которое содержит концовки челобитных грамоток XVII века. Сравните:

"была челом женишка Дашка"» [\[18, с. 82\]](#).

Однако дело в том, что Ломоносов к данным изменениям не имел отношения, они произошли намного раньше. Еще 30 декабря 1701 г. указом Петра Великого, было отменено использование в челобитных уничижительных полуимен (Дашка, Петрушка). А в 1708 году двумя тиражами была напечатана первая в России книга по эпистолярному этикету - «Приклады како пишутся комплементы разные на немецком языке...» [\[17\]](#). В данном письмовнике, то есть тексте, дающим образцы для написания писем разного содержания и разным адресатам и фиксирующим существующие эпистолярные нормы, не найти даже упоминаний уничижительных полуимен. Да и слово «раб», как указывает историк Д. Г. Полонский, «в самоописаниях адресантов письмовника, присутствует лишь дважды, тогда как слуга появляется в 21 письме, в том числе в словоупотреблении равных по статусу лиц» [\[16, с. 251\]](#). Исследования деловой переписки XVIII столетия показывают: уже к середине 1730-х годов слово «раб» практически исчезло из писем. Так что Ломоносов не взламывал, не реформировал этикетные правила. Считывать подобным образом его самоименования – значит приписывать ему какие-то особые намерения там, где их не было, где было следование общепринятым нормам, следование, надо признать, блестящее, особенно для человека, рожденного в социальной среде, не предусматривавшей знакомства с ними с раннего детства.

Важный аспект авторской самопрезентации в XVIII веке: происхождение. Насколько данная тема присутствовала в самоописаниях Ломоносова, строил ли он на этом основании свой образ?

В советской культуре характеристика «выходец из народа» была почти обязательной при любом упоминании имени великого ученого. Во всех историко-биографических книгах и фильмах герой с гордостью повторял фразы о своем «низком происхождении». В сознание отечественного зрителя вошло это гордое самоотождествление ученого с простым народом. Однако в его письмах данная тема фигурировала чрезвычайно редко. Как правило, использовалась она не для рассказа о головокружительном социальном подъеме, а как способ продемонстрировать свою тягу к знаниям, свою преданность науке: «имеючи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод, пока я ушел в Спас[с]кая школы» [\[12, с. 183\]](#). Упорное личное противостояние среде, настойчивость и терпение – вот что должен быть прочитать адресат в этом пассаже Ломоносова.

Иногда поводом для упоминания данной темы становилась обида. Письмо И.И.Шувалову от 17 апреля 1760 года написано после того, как барон Строганов презрительно отозвался о происхождении Ломоносова в его присутствии. В своем послании ученый горько сообщал: «только хочу искать способа и места, где бы чем реже, тем лучше видеть было персон высокородных, которые мне низкою мою породою попрекают, видя меня, как беллько на глазе, хотя я своей чести достиг не слепым счастием, но данным мне от Бога талантом, трудолюбием и терпением крайней бедности добровольно для учения» [\[9, с. 368\]](#). И в данном отрывке заметно, как от обиды и демонстрации желания быть подальше от своих высокопоставленных обидчиков он почти мгновенно переходит к гордому заявлению о собственных достижениях. В этом виден человек эпохи Просвещения. Как известно, одной из важнейших характеристик этой эпохи является открытие «индивида как субъекта общественно-исторического развития, в котором

движущей силой выступают человеческие разум и воля. Здесь происходит как бы абсолютизация самоценности человеческой индивидуальности». [\[11, с. 40\]](#). У Ломоносова личная судьба артикулировалась как просветительский манифест: «мое, Ломоносова, достоинство, определяется образованием, талантом и трудолюбием». Об этом он снова и снова заявлял в своих письмах.

Отсюда же происходит еще одна важная особенность самоописания: Ломоносов никогда не утверждал собственную значимость через принадлежность к какой-либо социальной или профессиональной группе. Он использовал исключительно стратегии индивидуальной презентации, что не изменилось ни после того, как он вступил в должность профессора, ни после того, как получил чин коллежского советника, дававший ему право на потомственное дворянство. Особенно наглядны подобные формы самопрезентации при сравнении их с риторикой современников. Например, выдающийся русский поэт Александр Петрович Сумароков в письме к Шувалову, после того как граф Чернышев публично назвал его вором, писал: «Я не граф, однако дворянин, я не камергер, однако офицер и служу без порока 27 лет», и дальше в том же письме: «Теперь я вижу, милостивый государь, как мало значит быть поэтом, дворянином и офицером» [\[15, с. 78\]](#). Свое достоинство поэт отстаивал, путем утверждения принадлежности к различным социальным группам (дворянин, офицер, поэт). По мысли Сумарокова, сама эта принадлежность, в полном соответствии с сословным мышлением, должна защищать его от оскорблений.

У Ломоносова подобной стратегии нет. Он благодарит «всемогущий промысел» за то что «не лишил меня дарования и прилежания в учении... дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве» [\[12, с. 384\]](#), но не апеллирует к профессиональным или любым другим идентичностям. Конечно, Ломоносов получил дворянский титул не от рождения, а по личным заслугам (в 1745 году), но и получив его, последующие 20 лет своей жизни не демонстрировал свою принадлежность к привилегированному сословию. Мы также не встретим у него утверждений: «я учёный, следовательно...» или «я поэт, значит...». Он скорее противопоставляет себя, возвышает себя над любыми группами и институциями: «В мое отбытие из Академии ясно оказалось, чего она лишилась, потеряв такого человека, который столько лет украшает оную» [\[12, с. 296\]](#). Во всех ситуациях он отвечал на обиды и унижения утверждением своей индивидуальной ценности и личного достоинства, не сводимого ни к каким социальным рамкам.

При этом Ломоносов прекрасно понимал, всю неопределенность и шаткость положения ученого в России XVIII века, которое не было привязано к «Табели о рангах», следовательно, не давало чина. Чтобы получить его, каждый раз требовались хлопоты, обращение к высокопоставленным покровителям, предъявления доказательств того, что ты достоин, ты важен, лучше других. Надо было смиренно просить, напоминать, льстить. Эта была невероятная двойственность, где высочайшее чувство собственной ценности и значимости, и даже исключительности существовало в ситуации униженности и зависимости. Она отражалась в соседстве горделивого самоописания и униженного прошения. Подробно останавливаться на данном аспекте мы не будем, поскольку о нем уже достаточно много сказано в работах В.М. Живова [\[5\]](#) и И.П. Кулаковой [\[6\]](#).

Обратим внимание только на один прием, которым пользовался Ломоносов, когда добивался положения, чина или звания.

Как правило, он оперировал риторикой государственной пользы, славы отечества,

обязательной в данную эпоху. Но кроме того, он пытался мотивировать своих корреспондентов, чрезвычайно индивидуально подбирая приемы убеждения. В письмах И.Д. Шумахеру он снова и снова указывал: «помогая мне, вы служите науке, отечеству, народу и его знатным представителям» [12, с.66]; «милостию, которую Вы легко можете оказать, Вы заслужите не только от меня, но и от всех значительных лиц нашего народа больше благодарности, чем Вы, быть может, предполагаете. Да, Вам принесет более чести, если я достигну своей цели при помощи Вашего ходатайства, чем если это произойдет каким-либо другим путем» [12, с.67]. Он весьма прозрачно намекал на благодарность «знатных представителей» или «значительных лиц» народа, то есть на благодарность своих покровителей. И в этом проявляется четкое представление Ломоносова о ценностях, приоритетах, побудительных мотивах своего адресата и попытка использовать их для достижения собственных целей.

В письме же к И.И. Шувалову он использовал иную мотивацию: «благодаря вашей помощи новая кровь в жилы мои вольется к совершению начатого героического описания трудов Петровых, которых окончание выше всех благополучий в жизни моей почитаю» [12, с. 393]. Ломоносов возвышал значимость оказываемой ему поддержки: утверждал, что Шувалов не просто решает приземленные административные или социальные проблемы ученого. Нет, он помогает творить, вливает «новую кровь в жилы», то есть дарует новые силы и вдохновение.

Как видим, приемы воздействия Ломоносова на своих корреспондентов не исчерпывались просто просьбами или лестью. Они разнообразные, тонкие и вариативные, учитывают положение и статус адресата. Он понимал, что говорить Шумахеру: «Ваша помощь вдохновит меня на новые работы» бессмысленно, а вот для Шувалова, который видит себя образованным покровителем наук и искусств, это будет ценно.

При этом Ломоносов тонко владел эпистолярными «сигналами дистанции». Те интонации и выражения, которые он использовал в общении с И.И. Шуваловым, он никогда не применял по отношению к другому своему патрону - графу М.И. Воронцову. В письмах к первому он более свободен, порой обидчив, мог демонстрировать свою уязвленную гордость, даже указывать всесильному фавориту на недопустимые по отношению к себе поступки. Самый наглядный пример – известное письмо, написанное после попытки Шувалова примирить Ломоносова с Сумароковым: «Никто в жизни меня больше не изобидел, как ваше высокопревосходительство... Не хотя вас оскорбить отказом при многих кавалерах, показал я вам послушание, только вас уверяю, что в последний раз» [12, с. 380].

В письмах же к М.И. Воронцову он неизменно демонстрировал образцовый высокий эпистолярный стиль XVIII века, включавший ритуальную почтительность, гиперболизированную благодарность, эмоционально-экстатическую лексику: «За милостивое удостоение вашего сиятельства ко мне ответу всенижайше благодарствую и от всего сердца признаю и почитаю изъяснение продолжения отеческой вашей ко мне милости, которую я за великую часть моего благополучия в жизни почитаю и всегда признаю, что ваше сиятельство – истинный ученых покровитель» [12, с. 240-241].

Со своими коллегами по Академии наук Ломоносов сдержан и корректен. Даже с открытыми недоброжелателями. В письмах не проявлялись его крутой нрав, готовность демонстрировать гнев и раздражение, столь часто обуревавшие ученого при личных контактах с ними.

В посланиях адъюнктам, лаборантам Академии, то есть сотрудникам, стоявшим ниже его на служебной лестнице, он использовал повелительный (при этом предельно вежливый) тон: кратко и внятно отдавал распоряжения, в подписи вместо фразы «всепокорнейший слуга» использовал словосочетание «благожелательнейший слуга».

Подобная вариативность служит ярким свидетельством того, что Ломоносов не просто следовал нормам эпистолярного этикета, но и виртуозно использовал их для реализации разных стратегий самопрезентации, для конструирования разных социальных ролей и масок.

Особый интерес представляет ответ вопрос: как Ломоносов оценивал свои заслуги и достижения. Что, с его точки зрения, было наиболее важным, из всего что они сделал для российской науки и государства? Об этом ученому приходилось достаточно часто писать в письмах. Не хвастовства ради. Иногда это было, как мы сказали бы, используя современный термин, что-то типа резюме, подаваемое для продвижения по службе. Самое подробное из них содержится в письме Воронцову от 30 декабря 1759 года: «Через пятнадцать лет нес я на себе четыре профессии, то есть в обоем красноречии, в истории, в физике и в химии, и оные отправлял не так, чтобы только как-нибудь препроводить время, но во всех показал знатные изобретения» [\[12, с. 354-355\]](#). И дальше он перечисляет эти достижения. Например, в красноречии «ввел в наш язык своеобразное стихов сложение и штиль исправил грамматическими и риторическими правилами и примерами в разных Сочинениях» [\[12, с. 356\]](#); в истории «показанное истинное происхождение российского народа в первом томе Истории Российской» [\[12, с. 356\]](#) и так далее.

Как видим, хрестоматийные, существующие в наши дни оценки научной деятельности Ломоносова во многом совпадают с его личными оценками, с той только разницей, что потомки видят и признают гораздо больше великих достижений, чем сам автор. Была ли это скромность? Была ли вообще Ломоносову свойственна скромность или это не его добродетель? Подобная постановка вопроса не релевантна для нашего исследования. Наш вопрос может звучать только следующим образом: стремился ли Ломоносов в своих эпистолярных самоописаниях представить себя человеком скромным? Когда читаешь его слова о собственной исключительности (лишь часть которых мы процитировали выше), то кажется, что нет. Только один раз, когда по заказу Шувалова был выполнен его гравированный портрет, предназначенный для фронтисписа готовящегося к публикации собрания сочинений, ученый писал Шувалову: «того, Милостивый Государь, отнюдь не желаю, и стыжусь, что я нагрызован» [\[12, с. 334\]](#). Этот пример никак не перевешивает громких самовохвалений.

Но делать окончательные выводы у нас нет оснований, потому что письма Ломоносова – это по большей части тексты, целенаправленно выполняющих задачу самопрезентации, самоподачи, самопревозношения. Это норма для ученого в XVIII столетии (Мы уже говорили: социальное положение представителей этой специальности буквально требовало подобной риторики). Другое дело, что в переписке Ломоносова гораздо больше, чем у других его коллег, посланий, предназначенных покровителям. Далеко не все из ученых имели столь высокие связи и столь активные контакты с сильными мира сего. Характерно, что члены Академии достаточно трезво оценивали многих своих коллег, говоря, что своими достижениями они обязаны исключительно связями при дворе. Так И.Б. Фишер в письме известному историку Г.Ф. Миллеру писал о своем коллеге Ф.В. Юнкере: «он корчит из себя знатного господина, изучившего искусство

обращать на себя внимание при царском дворе, и находит там себе счастье» [14, с.487]; Я. Штелина он же характеризовал следующим образом: «Он слышет за изрядного поэта... успел втереться при дворе и ко многим знатным» [14, с. 541]. Учитывая, что способность «войти в случай», понравиться, не пренебрегая лестью и низкопоклонством, были почти нормой эпохи, наличие подобных характеристик свидетельствует о выходе отдельных ученых за пределы существующих поведенческих норм (по крайней мере, в глазах их коллег). О Ломоносове таких слов не говорили даже самые резкие его недоброжелатели. И это чрезвычайно показательный факт, подтверждающий, что наука всегда стояла для него на первом месте и в этом коллеги не сомневались.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что эпистолярная самопрезентация М.В. Ломоносова была целостной и осознанной стратегией, направленной на утверждение в русской культуре новой социальной роли — ученого-профессионала. Вопреки сословным нормам эпохи, он последовательно выстраивал свой авторитет не через апелляцию к происхождению или чину, а через подчеркивание личных интеллектуальных заслуг, преданности науке и исключительной роли в ее развитии. Переписка Ломоносова демонстрирует тонкое владение нормами эпистолярного этикета, сознательное варьирование тональности и риторических стратегий в зависимости от адресата, а также умение использовать письмо как инструмент социального позиционирования. Его письма свидетельствуют, что русская культура XVIII века искала язык для описания субъекта, выходящего за пределы традиционных сословных матриц. Именно поэтому они сохраняют значение не только исторического источника, но и социокультурного документа эпохи — свидетельство того, как текст становится инструментом онтологического самоутверждения личности в условиях становящейся модерности.

Библиография

1. Бирр-Цуркан Л. Ф. Этикетность как жанровая особенность эпистолярных текстов // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2018. № 8. С. 9-25.
2. Буняева М. В. Особенности чеховского эпистолярного дискурса // Северо-Кавказский психологический вестник. 2010. № 8. С. 51-54. EDN: RDYYUL
3. Грот Я. К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову // Материалы для истории рус. образования. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1862. 52 с.
4. Дорфман И. И. Речевой жанр приветствия/прощания в эпистолярном наследии А. П. Чехова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 132. С. 86-91. EDN: OPXTLR
5. Живов В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 61 с.
6. Кулакова И. П. Михаил Ломоносов: Жизненные стратегии в контексте эпохи // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 8. История. 2011. № 5. С. 16-38. EDN: OTSARV
7. Курьянович А. В. Жанрово-стилистические особенности русского эпистолярия первой трети XX века: узус и идиостиль (на материале писем М. В. Нестерова, Ф. И. Шаляпина, В. И. Вернадского, М. И. Цветаевой). Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2012. 308 с.
8. Курьянович А. В. Эпистолярий Д. Д. Шостаковича как способ авторского самовыражения // Вестник науки Сибири. 2013. № 2. С. 142-150. EDN: QCOOML
9. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950-1983. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734-1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 607-888.

10. Матвеев Е. М. К вопросу о библейских и богослужебных заимствованиях у М. В. Ломоносова // Словъне. International Journal of Slavic Studies. 2017. № 1. С. 393-412. DOI: 10.31168/2305-6754.2017.6.1.16 EDN: UUVQES
11. Миргородский А. А. Проблема человека в философии французского Просвещения // Культура и цивилизация. 2024. № 2 (20). С. 31-40.
12. Михаил Васильевич Ломоносов. Переписка. 1737–1765. М.: Ломоносов, 2010. 509 с.
13. Нгуен Тхи Ле Куен. Языковые особенности подписи в письмах А. П. Чехова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71), ч. 2. С. 122-125.
14. Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. В 2-х тт. Т. 2. СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1873. 1042 с.
15. Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. 472 с.
16. Полонский Д. Г. Самоидентификация русского дворянства и петровская реформа эпистолярного этикета (конец XVII – начало XVIII в.) // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 234-255. EDN: SJQHVD
17. Приклады како пишутся комплементы разные на немецком языке, То есть писания от potentatov к potentatom, Поздравителные и сожалетелные, и иные: Такожде между сродников и приятелеи. Переведены с Немецкого на Российский язык напечатаные повелением благочестивеишаго великого Государя Царя, И великого Князя ПЕТРА АЛЕКСИЕВИЧА Всех великия и малыя ибелыя России самодержца. В царствующем великому Граде Москве. Апр. 1708.
18. Прокуровская П. А. Самоименование М. В. Ломоносова в письмах // Русская речь. 1993. № 4. С. 79-82.
19. Сапожникова Н. В. Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса: автореф. дис. ... д-ра философских наук. Екатеринбург, 2005. 50 с. EDN: ZMXUQD
20. Строев А. "Моя чернильница меня убьет": эпистолярные досуги Фридриха Мельхиора Гримма // НЛО. 2004. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/str7-pr.html> (дата обращения: 29.09.2025).
21. Сулейманова М. А. Эпистолярные тексты М. Цветаевой: проявление лингвистической креативности элитарной языковой личности. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. С. 248-253.
22. Суровцева Е. В. Взаимоотношения М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова сквозь призму их эпистолярных обращений к И. И. Шувалову // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность. Брянск: "Брянский государственный инженерно-технологический университет", 2021. С. 265-272. EDN: ZGPDPH
23. Суровцева Е. В. М. В. Ломоносов и Академия наук (на материале писем И. И. Шувалову и М. И. Воронцову) // Страна-наука-люди: к 300-летию Российской академии наук. Материалы всероссийской научной конференции. Отв. редактор В. А. Веременко. Санкт-Петербург, 2023. С. 44-49. EDN: ULSEBS
24. Суровцева Е. В. М. В. Ломоносов о своём литературном и научном творчестве (на материале писем И. И. Шувалову) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2022. № 3. С. 59-64. EDN: VVEBAT
25. Суровцева Е. В. О чём пишут властям? Тематика писем М. В. Ломоносова И. И. Шувалову // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург, 2022. С. 155-157. EDN: HXIVQO
26. Филиппов А. К., Филиппов К. А. Некоторые особенности аббревиации в немецких текстах М. В. Ломоносова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 5 (104). С. 131-142. DOI: 10.23859/1994-0637-2021-5-104-11 EDN: IZCIT

27. Халатян А. А., Курьянович А. В. Эпистолярий В. Маяковского как дискурсивное пространство авторской самопрезентации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024, Вып. 6. С. 7-16. DOI: 10.23951/1609-624X-2024-6-7-16 EDN: KLJYWH
28. Язык писем М. В. Ломоносова: материалы для словаря / [К. Р. Галиуллин и др.]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. 202 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Работа посвящена достаточно редко встречающейся в российском гуманитарном знании теме – самопрезентации ученого посредством эпистолярного жанра. Автор предлагает рассмотреть стратегию конструирования идентичности на примере писем М.В. Ломоносова. В статье отмечается методологическое отличие данного текста от похожих работ, в которых использовалась либо историографический, либо лингвистический подходы. С учетом пояснений автора можно сделать вывод, что в статье превалирует культурологический подход к изучению индивида, где личность великого ученого М.В. Ломоносова интерпретируется как субъекта культуры, позиционирующего себя в определенных ролях.

Актуальность исследования связана, прежде всего, с тем, что социокультурная значимость науки в современной культурной, политической, экономической ситуации важна как никогда. И на примере личности одного из основоположников российского научного сообщества и университетской системы очень актуально проанализировать, – а какова роль ученого в российской культуре.

Новизна статьи определяется предметом исследования – эпистолярным наследием М.В. Ломоносова. Автор справедливо замечает, что письма М.В. Ломоносова никогда ранее анализировались как источник для понимания его личной стратегии конструирования идентичности.

Стиль текста сугубо научный, автор на высоком уровне владеет навыками научной работы, логично излагает материал и формулирует непротиворечивые выводы. Структура работы несколько размыта из-за отсутствия указания разделов в тексте. Однако изложение материала настолько грамотно и логично, что отсутствие четкого указания разделов не умаляет научности в работе.

Текст статьи изобилует ссылками и к биографии М.В. Ломоносова, и к историческим событиям, происходившим в XVIII веке, к законодательным актам того периода. Все это указывает на высокий уровень эрудиции автора и погруженность в тему исследования.

Однако необходимо отметить несколько замечаний. Первое замечание формальное. В предложении «Как правило, он оперировал риторикой государственной пользы, славы отечества, обязательной в данную эпоху» слово Отечество пишется с большой буквы.

Замечание по содержанию. В названии статьи автор употребляет понятие «идентичность». Понятие очень важное и принципиальное в рамках того исследовательского подхода, который выбрал автор. Но в тексте статьи отсутствует и определение идентичности, и объяснение, каким образом в письмах свою идентичность Ломоносов демонстрирует. В выводах автор пишет о самопрезентации Ломоносова как ученого. Наверное, было бы правильным в выводах указать для начала как идентифицировался ученый в России XVIII века и какое понимание термина «ученый»

было у Ломоносова. Вот тогда можно было бы полноценно говорить о том, что в статье выявлены стратегии самопрезентации Ломоносовым своей идентичности как «ученый». Еще одним положительным моментом в статье является обращение к оппонентам, исследователям, изучавшим эпистолярное наследие М.В. Ломоносова. Автор, используя богатый источниковедческий материал, доказывает некоторую несостоительность выводов оппонентов. Такой грамотный критический подход так же указывает на исследовательскую зрелость автора.

Библиография достаточно полно отражает содержание работы.

Исследование и выводы статьи могут быть востребованы специалистами разных научных направлений. Тема идентичности ученого в российской культуре очень актуальна и требует дальнейшего всестороннего изучения.

Статья полностью соответствует требованиям, предъявляемым научным публикациям.

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Фilonенко Н.С., Казакова Н.Ю. К возможности «телесно-ориентированного» дизайна: экологическая перспектива // Философия и культура. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.12.72971 EDN: UABQWF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72971

К возможности «телесно-ориентированного» дизайна: экологическая перспектива

Фilonенко Надежда Сергеевна

ORCID: 0000-0003-1459-9272

кандидат искусствоведения

доцент кафедры графического дизайна, Уральский государственный архитектурно-художественный университет

620075, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 23

✉ philonenkonadezhda@mail.ru

Казакова Наталья Юрьевна

ORCID: 0000-0003-0006-1412

доктор искусствоведения

профессор кафедры системного дизайна, Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина

119071, Россия, г. Москва, ул. Малая Калужская, 1

✉ kazakova-nu@rguks.ru

[Статья из рубрики "Философия и искусство"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.12.72971

EDN:

UABQWF

Дата направления статьи в редакцию:

08-01-2025

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена той ролью, которую вынужден играть дизайн в современном мире, являясь инструментом отчуждения человека от его собственного тела: в результате «растворения» человека в медиапространстве, или, напротив, в результате одновременного воздействия на разные органы чувств продуктов

«сенсорного проектирования». По мнению авторов статьи, противостоять процессу дегуманизации дизайна, обусловленному самой логикой развития западной цивилизации, способно только мышление, наследующее отличный от западного цивилизационный и культурный код. Вслед за американским философом дизайна Т. Фраем, авторы считают перспективным сегодня тип мышления, укорененный в дальневосточной традиции, поскольку оно опирается на представление о мире как «едином теле». Согласно философи, являясь, в сущности, реляционно-коррелятивным, это мышление может позволить западному человеку «устоять» в постоянно меняющемся мире. Авторы добавляют: для того, чтобы западному человеку начать мыслить по-настоящему «устойчиво», ему необходимо начать по-другому проживать опыт тела, опираться на другое понимание телесности. Поэтому цель статьи для них заключается в том, чтобы на основе дальневосточного понимания телесности ответить на вопрос, что значит для дизайнера сегодня «мыслить телесно». В ходе исследования авторы статьи выделяют основные аспекты «разума» тела, которое является опорой для «телесно-ориентированного» мышления дизайнера. Они подчеркивают, что дальневосточных мыслителей всегда интересовала соотнесенность «разума» тела с пульсацией мира. Тело мира, с одной стороны, пустотно, а, с другой – обладает четкой структурой. Взаимодействие с ним предполагает спонтанность (когда проектировщик создает эскиз «моментально», но как будто мимоходом) и уместность (когда проектное решение точно соответствует времени и месту). Отклик миру происходит на уровне реального ощущения в теле «мастера», однако, при условии, что «мастер» внутренне спокоен, «пустотен», то есть, уподоблен этому миру. Авторы исследования приходят к выводу, что «думать телесно» для восточного проектировщика, по-прежнему, значит ощущать живую связь всего со всем в этом мире, чувствовать его «единое дыхание». Способность воспринимать живость всего, что его окружает, позволяет ему самому чувствовать себя живым.

Ключевые слова:

воплощенное проектное мышление, телесно-ориентированный дизайн, телесно-ориентированная эпистемология дизайна, устойчивость, телесность, телесный опыт, резонанс в теле, восточный проектный подход, японский дизайн, Тони Фрай

Сегодня много говорят о негативных последствиях идеологии трансгуманизма (технологического усовершенствования биологического тела человека), ценности которого транслирует, прежде всего, промышленный дизайн. По справедливому замечанию отечественного философа В. А. Рыбина, концепция «устойчивого развития» лишь растягивает процесс угасания техногенной цивилизации, поэтому сегодня необходимо формирование такой позиции, которая сохраняет преобразовательную устремленность западной цивилизации без утраты естественности человеческого бытия [1, с. 7]. Другими словами, технологические новшества должны подталкивать человека «думать телесно», а не превращать его в постав (и такие попытки сегодня активно предпринимаются дизайнерами [2]).

Однако вопрос заключается в том, что на самом деле значит «думать телесно», какое понимание телесности необходимо брать за основу.

Для ответа на этот вопрос обратимся к истории формирования «телесно-ориентированной» эпистемологии в дизайне. Насколько мы можем судить, ее развитие

началось с критики ректором Ульмской школы Т. Мальдонадо «эргономического подхода», защищаемого делегацией советских дизайнеров на конференции ИКСИД 1965 г. Критика заключалась в том, что центральным предметом эргономики была «адаптация оружия к солдату, и очень часто – несмотря на заявления эргономистов – адаптация солдат к оружию» [3, с. 24]. Этот подход, по словам Т. Мальдонадо, не позволял учитывать при проектировании какие-либо телесные привычки человека. Развивать новый проектный подход начал выходец из Ульмской школы К. Криппендорф, обративший внимание на возможности, простирающиеся одновременно из условий среды и устройства тела человека. Благодаря нему проектирование в сфере взаимодействия человека и компьютера стало исходить из потенциальных возможностей человеческого тела [4].

Сегодня дизайн взаимодействия развивается в сторону неэкранных интерфейсов, и это только усиливает интерес к телесному опыту со стороны современных дизайнеров, которые активно исследуют возможности человеческого тела. На «парадигмальный сдвиг» довольно быстро реагирует дизайн-образование. Так, государственный финский университет Аалто развивает направление “embodied design”, шведский государственный университет в г. Мальмё предлагает магистерский курс “Interaction Design: Embodied Interaction”, а старейший скандинавский университет в г. Уппсала (Швеция) приглашает слушателей на курс “Human-Computer Interaction: Embodied Interaction”. В России курс «Воплощенные взаимодействия» читается в Санкт-Петербургской школе физико-математических и компьютерных наук.

Можно сказать, что интерес к опыту тела со стороны западных дизайнеров стимулируется сегодня той сферой, которая ассоциируется с «исчезновением» актуального тела субъекта и «заменой» его на виртуальное тело – с медиадизайном. Для нас важно то, что «исчезнувшее» актуальное тело пользователя компенсирует свое «отсутствие» в мире удивительной физической вовлеченностью во все внешнее. По тонкому замечанию отечественного медиафилософа В. В. Савчука, сегодня «телу возвращается архаическая размерность, оно становится частью живого мира, относится к внешнему с симпатией, то есть как самому себе, сочувствуя» [5, с. 8]. Отсюда такой невероятный интерес западных исследователей к проектированию сенсорного восприятия в дизайне (англ. “sensory design”) и, как следствие, огромное количество книг по «сенсорному дизайну», «мультисенсорному дизайну», «синестетическому дизайну» и пр. в сфере средового проектирования, промышленного и гейм-дизайна.

Интересно, что восточноазиатские исследователи стремятся найти другой путь. Например, рассуждая о японской электронике и автомобилях, японский исследователь Хироюки Ногути подчеркивает, что эти технические достижения не имеют ничего общего с японской культурой и что они являются лишь «довольно простым выражением шока, испытанного японцами при столкновении с современной цивилизацией Запада». По его словам, «не имея каких-либо общих знаменателей с современным обществом Запада, японцы превратили свое огромное чувство неравенства в прославление и поклонение [перед Западом] как средство самозащиты», потеряв, в результате, свою «тонкую [телесную] чувствительность» [6].

С точки зрения Хироюки Ногути, японскую «чувствительность» «убивает» предоставляемый западной техникой комфорт. И этот момент требует пояснения для западного человека. Дело в том, что японцев всегда интересовала не просто развитость у человека слуха или обоняния, а, скорее, его способность ощущать свое единство с изначальным (а потому отсутствующим во плоти, или пустотным) телом мира, или, если

говорить упрощенно, ощущать связность всего со всем: с этой точки зрения, избыточный комфорт – это то, что нарушает гармонию человека с миром.

Речь идет о той чувствительности, которую известный японский теоретик и практик дизайна Тиаки Мурата определяет как способность дизайнера коммуницировать, или, отказавшись от своего «эго», понимать чувства потребителя [7]. Об этой же чувствительности, невозможной без определенной внутренней отрешенности, или «пустотности», пишет в своей недавней книге японский дизайнер Сато Таку, понимающий под дизайн-мышлением «воплощенную» технику, в которой задействуется чувствительность человека, данная ему от природы [8, с. 64].

Мы полагаем, что такого рода чувствительность сегодня могла бы стать телесной основой экологического мышления. Собственно, об этом пишет американский философ дизайна Т. Фрай в своей недавно переизданной на русском языке книге «Дефутурация: новая философия дизайна» (2023). В ней философ призывает современных проектировщиков к развитию особого типа мышления, напоминающего коррелятивное мышление Древнего Китая (мышление, которое позволяет видеть неочевидные связи) и наделяющего человека «способностью устоять», или способностью «определять, какое действие будет подходящим и ответственным в постоянно меняющихся реляционных обстоятельствах» [9]. Можно сказать так: для того, чтобы начать мыслить экологично, западному человеку сегодня необходимо начать по-другому проживать опыт тела, начать ощущать свое тело как единое целое (соответственно, лучшим дизайнером становится не тот, кто «не доучился [не став ученым]», а тот, кто учится мыслить по-настоящему телесно на протяжении всей своей жизни).

Остановимся на понимании тела дизайнера как «мыслящего органа» проектировщика более подробно.

1) «Живое тело» как «мыслящий орган» проектировщика

Отечественные эпистемологи Я. И. Свирский и В. И. Аршинов, соглашаясь с гонконгским философом Юком Хуэем в том, что сегодня «органическое становится новым условием философствования», пишут об актуальности «реляционно-трансдуктивного» типа мышления. Речь идет, в сущности, о «мышлении» тела, ориентированного на интерпретацию сложных данных из внешних источников для последующего принятия человеком осознанного решения [10, с. 180]. Подчеркнем, что «мышление» тела – не метафора: с точки зрения современной когнитивной науки, «мышление» буквально распределяется по тканям организма (в частности, для удержания тела в вертикальном положении человеку не требуется участие головного мозга) [11, с. 20]. Можно сказать, что «мыслящим органом» мыслителя и проектировщика сегодня признается тело, как бы продолжающееся в окружающую среду.

В связи с распространением концепции «воплощенного» разума учеными сегодня пересматривается представление о бессознательном, принятом в психоанализе. С точки зрения когнитивистов, реальность формируется не столько желаниями человека, сколько когнитивными шаблонами, зафиксированными в конкретном языке и возникающими на основе телесного опыта людей. Американский когнитивист М. Джонсон приводит пример со словом «скрученный», значение которого для человека раскрывается на довербальном уровне через опыт скрученности собственного тела [12, с. 26]. То же касается пробела между словами – это уже не просто написанные строки, а, скорее,

физически ощущаемый смысл от их перечитывания [\[12, с. 62\]](#).

Особую роль «мышления» тела мы наблюдаем в дальневосточной традиции. Однако дальневосточных мыслителей всегда интересовал и продолжает интересовать не столько ответ на вопрос, как человек мыслит, будучи воплощенным в теле, сколько соотнесенность его «мыслей» с пульсацией единого тела мира. Когда, например, японский дизайнер Токудзин Ёсиока говорит, что мышление линейно, но «изначально это нечто круглое» [\[13, с. 41\]](#) (а, вернее, сферическое), он говорит не о пространстве, потенциально занимаемом физическим телом, а обо всем мире как едином целом. Связь с миром, если исходить из его слов, возникает, когда образ будущего объекта словно вырывается из сердца дизайнера [\[13, с. 8\]](#).

Японский архитектор Тадао Андо понимает тело (яп. «син-тай») как «вместилище активной интуиции, взаимодействующей с миром» [\[14, с. 26\]](#). Он называет это «[разумное] тело» подлинным «я» человека (на самом деле, смыкающимся с «не-я» и потому позволяющим ему ощущать жизненную силу конкретного места) [\[15\]](#). Пустотное «тело» будущего здания, по словам Тадао Андо, физически ощущается им уже тогда, когда он впервые приходит на место, отведенное для строительства. Неудивительно, что архитектор создает свои эскизы как будто мимоходом, на самом деле, ожидая подходящего момента, когда возникшее на месте строительства ощущение-замысел раскроется во всей своей полноте [\[16, с. 20\]](#).

Отметим, что представление о теле как пустом сосуде, или, в современной версии китайского языка, внешней оболочке, восходит к пиктографическому изображению беременной женщины, впоследствии ставшему иероглифом «[пустотное] тело» 身 (кит. «шэнь» / яп. «син»). Однако в дальневосточных языках существует и другой знак, обозначающий тело, – иероглиф 体 (кит. «ти» / яп. «тай»), или «[структурное] тело» (тело с костями). В современных китайском и японском языках эти два иероглифа, собственно, и образуют понятное западному человеку слово «тело» / «организм» – 身体 (кит. «шэнь-ти» / яп. «син-тай»).

«Структурное тело» японский исследователь Хироюки Ногути поясняет на примере японских «ката», смысл которых заключается в том, чтобы человек нашел такое положение тела, при котором он начинает чувствовать освобождение от плоти, поскольку «опирается» на собственные кости [\[6, с. 21\]](#). При этом основной для японцев является сидячая поза «сэйдза», которая, будучи правильно выполненной, по словам исследователя, позволяет человеку обрести «истинную восприимчивость» к миру [\[6, с. 20\]](#).

Добавим к сказанному, что, с точки зрения японской традиции, такая восприимчивость нужна человеку для того, чтобы принять неистощимую жизненную силу мира. Для европейца это кажется чем-то мистическим, но именно об этой жизненной силе говорит, на самом деле, японский архитектор Кенго Кума, когда, критикуя «сильную» архитектуру Запада, он связывает аварию на АС «Фукусима-1» в 2011 г. с «местью» места [\[17, с. 9\]](#).

Как мы уже отмечали, мир, с точки зрения дальневосточной традиции, представляет собой «единое тело» 一体 (кит. «и-ти»), оно невидимо, но обладает структурой. По словам китайского архитектора Ван Шу, этот огромный «единотелесный» мир трудно созерцать напрямую: человек всегда видит либо упрощенное целое, либо только детали [\[18, с. 29\]](#). С его точки зрения, задача проектировщика заключается в том, чтобы, не

упрощая понимание целого, начать видеть корреляционные («непричинные») связи между вещами (не случайно китайское понятие «ди-ши» – это не просто «рельеф», но «ситуация местности»). Именно эти связи улавливаются мастерами в традиционной китайской живописи и каллиграфии: поэтому студенты Ван Шу обучаются, прежде всего, этим занятиям, а не работе на компьютере, как учащиеся в других проектных школах по всему миру [\[18, с. 61\]](#).

2) «Резонанс» в теле как показатель уместности найденного проектного решения

Джонсон М., соглашаясь с американским философом Дж. Дьюи, подчеркивает, что всякая мысль является «воплощенной [в теле]» и нагруженной ценностями, поэтому каждый случай мышления управляемся благодаря своему собственному эстетическому качеству [\[12, с. 77\]](#). В советских учебниках по дизайну эту мысль было принято выражать словами о том, что некрасивый самолет не летает – точнее, не летает самолет, интуитивно ощущаемый конструктором как «некрасивый».

Несколько по-другому об этом сегодня пишут японские дизайнеры. По словам японского теоретика и практика дизайна Масаюки Курокава, для японцев, постигающих мир, скорее тактильно, чем зрительно и интеллектуально, форма вещи не так важна, как важен материал, из которого она сделана [\[с. 119\]](#). Японский дизайнер международного уровня Токудзин Ёсиока также подчеркивает, что новизна вещи заключается не в ее форме, а в работе материала. При этом источником вдохновения, по словам дизайнера, для него является срез материала (яп. «киригидзи»), вдруг открывающий его красоту, или даже его «сердце» [\[13\]](#). Насколько мы можем судить, речь идет о возникновении у дизайнера ощущения, что у материала есть собственный пульс (неслучайно Хироюки Ногути определяет японское «вадза» («мастерство», «искусство») как способность мастера «[телесно] воспринимать неосознанное» [\[6, с. 15\]](#)).

Хироюки Ногути очень необычно для европейского взгляда описывает, каким образом раньше сохранялась жизненная сила древесины с точки зрения японских плотников. Он пишет, что деревья, растущие на восточных склонах горы, использовались в качестве опор для восточной стороны зданий, а деревья с западных склонов использовались на западной стороне. Таким образом деревья, по его словам, обретали «вторую жизнь», и у человека возникало ощущение, что вокруг него течет жизнь. Именно в этом ощущении живости окружающего мира и состояла суть «комфорта» для восточного человека, а не в мягкости автомобильных кресел и диванов в гостиной [\[6, с. 15\]](#).

Подчеркнем, что дальневосточных мастеров до сих пор продолжает интересовать «пространство всеобщего резонанса, где ничто не тождественно другому, но все всему [точно] со-ответствует» (как звук и эхо, тело и тень) [\[19, с. 30\]](#). Согласно этому мироощущению, человеческое тело также должно двигаться в соответствии с пульсацией жизни, присущей миру, в котором все является живым (этот ритм «слышится», например, в паузе после японского поклона). Если человек попадает в этот живой ритм мира, то, с точки зрения дальневосточной традиции, он получает от него подлинную силу, не связанную с физической крепостью мышц [\[6, с. 19\]](#).

Отметим, что идея телесного резонанса человека с миром не имеет серьезного обоснования в западной науке, однако, восточный художник привык взглядываться в пустое пространство свитка, стремясь на уровне тела ощутить жизненность живого. Благодаря этому, например, клубы облаков или туман на картине выглядят так, как

будто, находясь в постоянном движении, они создают деревья и горы. В конце концов, это «вдумчивое» взглядывание в живописный свиток позволяет человеку найти свое место в мире [\[20, с. 276\]](#).

Для нас важно то, что «резонанс» (кит. «гань-ин»), изначально опирающийся на представление об отношении человека и Неба как двух настроенных в унисон музыкальных инструмента, заставляет дальневосточного мыслителя фокусироваться на «сердце вещей», а не на своем внутреннем состоянии до-восприятия. Мы полагаем, что именно в этом кроется причина беспрецедентной развитости у дальневосточных проектировщиков «интуиции практического действия» (Е. Л. Скворцова). Для них наиболее важным оказывается умение интуитивно находить уместные проектные решения. Именно этот момент подчеркивает, например, Ван Шу, когда описывает свой проектный подход: по его словам, архитектурный чертеж может казаться «неуклюжим и неловким», но выстроенное по этому чертежу здание всегда точно соответствует своему месту [\[18, с. 71\]](#).

С точки зрения дальневосточной традиции, резонанс человека с миром усиливается, когда человек достигает области не-мышления и не-деяния [\[20, с. 201\]](#). Поэтому когда, например, отечественный медиафилософ К. А. Очеретяный, обосновывая соматическую эпистемологию в философии, пишет, что «степень понимания зависит не от отстранения, а от живого проникновения в среду» [\[21\]](#), с точки зрения дальневосточной традиции, он все же уходит в крайность, поскольку чувственное восприятие, на самом деле, требует от человека отрешенности (впрочем, не тождественной безразличию).

Добавим к сказанному, что тело разумно «для себя», оно само-рефлексивно [\[22, с. 295\]](#), а значит, телесное сознание совсем не обязательно дает разуму человека ясную картину. Не случайно дальневосточное искусство всегда фокусировалось на внутреннем, поглощенном, скрытом, традиционно ассоциирующимся с тенью. Китайские художники учились писать цветы по их тени на белой стене в саду: «войти в тень» для художника значило увидеть каждую вещь в ее полноте, другими словами, ощутить ее связь с миром.

Сегодня японцы считают хрестоматией по японскому дизайну эссе «Похвала тени» (1933), в котором Танидзаки Дзюнъитиро подчеркивал, что полумрак и тишина традиционных японских сооружений обостряет чувствительность людей – к звукам капель дождя за окном, холодному чистому воздуху, глубинному блеску лакированной посуды или полупрозрачности японского мармелада. Отдавая дань уважения Танидзаки Дзюнъитиро, известный японский теоретик и практик дизайна Кэнъя Хара связывает дизайн-проектирование с чувствительностью человека, рождающейся из его повседневной жизни [\[23, с. 10-11\]](#). Эта чувствительность позволяет дизайнеру создавать среду, способствующую точному вписыванию человека в мир.

Заключение

Наибольший вклад в развитие «человечного» дизайна (в котором жизненный опыт проектировщика соединяет в единое целое телесный и духовный аспекты) сегодня вносят японские проектировщики. Результаты их проектной и исследовательской деятельности позволяют нам говорить о возможности «телесно-ориентированного» дизайна как альтернативы «человеко-ориентированному» дизайну, который опирается на достижения в сфере высоких технологий с тем, чтобы сделать среду человека максимально комфортной (в соответствии с идеологией трансгуманизма), вместо того,

чтобы выстраивать гармоничные отношения человека с миром.

Показательно, что основатель сомаэстетики Р. Шустерман, обосновывая сомаэстетический подход в архитектуре, заявляет об эмоциональной вовлеченности воплощенного человека в мир как о его естественном состоянии. Он цитирует слова американского философа У. Джеймса: «Тело – это центр бури, источник координации, постоянное место стресса в нашем опыте-обучении. Все вращается вокруг него и воспринимается с его точки зрения» [\[24, с. 288\]](#).

«Думать телесно» для восточного человека значит ощущать живую связь всего со всем в этом мире, чувствовать «единое дыхание» мира. Способность воспринимать живость всего, что его окружает, позволяет ему самому чувствовать себя живым. На самом деле, это состояние требует от человека определенной внутренней отрешенности, и именно оно является по-настоящему естественным. Не случайно известный японский психолог и психиатр Хаяо Каваи как-то заметил, что современные дети, даже когда смотрят выступление актеров, не погружаются в него, а выкриками и болтовней пытаются остановить его ход. Даже если человек умирает, дети кричат: «Это лишь имитация!» По его словам, эти дети из всех сил сопротивляются «настроению» спектакля – они боятся «забыть себя» как воплощенных в теле живых существ [\[25\]](#).

Библиография

1. Рыбин В. А. Трансгуманизм как проблема экологического кризиса. // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 13 (409). Философские науки. Вып. 46. С. 5-15.
2. Höök K. Designing with the Body: Somaesthetic Interaction Design. Cambridge(USA), London: The MIT Press, 2018.
3. Maldonado T., Bonsiepe G. Science and Design. // Ulm. 1965. No. 10/11. Pp. 10-29.
4. Krippendorff K. The Semantic Turn. Boca Raton, Florida: CRC Press, 2005.
5. Савчук В. В. О предмете медиафилософии. // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 3(4). С. 6-10.
6. Noguchi H. The Idea of the Body in Japanese Culture and its Dismantlement. // International Journal of Sport and Health Science. 2004. No. 2. Pp. 8-24.
7. Murata Ch. Zero kara no bijinesu inobeshyon – kansei potensharu shikohō [Мышление «Потенциальная чувствительность»]. Tokyo: Seisansei Shuppan, 2017.
8. Sato T. So-suru shiko [Пластичноемышление]. Tokyo: Shincho-sha, 2024.
9. Фрай Т. Дефутурация: новая философия дизайна. М.: «Дело» РАНХиГС, 2023.
10. Свирский Я. И., Аршинов В. И. Реляционно-трансдуктивное мышление как аспект мышления-вместе-со-сложностью: опыт когнитивного погружения. // Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного макросдвига. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2023. С. 158-266.
11. Penny S. Making Sense: Cognition, Computing, Art and Embodiment. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2017.
12. Johnson M. The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
13. Yoshioka T. Mienai katachi. [Невидимые формы.] Tokyo: Esquire Magazine Japan, 2009.
14. Ando T., Furuyama M., Migayrou F., Lavisgnes S., Blistene B. Tadao Ando: Endeavors. Paris: Flammarion, 2019.
15. Shirazi M. An Investigation on Tadao Ando's Phenomenological Reflections. //

- Armanshahr Architecture & Urban Development. 2012. No. 5 (8). Pp. 21-31.
16. Ando T., Frampton K. Tadao Ando. New York: Museum of Modern Art, 1991.
17. Kuma, Kengo. Basho genron – kenchiku wa ika ni shite Basho to setsuzoku suru ka [Теория места: является ли архитектура продолжением места?]. Tokyo: Ichigaya Shuppan-sha, 2012.
18. Wang Sh., Ged F., Pechenart E., Horko K. Wang Shu: construire un monde different conforme aux principes de la nature: Building a Different World in accordance with Principles of Nature. Paris: Editions des Cendres, 2012.
19. Малявин В. В. Пространство в китайской цивилизации. М.: Феория, 2014.
20. Hui Yu. Art and Cosmotechnics. New York: e-flux, 2021.
21. Очеретяный К. А. Тело человека – зона отчуждения: к возможностям соматической эпистемологии. // Studiaculturae. 2017. № 2 (32). С. 127-136.
22. Савчук В. В. Топологическая рефлексия. М.: Канон + РООИ «Реа-билитация», 2012.
23. Hara K. Dezain-no dezain. [Дизайн дизайна] Tokyo: Iwanami shoten, 2018.
24. Schusterman R. Somaesthetics and Architecture: A Critical Opinion. // Architecture in the Age of Empire: 11th International Bauhaus-Colloquim. Weimar: Bauhaus-University, 2009. Pp. 283-99.
25. Kawai, H. Shiawase megane [Очки счастья]. Tokyo: Kaimei-sha, 1998.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Философия и культура» статье, как отметил автор в заголовке («К возможности «телесно-ориентированного» дизайна: экологическая перспектива»), является экологическая перспектива «телесно-ориентированного» дизайна. Соответственно, предметная область современного дизайна, сформировавшаяся в рамках межкультурного диалога Востока и Запада, именуемая как «телесно-ориентированный» дизайн, представляет собой объект исследования.

Автор справедливо отмечает возросший интерес западных дизайнеров и теоретиков к сомаэстетике и допредиктивной когнитивистике. Правда этот интерес продиктован в большей мере технологической перспективой трансгуманизма — поиском технологий выхода человека за пределы телесных ограничений при сохранении ощущения вестернизированного «комфорта». Наиболее остро, как аргументировано отмечает автор, дисгармония вестернизированного «комфорта» с внешним миром ощущается японскими дизайнерами, привыкшими терпеть «преимущества» западного дизайна в угоду доминирующей западной культуре, сохраняя приверженность традиции в маргинализированной сфере индивидуальных предпочтений. Тем не менее именно на Востоке (Япония, Китай) в силу традиционных синcretических представлений о принадлежности человеческого тела незримой гармонии телесности мира, что запечатлено, в том числе, в глубинных культурных концептах мировосприятия и отражено иероглифически в языке, формируется экологическая перспектива «телесно-ориентированного» дизайна как практики проектирования вхождения человека в непроявленную гармонию телесности окружающей среды.

Автор приходит к выводу, что «наибольший вклад в развитие «человечного» дизайна (в котором жизненный опыт проектировщика соединяет в единое целое телесный и

духовный аспекты) сегодня вносят японские проектировщики. Результаты их проектной и исследовательской деятельности позволяют нам говорить о возможности "телесно-ориентированного" дизайна как альтернативы "человеко-ориентированному" дизайну, который опирается на достижения в сфере высоких технологий с тем, чтобы сделать среду человека максимально комфортной (в соответствии с идеологией трансгуманизма) вместо того, чтобы выстраивать гармоничные отношения человека с миром». По мнению автора, «"думать телесно" для восточного человека значит ощущать живую связь всего со всем в этом мире, чувствовать "единое дыхание" мира», и, соответственно, «способность воспринимать живость всего, что его окружает, позволяет ему самому чувствовать себя живым», ... «это состояние требует от человека определенной внутренней отрешенности, и именно оно является по-настоящему естественным». Вывод хорошо аргументирован и заслуживает доверия.

Таким образом, предмет исследования раскрыт автором на высоком теоретическом уровне, и статья заслуживает публикации в авторитетном научном журнале.

Методология исследования опирается на философские методы аналитического и критического анализа специальной литературы, подкрепленные культурологической типологизацией концепций мировосприятия и семантическими наблюдениями. В целом авторский методический комплекс адекватен решаемым научно-познавательным задачам. Раскрываемая «телесно-ориентированным» дизайном экологическая перспектива обоснована как более естественное и рациональное направление развития культурной среды, нежели техно-центристский трансгуманизм.

Актуальность выбранной темы автор поясняет расширяющимся в системе западного дизайнераского образования интересом к сомаэстетике и допредикативной когнитивистике. Но если на Западе преодоление ограниченности европейского рационализма ведет к трансгуманизму, к расширению эргономики за счет нового дизайна (пересборки) тела (сомаэстетика Р. Шустермана), то на Востоке (Япония, Китай) «телесно-ориентированный» дизайн по существу является возвратом к традиционному мироощущению, формируя экологическую перспективу вхождения человека в непроявленную гармонию тела мира.

Научная новизна исследования, выраженная в аналитическом обзоре и обобщении специальной литературы и авторских выводах, заслуживает теоретического внимания.

Стиль текста автор выдержал исключительно научный. Структура статьи раскрывает логику изложения результатов научного поиска.

Библиография хорошо отражает проблемную область исследования, оформлена без существенных нарушений требований редакции и ГОСТа.

Апелляция к оппонентам максимально корректна и достаточна, автор аргументировано участвует в острой теоретической дискуссии.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философия и культура» и может быть рекомендована к публикации.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Саяпин В.О. К онтологии цифровой чувствительности: Симондон, Латур и Стиглер о новой перцептивной грамматике // Философия и культура. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.12.75788 EDN: TVJMJG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75788

К онтологии цифровой чувствительности: Симондон, Латур и Стиглер о новой перцептивной грамматике**Саяпин Владислав Олегович**

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент; кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

vlad2015@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия техники"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.12.75788

EDN:

TVJMJG

Дата направления статьи в редакцию:

07-09-2025

Аннотация: В эпоху тотальной цифровизации, когда искусственные нейронные сети курируют наше внимание, а социальные сети функционируют как машины по производству аффектов, вопрос о том, как мы воспринимаем мир, приобретает не просто академический, а острогоциальный характер. Данная статья предлагает радикальный онтологический поворот в осмыслении цифровой эпохи, утверждая, что ключевым политическим полем XXI века становится сама структура человеческого восприятия. Через синтез концепций технической индивидуации Симондона, «фармакологии» внимания Стиглера и акторно-сетевой теории Латура мы демонстрируем, что цифровые технологии – это не просто инструменты, а активные со-архитекторы новой «перцептивной грамматики». Эта грамматика – скрытая совокупность правил и фильтров, определяющих, что может быть увидено, услышано и прочувствовано. Она производится в гибридных сетях, где алгоритмы, интерфейсы и практики пользователей сплетаются в новый режим чувственности, требующий собственной деконструкции. Новизна подхода

заключается в отказе от рассмотрения технологии как нейтрального посредника. Отсюда методологический подход исследования базируется на последовательном применении трех теоретических оптик: концепции индивидуации (Симондон), акторно-сетевой теории (Латур) и фармакологического подхода (Стиглер). Такой трехуровневый метод, восходящий от онтологического обоснования через эмпирическое прослеживание к критической оценке, позволяет не просто описать, но и проблематизировать политику цифровой чувствительности во всей ее сложности. Актуальность данного исследования обусловлена беспрецедентным вызовом, который технологические платформы бросают человеческой агентности и автономии. Если Симондон предоставляет онтологический базис, понимая технику как условие возможности самой индивидуации, а Латур как метод для эмпирического прослеживания сборок, производящих реальность, то Стиглер вносит критический и политический вектор. Его анализ «пролетаризации чувствительности» под давлением индустрии внимания позволяет поставить следующий центральный вопрос. «Чьи интересы, и какие логики (экономические, политические, идеологические) кристаллизуются в этой новой перцептивной грамматике?». Таким образом, статья настаивает на том, что борьба за будущее – это борьба за саму «материю» опыта, и призывает к разработке новой «терапевтики» цифровой чувствительности, способной противостоять ее тотальной капитализации.

Ключевые слова:

Симондон, Стиглер, Латур, доиндивидуальное, трансиндивидуальное, индивидуация, фармакон, квазиобъект, актор, актор-сеть

Введение

Мы живем в эпоху, когда современная техносоциальная реальность более не является готовой данностью, а непрерывно индивидуируется через вычислительные среды и технические объекты. Повседневный опыт погружен в метастабильное поле цифровых ассамбляжей, где алгоритмы предвосхищают потенциалы желания, интерфейсы направляют векторы внимания, а облачные платформы становятся «операторами трансиндивидуации», активно участвуя в кристаллизации новых режимов чувствительности и коллективного бытия. Это фундаментальное преобразование затрагивает не только то, что мы видим, но и саму структуру нашего восприятия, его темпоральность, интенсивность, эмоциональную окраску и способность к различию. Онтологический статус чувственного опыта более не может рассматриваться в рамках классической парадигмы субъективности. В этой связи требуется новый понятийный аппарат, способный учесть гибридную природу восприятия, «сплетенного» из человеческих и нечеловеческих, органических и технических индивидов. Отсюда следует, что актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмыслиения принципиально новых механизмов глобального управления, которые действуют не через внешнее принуждение, а через трансформацию самих условий формирования опыта.

В отличие от классических моделей, современные технологии управления, алгоритмические ленты, системы рекомендаций, биометрические облачные платформы функционируют как «операторы трансдукции», активно перестраивая доиндивидуальное поле потенциалов, из которого кристаллизуются режимы чувственности. Эти технологии – не просто инструменты, а фармаконы, которые, вмешиваясь в процессы трансдукции, одновременно открывают и закрывают возможности для становления нового опыта. Они

формируют перцептивную грамматику восприятия текущего момента (настоящее), определяя, какие содержания могут стать событиями для восприятия, а какие останутся в зоне неразличимого, какие аффективные траектории получат развитие, а какие будут заблокированы. В результате социальное противостояние сегодня перемещается на уровень онтологии: вопрос о том, как технические объекты опосредуют трансиндивидуальные отношения и какие режимы индивидуации они поддерживают, становится ключевым для понимания будущего способности чувствовать, мыслить и действовать. В этом контексте анализ цифровой чувствительности оказывается не академической задачей, но условием возможности критической теории и практик, способных противостоять редукции человеческого опыта к алгоритмически управляемым шаблонам.

В ответ на этот вызов статья обращается к трем ключевым мыслителям, предлагающим радикально переосмыслить отношения между цифровыми технологиями и чувственностью. Онтология индивидуации выдающегося мыслителя техники и технологических новшеств Жильбера Симондона (1924–1989) позволяет увидеть в цифровых (облачных) платформах не инструменты, а активных участников становления восприятия, формирующих новые трансиндивидуальные отношения. Акторно-сетевая теория антрополога и философа Бруно Латура (1947–2022) дает метод для эмпирического прослеживания гетерогенных цифровых сетей, в которых рождается и функционирует коллективная чувствительность. Наконец, фармакологический подход известного философа и антрополога Бернара Стиглера (1952–2020) вносит критический пафос, обнажая диалектику угрозы и возможностей: цифровая грамматика чувственности одновременно и «пролетаризирует» опыт, подчиняя его логике цифровых платформ, и открывает пространство для новых структур индивидуации и коллективной борьбы за внимание. Синтезируя эти подходы, статья вводит понятие «новой перцептивной грамматики» – системы технических, социальных и экзистенциальных правил, которые организуют саму возможность быть затронутым в цифровой ассоциированной среде. Эта грамматика не просто опосредует, но активно производит реальность, определяя, что может стать событием для восприятия, а что останется незамеченным шумом, что будет усилено, а что отфильтровано. Поэтому политика чувствительности оказывается не метафорой, а центральным полем борьбы за «трансиндивидуальное» и все еще грядущее, а именно – право определять, как и что мы можем чувствовать.

Таким образом, теоретический фундамент данного исследования образует триада ключевых мыслителей, чьи работы задают необходимые онтологические, методологические и критически-нормативные перспективы. Симондон с его концепцией «индивидуации» и анализом отношений индивида и технического объекта предоставляет онтологическое основание, позволяющее понять чувствительность не как свойство этого субъекта, а как процесс становления, всегда опосредованный техническими условиями. Латур и его акторно-сетевая теория предлагает методологический инструментарий для эмпирического прослеживания того, как гетерогенные сети человеческих и нечеловеческих акторов (алгоритмов, интерфейсов, данных) собирают реальность и конституируют саму возможность определенного восприятия. Наконец, Стиглер вводит критический и политический вектор через понятие «фармаcona», раскрывая двойственную природу техники как угрозы, ведущей к «пролетаризации» чувственности, через захват внимания и как потенциала для новой терапевтики и коллективной индивидуации. Вместе они образуют аналитический каркас, позволяющий исследовать механизмы управления на уровне их непосредственного воздействия на способность чувствовать и быть затронутым.

Основной целью данной работы является введение и обоснование концепта «новой перцептивной грамматики» как системы технически опосредованных правил, определяющих условия возможности чувственного опыта в цифровую эпоху. Это понятие синтезирует онтологию индивидуации Симондона, методологию ассамбляжей Латура и критику фармакона Стиглера, позволяя анализировать как алгоритмы, интерфейсы и платформы активно формируют не только то, что мы воспринимаем, но и саму структуру нашего восприятия, его темпоральность, аффективную интенсивность и способность к различению. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи. Во-первых, раскрыть симондонианскую концепцию «технического объекта» как условия индивидуации, показывая, как цифровые объекты участвуют в становлении трансиндивидуальных отношений. Во-вторых, используя аппарат акторно-сетевой теории, проследить, как конкретные сети человеческих и нечеловеческих акторов материально производят перцептивные режимы. В-третьих, применить стиглеровскую критику фармакона к анализу двойственной природы цифровой грамматики как инструмента «пролетаризации внимания» и потенциального ресурса для новых форм коллективной чувствительности. В итоге статья не только предлагает новый концептуальный инструмент, но и демонстрирует его эвристическую ценность для анализа механизмов глобального управления, действующих на уровне перцептивного опыта.

Онтологические основания: Симондон и техногенез чувствительности

Фундаментальный вклад Симондона в онтологию заключается в радикальном отказе от понятия «готового» индивида как исходной точки философского анализа. В своих работах^[1,2,3,4,5] он последовательно разворачивает критику любой философии, которая принимает индивидуализированное бытие как данность, игнорируя процесс его становления. Симондон демонстрирует, что традиционный подход, восходящий к Аристотелю и доминирующий в европейской метафизике, подменяет генетический вопрос о возникновении индивида вопросом о его сущности. Отсюда следует, что этот подход замыкается на готовых формах, упуская из виду саму динамику индивидуации. Эта критика направлена не только на субстанциальные онтологии, но и на картезиансское «Cogito» и на феноменологию сознания, которые исходят из первичности уже сформированного индивида^[5,р.24-26].

В этой связи, хотя термин «индивиду» и сохраняет свой универсальный охват у Симондона, применимый ко всем «регионам бытия», этот мыслитель дистанцируется от его традиционной связи с субстанцией или сущностью, акцентируя вместо этого множественность «режимов индивидуации»: физической, биологической, психической и коллективной. Это переопределение индивида как процесса, а не данности позволяет ему согласовать два, на первый взгляд, противоречивых тезиса. С одной стороны, наука возможна только об индивиде, а с другой – что строго говорить следует не об индивиде, но об индивидуации^[5,р.191]. Поэтому проект Симондона можно рассматривать как своеобразный неоаристотелизм при условии радикального переосмысливания традиционных категорий в свете современной науки и техники. Вот почему для формализации сложностного^[6,с.72,7,с.16,8,9] статуса индивида Симондон вводит две взаимодополняющие категории: «структуру» и «операцию». Индивид как структура предстает «фазосдвигающей системой», где разнонаправленные процессы сосуществуют в непрерывном взаимодействии^[2,р.27]. Как операция он вовлечен в трансдуктивные процессы – нелинейное распространение изменений, характеризующееся разрывами и скачками.

В результате индивид определяется через пространственность (фазовый сдвиг) и временность (трансдукция)[\[5, р.35, 1, р.45-60\]](#), а также через способность к преобразованию себя и своей ассоциированной среды («индивиду-среды»). Его состояние – метастабильность: неустойчивое равновесие, насыщенное потенциальной энергией, исключающее фиксированную идентичность. Это подчеркивает кризис категории « тождества »: бытие богаче идентичности, которая оказывается лишь упрощенной проекцией однофазного понимания реальности. Как отмечает Симондон, отношение бытия к себе бесконечно богаче идентичности[\[5, р.318\]](#). Иначе говоря, Симондон радикально переосмысливает понятие индивида, разрывая его связь с идентичностью. Классический «стабильный индивид» оказывается фикцией, предельным случаем полностью завершенного процесса, тогда как реальность представляет собой метастабильные системы, находящиеся в непрерывной индивидуации. Индивид здесь не субстанция, а временная структура в процессе трансформации, что подтверждается открытиями квантовой физики. Эта двусмысленность термина («индивиду» как структурированный этап процесса и как потенциал дальнейшей индивидуации) становится основой критики социальных наук. Последние, согласно идеям Симондона, остаются в «плену» субстанциального понимания «индивидуа», изучая отношения между условно стабильными сущностями, но не способны увидеть самих индивидов как процессы и реляционные структуры, где бытие всегда больше, чем единство и больше, чем идентичность[\[5, р.26\]](#).

Ключевыми для преодоления этой проблемы становятся понятия «доиндивидуального» и «трансиндивидуального». «Доиндивидуальное» у Симондона представляет собой не недифференцированную материю, а поле напряжений, потенциалов и неравновесных состояний, содержащее в себе доиндивидуальную реальность, заряженную потенциальной энергией. Это метастабильное состояние системы, в котором разрешение напряжений через акт индивидуации порождает не только индивида, но и сопутствующую ему ассоциированную среду («индивиду-среду»)[\[5, р.24-25\]](#). В результате «доиндивидуальное» выступает как онтологическое условие возможности трансформаций, исключающее любую финальную стабилизацию бытия в форме «завершенного» индивида. То есть «доиндивидуальное» у Симондона представляет собой не только исходную реальность, предшествующую возникновению индивида, но и сохраняющееся поле потенциалов, сохраняющее связь с индивидом после его формирования. Ключевая задача философа – избежать редукции «доиндивидуального» к простому элементу возникшей системы, акцентируя его роль в функционировании метастабильных систем. Для этого Симондон обращается к научным моделям, преодолевающим субстанциализм, в частности, к понятию «фазы»: «онтогенез»[\[5, р.284\]](#) понимается как теория «фаз бытия», где фазы могут сосуществовать и переходить друг в друга. Пример кристаллизации в перенасыщенном растворе демонстрирует, как контингентное присутствие затравки кристалла может вызвать фазовый переход, иллюстрируя динамическую природу индивидуации как процесса, управляемого взаимодействием потенциалов и условий среды.

Необходимо отметить, что понятие «фазового сдвига» у Симондона обладает двойственной природой: оно описывает как последовательную смену состояний в процессе эволюции от физического к биологическому и далее к психосоциальному уровню, так и одновременно этот фазовый сдвиг относится к наличию множества тенденций, не обязательно согласованных, которые делают систему метастабильной. Это понятие подрывает субстанциалистское представление об индивиде, раскрывая его как динамическую структуру, пронизанную разнонаправленными процессами. Каждая

индивидуация выступает разрешением проблем, вызванных предыдущим фазовым сдвигом, и порождает новый индивид, насыщенный напряжениями по отношению к своей доиндивидуальной среде. В контексте квантовой парадигмы «доиндивидуальное» трактуется как изначальная реальность, источник онтогенеза и функционирования. Противопоставления типа непрерывность и прерывность или частица и энергия отражают не взаимодополняющие аспекты «реального», а различные измерения, возникающие при индивидуализации. Взаимодополняемость на уровне индивидуализированной реальности оказывается результатом двойственного проявления «доиндивидуального»: как онтогенеза (возникновение индивида как сущего) и как функционирования (поле энергии).

Вот почему лишь индивидуальное поле, связанное с парой «индивиду-среда», способно эксплицировать природу «доиндивидуального»[\[5, р.149\]](#). Отсюда следует, что Симондон различает два аспекта индивидуации: онтогенез (процесс становления структурированного индивида) и функционирование (динамика системы «индивиду-среда»). «Доиндивидуальное» хотя и существует как потенциал до всякой конкретизации, проявляется только через частично индивидуализированные системы. Бытие, таким образом, предстает смешанным единством индивидуализированной и доиндивидуальной реальности[\[5, р.317\]](#), где степень детерминированности уменьшается по мере усложнения уровней: физическая фаза (высокая детерминированность), биологическая (замедление физической фазы индивидуации, рост неопределенности)[\[5, р.152\]](#), психическая и коллективная (дальнейшее замедление и усиление открытости). Ключевым является то, что индивид сохраняет связь с доиндивидуальной средой, которая остается источником потенциалов для новых фазовых сдвигов. В итоге индивид не только отражает условия своего онтогенеза, но и продолжает функционировать в режиме, определяемом незавершенностью своей связи со средой.

Вместе с тем, отвергая редукционистский подход, сводящий онтологию к фундаментальной физике, Симондон сталкивается с проблемой определения онтологического статуса «доиндивидуального» как такового. В «чистом» виде «доиндивидуальное» лишено фазовой структуры и не подчиняется принципам тождества или исключенного третьего[\[5, р.25\]](#). Это ставит эпистемологическую проблему: как возможно адекватное познание того, что по определению неструктурировано? Симондон видит решение в квантовой физике, где корпускулярно-волновой дуализм[\[5, р.27\]](#) интерпретируется как проявление «доиндивидуального» – метастабильного единства, выражающего себя через взаимодополняющие аспекты. Однако познание здесь возможно лишь опосредованно: через его «проявления»[\[5, р.151\]](#), поскольку мы воспринимаем скорее измерение реального, чем само реальное, то есть мы можем постичь его хронологию и топологию индивидуации, не будучи в состоянии постичь доиндивидуальную реальность, лежащую в основе такой трансформации. Следовательно, «доиндивидуальное» остается апорией: оно описывается и как «бытие без фаз», и как «монофазное», что отражает напряжение между его чистым потенциалом и актуальными проявлениями. Эта настойчивость в поиске изначального состояния бытия раскрывает феноменологическое наследие в философии Симондона, где «доиндивидуальное» функционирует как предельный горизонт мысли, недоступный прямому схватыванию, но необходимый для понимания процессов индивидуации.

Кроме того, понятие «трансиндивидуального» позволяет Симондону вывести анализ за пределы «индивидуального» и описать процессы, которые связывают индивидов между

собой и с техническими объектами. «Трансиндивидуальное» – это не коллектив как совокупность готовых индивидов, а само поле отношений, которое их конституирует и которое само является результатом и продолжением индивидуации. Как подчеркивает Симондон, «трансиндивидуальное» есть то, через что индивид коммуницирует с самим собой, будучи «больше чем единство»[\[3, р.111\]](#). Другими словами, «трансиндивидуальное» – это «системное единство»[\[3, р.19\]](#) психической и коллективной фаз индивидуации, где психический индивид всегда «творится» одновременно с коллективным. В отличие от феноменологического понимания межиндивидуальных отношений, «трансиндивидуальное» не сводится к взаимодействию «готовых» индивидов, а представляет собой новый фазовый режим, переполняет его и при этом воссоединяет несколько индивидов в рождающуюся группу. В этом случае этот концепт раскрывает метафизические и этические следствия онтологии отношений: «трансиндивидуальное» конституируется динамическими полярностями (например, добро и зло), между которыми разворачиваются «драмы» – напряженные взаимодействия, создающие объемную имманентность по вертикали (иерархия планов) и горизонтали (коллективные связи). Именно такой подход, согласно логике Симондона, позволяет обрести «веру в этот мир»[\[10, с.21\]](#) через перманентную трансформацию, «перманентную революцию» отношений, где исходной точкой является зона напряжения между психическим и коллективным индивидом. То есть это понятие позволяет мыслить чувствительность не как внутреннее свойство изолированного субъекта, а как эффект циркуляции аффектов и значений в сети отношений, постоянно питаемой энергией «доиндивидуального». Именно этот теоретический каркас открывает путь для анализа цифровой чувствительности как формы техногенной трансдукции, где технические объекты становятся активными операторами в развертывании новых трансиндивидуальных полей.

Можно отметить, что технические объекты (системы) в философии Симондона также радикально переосмысаются: они более не являются нейтральными инструментами в руках заранее заданного субъекта, но становятся активными совместными участниками самого процесса становления восприятия. В отличие от классических подходов, где техника служит лишь продолжением человеческих органов, Симондон раскрывает ее конституирующую роль: именно через взаимодействие с техническими объектами (от простейших орудий до цифровых интерфейсов) формируются сама структура чувственности и способность быть затронутым миром. Техника выступает оператором «трансдукции», преобразуя метастабильные потенциалы доиндивидуального поля в конкретные режимы восприятия, определяя, что может стать событием для чувствительности, а что останется за ее пределами. При этом Стиглер полагает, что когда Симондон постулирует дотехническое происхождение человеческой цивилизации, есть веские причины вместо этого следовать Леруа-Гурану и определять эту цивилизацию как изначально техническую[\[11\]](#).

Следовательно, интеграция технической фазы индивидуации, конституирующая себя как процесс конкретизации технических систем в трансиндивидуальный уровень, всегда выступает ключевым аспектом взаимосвязанности психической и коллективной фаз становления. Технические системы здесь не сводятся к роли инструментов связи, а развиваются по внутренней логике конкретизации, активно участвуя в формировании реальности. В результате «трансиндивидуальное» предстает фундаментальным планом, где техника, человек и социум вступают в отношении неразрывной коэволюции, порождая принципиально новые формы коллективности. Эта коэволюция радикально переопределяет условия возможности как психической, так и коллективной фаз индивидуации. Например, алгоритмические системы, как результат конкретизации

цифровых технологий формируют новые среды восприятия и коммуникации, воздействуя на индивидуальное сознание (психическая фаза) и одновременно задавая паттерны групповой динамики (коллективная фаза). В свою очередь, социальные запросы и конфликты направляют траектории технической конкретизации, замыкая цикл совместного конституирования реальности. В результате возникающие структуры коллективности (сетевые сообщества, распределенные рабочие группы, алгоритмически опосредованные движения) становятся продуктом этой тройной динамики, где техническая фаза выступает не пассивным посредником, а активным оператором трансформации самих оснований человеческого опыта и социальности.

Именно поэтому важным аспектом для понимания трансиндивидуального процесса является понятие «техногенеза» (греч. *techne* – искусство, ремесло и *genesis* – происхождение), которое характеризует становление через технику. Техногенез подчеркивает, что техника не просто обслуживает готовые потребности, но активно генерирует новые онтологические режимы, переопределяя саму материю опыта. Например, появление часов не просто позволило точнее измерять время, а оно трансформировало темпоральность человеческого существования, создало новую форму внимания к длительности и ритму. Аналогично, цифровые алгоритмы сегодня не просто обрабатывают информацию, они производят «новую перцептивную грамматику», где бесконечный скроллинг, уведомления и рекомендации становятся элементами, структурирующими саму возможность восприятия. Техногенез, таким образом, раскрывает технику как условие возможности специфически человеческого способа бытия, бытия, всегда уже опосредованного артефактами. Этот подход позволяет преодолеть разрыв между «материальным» и «психическим», «внешним» и «внутренним». Чувствительность оказывается не врожденным свойством субъекта, а релятивным эффектом взаимодействия в системе «человек-техника-среда». Технические объекты выступают кристаллизациями отношений, которые стабилизируют одни потенциалы «доиндивидуального» и подавляют другие, тем самым направляя траектории индивидуации. Следовательно, политика чувствительности – это всегда также и политика техники: борьба за то, какие артефакты и как опосредуют наше восприятие, чьи интересы кристаллизуются в интерфейсах и алгоритмах и какие формы жизни становятся возможными или невозможными в результате этих техногенных трансформаций.

Таким образом, чувствительность в концепции Симондона предстает не как врожденное свойство индивида, а как динамический результат процесса «трансдукции»[\[5, p.32\]](#), непрерывного взаимодействия между человеческим организмом и цифровой ассоциированной средой. В отличие от классических моделей восприятия, где техника считается нейтральным посредником, трансдукция раскрывает возникновение принципиально гибридных режимов восприятия, где человеческое и технологическое нераздельно сплетаются. Цифровые интерфейсы, алгоритмы и платформы выступают активными операторами этого процесса, трансформируя не только содержание опыта, но и саму его структуру: темпоральность, интенсивность и способность к различению. Отсюда следует, что онтологический статус такой чувствительности определяется ее реляционной природой: она существует лишь в связи с конкретными техническими медиациями. Это подразумевает, что не существует «чистого» восприятия, только исторически и технологически обусловленные его структуры. Цифровая среда, таким образом, не пассивный фон, а совместный творец перцептивного опыта, чьи архитектура и логика (например, интерактивность, мгновенность, гиперсвязность) непосредственно формируют то, как мы можем видеть, слышать и чувствовать. В результате чувствительность становится полем непрерывной техногенной трансформации, где каждый новый цифровой объект или практика потенциально способны породить новые

конфигурации восприятия, расширяя или сужая горизонты человеческого опыта.

Методология сборки: Латур и прослеживание перцептивных сетей

Бруно Латур рассматривает «коперниканский переворот» Канта как ключевой момент становления модернизма, где «вещи-в-себе» становятся недоступными, а трансцендентальный субъект дистанцируется от мира^[12, р. 56]. Однако Латур переориентирует кантовскую антиномию: вместо противопоставления органического и механического он акцентирует разрыв между естественным и искусственным. Именно поэтому Латур решительно отвергает фундаментальную для модерна идею о существовании двух независимых сфер: мира людей (культуры, политики, языка) и мира вещей (природы, объективных фактов). Кроме того, он утверждает, что это разделение искусственно и методологически бесплодно^[13]. Оно игнорирует то, как гибридные сущности («квазиобъекты») непрерывно циркулируют между этими полюсами, образуя сети совместного конституирования. Иными словами, квазиобъект – это понятие, описывающее гибридные сущности (как озоновая дыра или микроб), которые циркулируют между природой, обществом, политикой и технологией. Это прямой вызов западному «Великому разделению» на природу и культуру. Разделению, которое многие незападные культуры как раз не проводят. Яркой иллюстрацией служит исследование Латуром науки. Например, в работе «Пастер. Война и мир микробов» (2011)^[14] он показывает, что открытие микробов не было простым «откровением» природы, а стало результатом ассамбляжа, включившего лабораторные инструменты, научные дискуссии, институциональные интересы и публичную риторику. Поэтому научный факт – это одновременно и социальный конструкт, и природная данность, что подтверждает тезис акторно-сетевой теории (ACT): реальность производится в гетерогенных сетях, где нечеловеческие акторы (например, микроскопы или микробы) обладают не меньшей агентностью, чем люди. Этот подход, как уточняется в статье «Об акторно-сетевой теории» (Логос, 2017)^[15] позволяет преодолеть дуализм модерна, заменив его плоской онтологией взаимосвязей (иномодернизмом), где социальное не является объяснительной категорией, а представляет собой временную стабилизацию сетей.

Такой иномодернизм у Латура предлагает не только отрицание модерна, но и его радикальную переоценку через признание гибридности в качестве фундаментального условия существования. В противовес модернистской парадигме, стремившейся скрыть работу гибридов за дуализмом природы и культуры, иномодернизм делает эти сетевые связи видимыми и центральными для анализа. Его задача – не переход к «постмодерну», а осознание того, что мы всегда существовали в промежуточном пространстве, где научные факты, технические артефакты, социальные нормы и экологические процессы сплетены в единые ассамбляжи. Это требует отказа от «чистых» объяснительных категорий в пользу прослеживания сетей, где квазиобъекты обретают онтологический статус не через сведение к полюсам природы или общества, а через описание их взаимодействий и взаимных трансформаций. Кроме того, парадокс современности заключается в том, что по мере увеличения числа гибридных квазиобъектов (результат практик перевода) полюса очищения, те объяснительные схемы, что апеллируют либо к природе, либо к обществу, не исчезают, а, напротив, дистанцируются друг от друга. Иными словами, несмотря на разрастание гибридности, модернизм, игнорируя этот парадокс, отрицал самостоятельный статус гибридов и пытался объяснять их через «чистые формы» – эпистемы, ментальные структуры, языковые категории, то есть средствами самой практики очищения^[12, р. 11]. При этом Латур подчеркивает, что

практики «очищения» и «перевода» не просто сосуществуют, но взаимно усиливают друг друга. Прогресс в очищении (например, в естествознании) порождает новые технологии, которые, в свою очередь, становятся инструментами дальнейшего очищения^[12, р.10-12]. Однако модернистский проект оказывается неспособным объяснить «вторжение объектов» в человеческий коллектив, поскольку, признавая рост числа технологий (социология перевода) и углубление дихотомии природы и культуры (очищение), он оставляет без внимания связь между этими процессами. Прояснение этой связи и составляет суть иномодернизма (или акторно-сетевой теории)^[13, р.75-76], которая раскрывает природу принципиально новых сущностей – квазиобъектов.

Отсюда следует, что квазиобъекты существуют как гибриды, которые не только иллюстрируют неразделимость, но и они частично социальные (искусственные) и частично природные (естественные) такие как технологические артефакты, озоновый слой или пандемия. При этом квазиобъект – это центральное понятие акторно-сетевой теории, введенное Латуром для описания сущностей, преодолевающих дуализм «Великого разделения». Это не гибрид субъекта и объекта в традиционном смысле, а сетевой гибридный узел, который конституируется и одновременно определяет связи между гетерогенными элементами (акторами): людьми, институтами, технологиями, организмами и дискурсами. Его онтологический статус не является фиксированным. Он возникает только в процессе взаимодействия акторов и исчезает при распаде сети. Например, технологический артефакт (смартфон) становится квазиобъектом, лишь будучи вплетенным в инфраструктуры связи, экономические отношения, пользовательские практики и культурные коды. Как подчеркивает Латур, квазиобъекты – это «движущиеся цели» чья реальность определяется их способностью собирать и трансформировать сети^[13]. При этом не каждый актор – квазиобъект, но каждый квазиобъект – это актор. Это гибридный актор, который стирает границы между традиционными категориями (природа и общество, объект и субъект, техническое и социальное). Его сила, особая роль и значение порождаются именно его способностью связывать, опосредовать и запутывать эти миры.

Вместе с тем в рамках акторно-сетевой теории актор (или актант) понимается как базовый элемент действия или, по-другому, любая сущность (человек, животное, организация, технология, идея), обладающая агентностью, а именно способностью оказывать влияние и производить изменения в рамках сети. Однако агентность актора проявляется не изолированно, а только через его связи в актор-сети – динамической конфигурации отношений, которая временно стабилизирует реальность. Актор-сеть является одновременно методом описания и онтологической позицией, подчеркивающей, что сущности (включая квазиобъекты, такие как научные факты), не предшествуют отношениям, а конституируются через них. Иными словами, актор-сеть можно определить как динамическую сеть связей и отношений между гетерогенными акторами (людьми, объектами, концепциями), которые вместе образуют устойчивое целое. В данном случае это понятие подчеркивает, что способность к действию рождается не изнутри отдельного актора, а из его связей с другими акторами в сети. Например, научный факт «микроны вызывают болезни» возникает не как данность, а как результат взаимодействия гетерогенных акторов (ученых, инструментов и лабораторных микробов). В итоге реальность трактуется как продукт непрерывного процесса смыслового перевода, координации и переопределения интересов множества акторов в сети.

Таким образом, латурсовская акторно-сетевая теория подрывает саму основу модернистского проекта, основанного на практике очищения, создающей две

онтологические зоны – природу и культуру^[12, p.10]. Для Латура эта дилемма порождает три несоизмеримых подхода: натурализацию (объяснение через законы природы), социализацию (через человеческие ценности и интенциональность) и дискурс (через язык как посредник). В этой связи кризис модернизма, согласно логике Латура, проявляется в невозможности сведения объяснения к одной из этих зон. Социальные науки, пытаясь подчинить науку социологическому объяснению, сталкиваются с необходимостью отрицать объективную реальность, описываемую точными науками. Язык, хотя и выступает посредником, не преодолевает дилемму, а лишь маскирует ее, оставаясь квазиобъектом, естественной способностью разумных существ, подчиненной социальным структурам.

Латур противопоставляет этому практику перевода, которая описывает процессы посредничества, где квазиобъекты формируются и взаимодействуют в сетях. Эти сети связывают разнородные элементы: например, химические процессы в атмосфере, научные стратегии, политические решения и экологические тревоги образуют единую цепь при анализе ущерба, например, озоновому слою. Отсюда следует, что в контексте перцептивных сетей методология акторно-сетевой теории позволяет проследить, как формируется чувствительность через взаимодействие человеческих и нечеловеческих акторов. Алгоритмы, интерфейсы и данные не просто опосредуют восприятие, а становятся активными участниками ассамбляжей, где стираются границы между техническим, социальным и природным. Вот почему этот принцип плоской онтологии отвергает иерархию между этими сферами, требуя изучать их как равноправные элементы сетей, совместно конституирующих реальность. В результате критика социального открывает путь к анализу перцептивных процессов как динамичных сборок, где технологические объекты и человеческие практики взаимно определяют друг друга.

Итак, как же тогда преодолеть такой модернизм? Как вернуть технологии, ее «онтологическое достоинство»^[16, p.252]? Как разрешить парадокс модернистской конституции? Латур предлагает искать вдохновение в методе антропологической этнографии, которая способна описать всю совокупность «природы-культуры» как единый гибридный континуум, не сводящий реальность к чистым полюсам. Этот подход требует отказа от разделения на отдельные сферы знания, власти и практики в пользу целостного анализа, где акцент смещается на прослеживание сетей, связей и отношений между гетерогенными акторами. Задача заключается в том, чтобы предоставить гибридам: технологиям, квазиобъектам и посредникам – «онтологическое достоинство», то есть признать их самостоятельными участниками сборки реальности и интегрировать их в новую конституцию, где практики очищения и перевода понимаются как взаимозависимые. Определяющим инструментом здесь становится «плоская онтология»^[12, p.79] или, по-другому, инверсия объяснительной логики. Вместо движения от априорных категорий (объекта, субъекта, общества) к явлениям, Латур предлагает начинать исследование от центра самих гибридов и их сетей отношений. Из этого эмпирического прослеживания возникают все понятия, включая объективность и социальность, которые трактуются не как трансцендентальные условия, а как результаты работы сетей.

В итоге онтологическое достоинство технологий возвращается через их реабилитацию в качестве полноправных акторов, чья роль раскрывается не через сведение к крайностям, а через описание их медиативной функции в «срединном Царстве»^[12, p.78] – пространстве непрерывного обмена свойствами между человеком и нечеловеком. Природа и общество в этой парадигме – не причины, а следствия работы сетей,

«тектонические плиты» поднявшиеся из «магмы» гибридных практик [12, p.87]. Задача исследователя – описать, как именно акторы, пересекая модернистские границы, совместно создают реальность, что требует отказа от частичных описаний в пользу целостной картины взаимных определений. Такой целостный подход становится возможным благодаря онтологии, центрированной вокруг понятия «связи» [13, p.64] – первичности отношений, переходов и посредничеств, из которых возникают все сущности. Актор определяется не предзаданными свойствами, а способностью трансформировать и быть трансформированным в сетях взаимодействий, что перекликается с элеатским критерием реальности Платона: сущее реально, если оно способно действовать или претерпевать воздействие. Это делает латуровскую метафизику онтологией «способности-к-действию», где акторы (люди, технологии, понятия) обретают статус через свои связи, а не через отсылку к «чистым» категориям природы или общества.

В результате плоская онтология предлагает реляционно-причинный подход: реальность конституируется через процессы перевода, делегирования, предписания и надписи, где акторы взаимно определяют друг друга. Например, масштабный технологический проект, связанный с «Большим адронным коллайдером» (БАК) не просто «открывает» новые частицы, но и радикально трансформирует саму организацию научного знания и социальные отношения в физике. В данном контексте этот проект (актор) делегирует ученым необходимость глобальной кооперации (тысячи исследователей из десятков стран), а также предписывает новые стандарты обработки данных (например, использование машинного обучения для анализа столкновений частиц) и производит «надписи» – графики и статистические выводы, которые становятся единственным доступом к реальности субатомного мира. При этом коллайдер – не пассивный инструмент: его технические ограничения (энергия пучков, точность детекторов) определяют, какие гипотезы вообще можно проверить. Поэтому БАК и ученыe взаимоопределяют друг друга: технология формирует сообщество, которое, в свою очередь, интерпретирует ее данные, создавая новую онтологию. Например, бозон Хиггса как часть реальности, существующую лишь в контексте этой сети. Здесь природа (частицы) и общество (коллaborации) оказываются совместно продуцированы в гибридном пространстве эксперимента. При этом объяснение таких изменений требует учета не только научных, культурных, физических или дискурсивных аспектов по отдельности, но и их гибридного сплетения в сетях, где причинность распределена между человеческими и нечеловеческими акторами. Это и есть суть реализма у Латуры: отказ от «очищенных» описаний в пользу прослеживания того, как посредники материально переопределяют действия, значения и сами онтологические границы [13, p.128].

Таким образом, последовательно применяя этот принцип к цифровым артефактам в рамках акторно-сетевой теории: алгоритмы, интерфейсы, сенсоры и протоколы наделяются полноправным агентством, выступая не нейтральными посредниками, а совместными архитекторами реальности. Они активно определяют параметры восприятия: алгоритмы рекомендательных систем формируют эпистемические траектории внимания, интерфейсы вводят новую телесную грамматику жестов (скроллинг, свайпы), а сенсоры и протоколы выполняют роль операторов трансдукции, наделяя реальность смыслом, решая, что считать «качественным» изображением или «точным» местоположением. В результате человеческое восприятие оказывается встроенным в дистрибутивную техническую систему, где нечеловеческие акторы переопределяют саму оптику внимания. При этом эмпирически исследовать эту перцептивную грамматику

позволяет метод «прослеживания ассамбляжей». Он требует отказа от предзаданных категорий в пользу детального описания того, как гетерогенные элементы, алгоритмы, дизайн интерфейса, пользовательские практики и экономические интересы совместно производят конкретные режимы восприятия. Например, чтобы понять, как определяется «релевантность новости», необходимо проследить процесс взаимодействия и согласования между всеми участниками сети: от алгоритмов ранжирования и кнопок «лайков» до серверной инфраструктуры. Этот анализ раскрывает, что перцептивные категории являются не объективными свойствами, а динамическим результатом взаимодействия всей сети.

Отсюда следует, что перцептивная грамматика у Латура имеет прямое политическое измерение, так как материализует властные отношения. Нечеловеческие акторы кристаллизуют конкретные режимы видимости и слышимости: протоколы шифрования или цензуры задают границы доступного, а биометрические сенсоры переводят телесность в поле контроля. Однако, поскольку эта грамматика не задана раз и навсегда, а постоянно пересобирается в реальном времени, она открывает возможности для трансформации. Критика алгоритмов, проектирование альтернативных интерфейсов и «цифровой активизм» становятся формами борьбы за право определять, что может быть увидено и услышано, превращая перцептивную грамматику в поле политического вмешательства.

Вместе с тем подобный подход сталкивается и с критикой за недостаточную проработанность [17, c.15] в объяснении причинно-следственных процессов и механизмов возникновения сущностей. В отличие от теорий, опирающихся на четкие метафизические основания, таких как концепция «индивидуации» Симондона, подход Латура остается описательным [18, p.373]. Он фиксирует гибридность и посредничество, но не раскрывает, как именно они работают на онтологическом уровне. Его антропологический метод, сводящий воедино разнородные практики, не предлагает единой аксиоматики, способной связать эпистемологию и онтологию в устойчивую систему. Попытка Латура восполнить этот пробел через концепцию «множественных способов существования» также не решает проблему. Хотя данная концепция учитывает специфику разных областей (науки, технологии, религии), она фактически создает новую систему «очищения» – сортировки сущностей по дискурсивным режимам, а не прослеживания их сетевой генетики. Это противоречит заявленной «плоской онтологии», так как она оказывается зависимой от эмпирических областей, а не выводимой из самих гибридов.

Проще говоря, главная претензия к подходу Латура звучит так: в его теории объекты и технологии не говорят сами за себя. Вместо этого Латур просто интерпретирует их роль со стороны, надеясь их значением через свои собственные теории и описания [14, c.45]. В результате его подход рискует скатиться к очередной форме конструктивизма, где материальные вещи по-прежнему лишены собственного голоса. Это упускает из виду самый важный вопрос: как именно объекты сами проявляют свою активность и обретают индивидуальность, что является центральной темой, например, в философии у того же Симондона. Кроме того, плоская онтология у Латура, сводящая все сущности к акторам в сетях, сталкивается и с проблемой недостаточной проработанности причинности и субъектности [17, c.22]. В отличие от Симондона, чья теория «индивидуации» предлагает генетическое объяснение возникновения сущностей через доиндивидуальное поле и трансдукцию [5, p.28], Латур ограничивается описанием гибридности и посредничества, не раскрывая их внутренние механизмы. Его демократизация агентности (приписывание способности действовать людям, животным, технологиям и идеям) остается формальной, поскольку не определяет специфику разных типов субъектности и их роли в каузальных

процессах. В этой связи критики считают, что такой подход «выравнивает» мир, стирая разницу между людьми, идеями и вещами. Все становится просто «элементами сети». В результате мы перестаем спрашивать «Хорошо это или плохо?» и «Красиво это или уродливо?», а просто констатируем: «Вот так это работает в системе»[\[12, p.144\]](#).

Вот почему этический проект Латура оказывается неспособным противостоять реальным проблемам технологического отчуждения. Его призыв к «демократии вещей», где «нечеловеческое» получает голос через посредничество, на практике рискует остаться антропоцентричным, так как представление интересов акторов зависит от человеческих интерпретаций. В отличие от Стиглера, который видит в технике фармакон, а именно одновременно угрозу и потенциал, а также предлагает «эстетический баланс» для преодоления отчуждения, Латур избегает оценочных суждений. Для него технологии – это просто элементы сетей, а их последствия являются не только непредсказуемыми, но и нейтральными результатами взаимодействий[\[14, c.214\]](#). Такой подход игнорирует оперативную реальность власти: сильные акторы (корпорации, государства) могут доминировать в «испытаниях прочности», определяя, чьи интересы будут услышаны. В отличие от этого, теория Симондона, напротив, предлагает более устойчивую основу для критики технологий. Его «сложный гуманизм» не только не отрицает агентность технических объектов, но и помещает их в контекст трансдуктивных отношений между человеком и природой[\[5, p.163\]](#). Это позволяет оценивать технологии не только по их сетевому эффекту, но и по тому, как они влияют на процессы индивидуации. То есть как эти технические объекты обогащают или обедняют трансиндивидуальные отношения. Поэтому симондонианский подход сохраняет онтологическую глубину (через онтогенез и техногенез). Более того, этот подход сохраняет и этическую четкость, которая преодолевает отчуждение (разрыв) в процессе совместной индивидуации человека и техники через техническое образование и культуру, интегрирующих технику в систему человеческих ценностей, понимая ее изнутри. И именно этого не хватает латуровской антропологии сетей.

Фармакон (яд и лекарство): цифровая техника как одновременно

угроза и возможность для человеческой психики

Основной вклад Стиглера в философию техники, изложенный в его серии книг «Техника и время»[\[19, 20, 21\]](#) заключается в радикальном пересмотре традиционных представлений о взаимоотношениях человека и техники. Оспаривая подходы от Платона до Хайдеггера, Стиглер утверждает, что техника не является нейтральным инструментом или угрозой подлинному человеческому существованию, а представляет собой фундаментальный конституирующий элемент самой человечности. Он развивает тезис о том, что человек и техника сосуществуют в отношении взаимного изобретения: техника изобретает человека, человек изобретает технику. Этот процесс Стиглер описывает как экстериоризацию, то есть у человека нет некой внутренней, заранее данной сущности. Напротив, его внутренний мир, память и субъективность формируются вовне, через взаимодействие с техническими объектами. В результате техника является первоначальным условием человеческой темпоральности и памяти, а не чем-то внешним по отношению к ним. Хотя Стиглер опирается на процессуальную онтологию технической индивидуации Симондона, он существенно расходится с ним в вопросе о происхождении. Если для Симондона техника возникает из дотехнического, «магического» мира и является доиндивидуальным условием для последующей индивидуализации самого

человека, то для Стиглера техника изначальна и неразрывно переплетена с человечеством с самого начала.

Другими словами, для Симондона существует исторический и онтологический разрыв между «магическим» и «техническим» миром. Магическое мировоззрение характеризуется неразделенностью человека и космоса, где человек чувствует себя частью целого, не выделяя технические объекты в отдельную категорию. В этом состоянии и человек, и мир являются «доиндивидуальными» или, по-другому, потенциалом для будущей индивидуализации. Технический объект, согласно идеям Симондона, возникает позже как один из путей этой индивидуализации, как способ разрешения напряжений в доиндивидуальной реальности^[1]. В итоге технические объекты – это результаты процессов индивидуализации, которые следуют за изначальным нетехническим состоянием человечества. Они становятся «доиндивидуальными» условием для последующих этапов развития (и человека, и самой техники), но не для самого возникновения человека. Для Стиглера такой разрыв невозможен. В своем ключевом тезисе, известном как «изначальная техничность» человека, он утверждает, что «человек» и «техника» рождаются одновременно и в дальнейшем совместно эволюционируют. Человек с биологической точки зрения является «недостаточным существом» (можно вспомнить миф о Промете и Эпиметее, на который часто ссылается Стиглер). У него нет специализированной сущности, как когти у зверя или панцирь у черепахи. Именно техника, начиная с использования простейшего орудия как «внешнего органа» и является тем самым «дополнением», которое компенсирует эту недостаточность и, по сути, конституирует человека как такового.

Проще говоря, не было момента «человека без техники». Первое каменное орудие – это не просто инструмент, а это материализованный акт сознания, первый шаг к экстериоризации памяти и разума. С этого момента история человечества есть история техники. Поэтому Стиглер и настаивает, что техника изначальна: она не присоединяется к готовому человеку извне, а является тем, что делает человека человеком с самого первого дня. У Стиглера техника – это не этап в истории человечества, а само условие возможности этой истории^[20,21]. Такая позиция приводит Стиглера к выводу о полной коэволюции и общей истории: история человечества – это одновременно и история техники. Не существует автономной, независимой от человеческой культуры истории техники, как нет и человеческой истории, не опосредованной техническим развитием^[19, р.50]. Для анализа этой тотальной взаимосвязи во всех сферах жизни Стиглер и предлагает свою методологию «общей органологии», изучающую динамические отношения между органами биологическими (тело), искусственными (техника) и социальными (институты).

Такой анализ позволяет понять, каким образом эти три типа «органов» обусловливают процессы памяти, что и составляет ключевой вклад Стиглера, заключающийся в развитии идей Гуссерля о феноменологии времени через введение концепции «искусственной памяти»^[21, р.23], опосредованной техническими объектами и материальной культурой. При этом первичная ретенция (удержание в сознании только что произошедшего или прошлое) обеспечивает единство восприятия временного объекта, например, мелодии в течение всего времени ее звучания. Вторичная ретенция представляет собой обусловливающее влияние прошлого опыта на настоящее восприятие, в то время как третичная ретенция (искусственная память) выступает материальной поддержкой памяти между поколениями^[22, р.9]. Стиглер настаивает на их взаимозависимости: первичное удержание всегда опосредовано вторичным, которое, в

свою очередь, невозможно без уже существующих технических третичных ретенций. Этот процесс он называет эпифилогенезом – трансдуктивным совместным становлением человека и техники, где не существует априорного «внутреннего» мира, противопоставленного «внешнему»[\[19, р. 152\]](#). Высшие психические функции: язык, счет и память являются не предзаданными данностями, а результатом экстериоризации[\[21, р. 52\]](#), вторичной интериоризации внешних операций с символами и инструментами.

Следовательно, сама временность и человеческая субъективность оказываются изначально техническими по своей природе, сформированными в процессе, опосредованного техникой запоминания. Именно эту изначальную техничность человеческого бытия детально раскрывает анализ Стиглера, демонстрируя процесс совместной индивидуализации человека и техники и доказывая, что сознание и мышление формируются лишь в конститутивной связи с внешним миром. Сложность нашего языка, способность к счету и все феноменологическое богатство опыта становятся возможными благодаря предвосхищающим отношениям с ассоциированной средой, насыщенной техническими объектами. В этом описании экстериоризации легко заметить параллели с теорией цикла образов Симондона. Хотя Стиглер, в отличие от Симондона, опирающегося на биологию, делает акцент на антропологии (Леруа-Гуран) и феноменологии (Гуссерль), оба философа стремятся показать причинно-следственную связь между мышлением, процессами зарождения жизни и физическим миром. Важно, что Стиглер развивает идеи Симондона в социально-политическом ключе, используя его понятие «трансиндивидуации» для объяснения того, как техническое опосредование формирует коллективные связи. Особое внимание он уделяет и роли медиа, от письменности до кинематографа и цифровых сетей, в формировании нашего восприятия времени.

Такой подход позволяет рассматривать Стиглера как пост-симондонианского мыслителя, который описывает новый вид отчуждения, порождаемый современными цифровыми технологиями, развивая исходную симондонианскую концепцию. Конкретным проявлением этого нового отчуждения становится описанная Стиглером индустриализация памяти – процесс, при котором цифровые сети и капиталистические императивы подчиняют себе культурное производство и потребление, создавая угрозу «психовласти». Ключевым механизмом этого процесса является грамматизация, а именно дискретизация потоков человеческого существования через техническую фиксацию различных форм памяти[\[22, р. 31\]](#). Исторически это проявлялось, например, в автоматизации рабочих жестов с помощью перфокарт, что превращало технические объекты в мнемотехники. Стиглер вслед за Симондоном трактует пролетаризацию как утрату воплощенного в человеке практического мастерства или, по-другому, перехода знаний работника в машину, что лишает его возможности индивидуализации через труд[\[22, р. 37\]](#).

В современную эпоху конвергентные цифровые медиа и неолиберальная экономика расширяют пролетаризацию на культурную сферу, приводя к утрате знания не только о способности знать, но и производить это знание. Именно это и ведет к утрате ремесленных и творческих навыков. Кроме того, мы рискуем утратить саму способность быть людьми в полном смысле этого слова – людьми, способными творить, мыслить, критиковать, любить и создавать смыслы, не подчиненные логике рынка и «гипериндустриальной машине». Это порождает гипериндустриальное общество контроля, где культура стандартизирует потребительское поведение и становится инструментом управления[\[21, р. 26\]](#). В результате аргументация Стиглера перекликается с

критикой нематериального труда, экономикой внимания и обществом контроля, раскрывая радикальные риски технологического опосредования человеческой памяти и культуры.

Чем, согласно Стиглеру, опасна такая «психовласть»? Она ведет к «пролетаризации Духа». Если раньше рабочий терял свои профессиональные навыки, то теперь человек теряет самого себя, свои знания, критическое мышление, способность к глубокому вниманию и, в конечном счете, само умение жить. Это превращение индивида в пассивного потребителя заранее приготовленных образов, идей и желаний, утрачивающего способность к собственной психической и социальной индивидуализации. На макросоциальном уровне проявляется как чрезмерная детерминация современной западной культуры корпоративным маркетингом, приводящая к глубокой социальной гомогенизации и лишающая общество трансиндивидуализирующего потенциала. Как подчеркивает Стиглер, краткосрочные логики капиталистической экономики превращают стремление к долгосрочным общим целям в индивидуализированные и сиюминутные побуждения [22, p.106], что ведет к формированию монокультуры неолиберальной субъективности. В отличие от Симондона, видевшего проблему в отставании культуры от технологий, Стиглер усматривает корень зла в доминировании экономической системы, подвергающей все сферы жизни тотальной монетизации и разрушающей саму возможность подлинной совместной индивидуализации. Это приводит к саморазрушительным последствиям [22, p.57]: ослабление желания, его сокращение до краткосрочных импульсов потребления уничтожает саму основу социальных отношений. В этом пункте критика Стиглера сближается с анализом репрессивной десублимации у Маркузе [23, p.91], который показал, как капитализм сокращает глубинные человеческие стремления, превращая их в легко удовлетворяемые потребительские импульсы и подрывая тем самым способность к творческому преобразованию реальности. В результате утрата способности к трансценденции и бесконечному желанию становится ключевым симптомом кризиса современной субъективности.

Таким образом, проблема грамматизации приводит Стиглера к необходимости создания новой политической экономии, направленной на преодоление индустриализации протенции и распыления энергии влечений, или, по-другому, «либидозной» энергии. В этом случае Стиглер опирается на психоаналитическую традицию Фрейда и Лиотара, где либидо понимается не только как сексуальная энергия, но и как фундаментальная психическая сила, лежащая в основе желания, творчества и инвестирования в объекты культуры. При этом данное понятие подчеркивает, что речь идет о базовой психической силе, которую капитализм перенаправляет в потребительские импульсы. Кроме того, понятие индустриализации протенции у Стиглера, с опорой на идеи протенции (от лат. protentio – предвосхищение, устремленность вперед) у Гуссерля, конституирует процесс, при котором способность предвосхищать и проектировать будущее перехватывается, стандартизируется и ставится на службу капиталистической экономике с помощью технологий.

Для противодействия этой тенденции он разрабатывает методологию общей органологии, имеющую значительное сходство с симондонианской аллагматикой [5, p.543], поскольку она анализирует трансдуктивные отношения между тремя уровнями: психосоматическим, техническим (фармакологическим) и социальным [22, p.117]. Технологический уровень понимается как фармакон, способный либо приводить к психической пролетаризации и социальной деиндивидуализации, либо способствовать психической индивидуализации и

социальной трансиндивидуализации. Задача политической экономии, согласно логике Стиглера, заключается не только в отслеживании этих связей для выявления токсических эффектов мнемотехник, таких как цифровые сети, подрывающие способность к «глубокому вниманию» и сокращающие циклы желания, но и для разработки терапевтических стратегий. Эти стратегии, объединенные понятием «заботы», направлены на противодействие беззаботной логике капитала и формирование «длинных циклов» трансиндивидуации, необходимых для возобновления коллективного стремления к общим целям и восстановления способности к созиданию социальных связей. Иными словами, общая цель этих стратегий – сформировать долгосрочное общее стремление к обновлению «техносоциального проекта», направленного на создание того, что Стиглер называет «длинными циклами» трансиндивидуации. Такие длинные цепи – это то, что он понимал как «короткое замыкание» из-за нынешних доминирующих форм грамматизации. То есть Стиглер имеет в виду, что изменение доминирующего способа записи, хранения и воспроизведения различных видов человеческой памяти (например, жестов, языка, фотографий, видео) может нарушить и изменить социальную индивидуализацию таким образом, что она приобретет новый политический и семантический характер.

Именно трансформационный потенциал технического опосредования памяти объясняет, почему политический проект Стиглера обретает основание в эстетике вслед за Симондоном. В этом случае чувственное восприятие как основа познания оказывается неразрывно связано с «социальным» и составляет фундамент культурного развития. Культура, согласно Стиглеру, означает установление связей с «константами» или еще не существующими идеями инфинитивного характера, такими как справедливость, которые направляют коллективное желание и выполняют регулирующую роль в поддержании долгосрочной социальной метастабильности. Эти константы, становясь метастабильными через материальные носители третичной ретенции, становятся условием свободы и основой для психической и коллективной индивидуализации^[21, p.118]. В результате задача заключается не в сохранении неизменных доктрин, а в поддержании динамической согласованности этих форм на фоне изменения технических условий грамматизации. Однако здесь возникает напряжение между необходимостью сохранения смысловой согласованности и пластичностью эпифилогенетической истории. Стиглер разрешает это противоречие через признание конструктивной роли вымысла: ноэтическая жизнь по своей сути фиктивна, а потому требует политico-экономического решения, а именно сознательного осуществления вымысла^[21, p.147]. Вопреки технодетерминистскому пессимизму, он настаивает на возможности и необходимости сознательного формирования технического будущего через переговоры между техническими тенденциями и социальными системами. Это предполагает активную заботу о способности к сложному мышлению и противостояние деградации либидозной экономики.

Что касается соотношения проектов Стиглера и Симондона, то первый, безусловно, развивает идеи второго. Он не только заимствует концепции метастабильности, трансиндивидуации и цикла образов, но и радикально переориентирует их. Если Симондон рассматривает техническую индивидуацию как независимый процесс, то Стиглер сводит отношения человека и техники к совместному конституированию через феноменологию памяти. Кроме того, Стиглер акцентирует роль фикций и культурных констант, тогда как Симондон делает акцент на онтогенетическом развитии схем. Сила Стиглера заключается в четком анализе культурно-экономических аспектов формирования техносоциального. Однако его подход порой склоняется к избыточному пессимизму в оценке цифровых технологий, что не всегда позволяет учесть весь спектр их генетических возможностей. При этом Стиглер вносит ключевой критический и политический компонент в анализ цифровой чувствительности, утверждая, что новая

перцептивная грамматика платформ отнюдь не нейтральна. То есть представляет собой фармакон: одновременно яд и лекарство. С одной стороны, ее «ядовитый» аспект проявляется в пролетаризации восприятия: грамматика, подчиненная логике монетизации внимания, ведет к обеднению чувственного опыта, стандартизации аффектов (редуцированных до языка эмодзи) и систематическому разрушению способности к критическому мышлению и глубокому вниманию, лишая субъект суверенитета над собственным восприятием. С другой стороны, ее терапевтический потенциал открывает возможность для сознательного техносоциального проектирования: осознание механизмов грамматизации позволяет создавать альтернативные технические системы, культивирующие иную перцептивную экономику, ориентированную на медленное совместное и критическое восприятие, способное восстановить практики коллективной трансиндивидуации и смыслопорождения. В итоге борьба за перцептивную грамматику становится борьбой за будущее человеческого опыта.

Заключение

Теоретический фундамент данного исследования образует триада ключевых мыслителей, чьи работы задают необходимые онтологические, методологические и критически-нормативные перспективы. Жильбер Симондон с его концепцией «индивидуации» и анализом отношений человека и технического объекта предоставляет онтологическое основание, позволяющее понять чувствительность не как свойство субъекта, а как процесс становления, всегда опосредованный техническими условиями. Бруно Латур и его акторно-сетевая теория предлагает методологический инструментарий для эмпирического прослеживания того, как гетерогенные сети человеческих и нечеловеческих акторов (алгоритмов, интерфейсов, данных) собирают реальность и конституируют саму возможность определенного восприятия. Наконец, Бернар Стиглер вводит критический и политический вектор через понятие «фармакона», раскрывая двойственную природу техники как угрозы, ведущей к пролетаризации чувственности через захват внимания и как потенциала для новой терапевтики и коллективной индивидуации. Вместе они образуют аналитический каркас «новой перцептивной грамматики», позволяющей исследовать власть на уровне ее непосредственного воздействия на способность чувствовать и быть затронутым.

Таким образом, синтез идей Симондона, Латура и Стиглера открывает не просто академический, но экзистенциальный горизонт: мы оказываемся перед необходимостью заново изобрести саму экологию восприятия. Это не о выборе между технологическим прогрессом и аутентичностью, а о борьбе за право быть не потребителем, а соавтором собственной чувствительности. Будущее ощущается буквально в тактильности интерфейсов, ритме уведомлений, архитектуре внимания. И потому политика сегодня начинается с вопроса: какие миры мы «шьем из ткани» собственного опыта? Философия техники становится практикой вышивания иных перцептивных ландшафтов, где алгоритмы служат не капиталу, а способности удивляться, где технологии – не орудия отчуждения, но проводники в новые формы сознания и познания. В итоге финальный акцент должен быть сделан на том, что борьба за будущее – это не спор идеологий, а битва за материю самого опыта. Право на собственную чувствительность, на способность ощущать, жить и желать иначе становится ключевым политическим требованием эпохи, где технологии все глубже проникают в ткани человеческого восприятия.

Библиография

1. Simondon G. *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
2. Simondon G. *L'individu et sa genèse physico-biologique*. Paris: Presses universitaires de France, 1964. 304 p.
3. Simondon G. *L'individuation psychique et collective*. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
4. Simondon G. *Gilbert Simondon: une pensée de l'individuation et de la technique*. Paris: Albin Michel, 1994. 278 p.
5. Simondon G. *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
6. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Ч. 1-я // Философия науки и техники. 2015. № 2. С. 70–84. EDN: VCVPHD
7. Ивахненко Е.Н. Хрупкий мир через оптики простоты и сложности (Ч. 2) // Образовательная политика. 2020. № 4 (84). С. 16-27.
8. Керимов Т.Х., Красавин И.В. Сложность – общая, ограниченная и организованная: проблема, методология и основные понятия // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 2. С. 108-119. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.06 EDN: WRRJCH
9. Саяпин В.О. Техносоциальная сложность как проблема индивидуации: взгляд Жильбера Симондона // Философская мысль. 2025. № 7. С. 85-107. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.7.74957 EDN: CUNGKU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74957
10. Стиглер Б. Тревожащая странность мысли и метафизика Пенелопы // Психическая и коллективная индивидуация. М.: ИОИ, 2023. С. 7-24.
11. Stiegler B. *Chute et élévation. Apolitique de Simondon* // Revue philosophique de la France et de l'étranger. 2006. Vol. 131 (3). P. 325-341.
12. Latour B. *We Have Never Been Modern*. Harvard University Press, Cambridge MA, 1993. 157 p.
13. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford, UK: Oxford UP, 2005. 312 p.
14. Латур Б. Пастер. Война и мир микробов, с приложением "Несводимого". СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.
15. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 173-200. EDN: WABGMB
16. Latour B. *Morality and Technology: The End of the Means* // Theory, Culture & Society. 2002. Vol. 19 (5). P. 247-260. DOI: 10.1177/026327602761899246 EDN: JTTJMB
17. Писарев А., Астахов А., Гавриленко С. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. 2017. № 1. С. 1-40. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-1-34 EDN: YLPVOJ
18. Latour B. On actor-network-theory: A Few Clarifications plus more than a few Complications // Soziale Welt. 1999. No. 47. P. 369-381.
19. Stiegler, B. *Technics and time. Part 1. The fault of Epimetheus*. Stanford, CT: Stanford University Press, 1998. 316 p.
20. Stiegler, B. *Technics and time. Part 2*. Stanford, CT: Stanford University Press, 2009. 285 p.
21. Stiegler B. *Technics and Time. Part 3*. Stanford, CT: Stanford University Press, 2010. 280 p.
22. Stiegler B. *For A New Critique of Political Economy*. Polity Press, 2010. 154 p.
23. Marcuse H. *The Containment of Social Change in Industrial Society* // Towards A Critical Theory of Society Routledge. London & New York, 2001. P. 83-94.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья является основательным исследованием одной из важнейших проблем современной философии техники, касающейся перспектив существования человека. Эту проблему можно определить как динамическое соотношение «живой чувственности» человека и прогрессирующего развития техники, которая эту чувственность постоянно видоизменяет. Выбор в качестве предмета анализа указанной проблемы определяет и круг мыслителей, взгляды которых представляются автору статьи наиболее важными в процессе её изучения. Речь в статье идёт о «триаде ключевых мыслителей» – Ж. Симондоне, Б. Латуре, Б. Стиглере. Следует отметить, что статья достаточно сложна по своему построению. Лишь на первый взгляд она представляется последовательностью трёх разделов, в которых описывается и анализируется «обратное влияние» техники на человека и, главным образом, на его чувственность. В действительности замысел автора более амбициозен, – он утверждает, что ему удалось «синтезировать» подходы трёх указанных мыслителей и на этой основе ввести в научный оборот понятие «новой перцептивной грамматики». Следует иметь ввиду, что обоснование необходимости использования нового научного понятия представляет собой очень серьёзную задачу для всякого исследователя, и в границах рецензии трудно оценить все преимущества и, может быть, слабые места предпринимаемого автором статьи шага. Приведём для начала определение этого понятия: «новая перцептивная грамматика» – это «система технических, социальных и экзистенциальных правил, которые организуют саму возможность быть затронутым в цифровой ассоциированной среде. Эта грамматика не просто опосредует, но активно производит реальность, определяя, что может стать событием для восприятия, а что останется незамеченным шумом, что будет усилено, а что отфильтровано». Дело в том, что, по мнению автора, в современном мире невозможно говорить о «чувственности человека» как таковой, она представляет лишь одну сторону системы взаимодействующих элементов, и из самой чувственности невозможно объяснить ни познание и деятельность человека, ни её собственное функционирование. Точнее, автор считает, что современные процессы взаимодействия человека и создаваемого им технического окружения, собственно, лишь выявляют «несамодостаточность» чувственности, она становится очевидной, однако, в действительности, человек с самого начала своего выделения из природного мира пребывает в меняющемся соотношении с создаваемыми им «искусственными» элементами мира, поэтому – в определённой мере – зависимость чувственности от техники является фундаментальной характеристикой человеческого существования. Рецензент должен признаться, что в процессе знакомства со статьёй у него не возникло существенных замечаний теоретического плана. Единственное пожелание, которое, может быть, автор утешит в последующих публикациях, состоит в том, что в процессе рассмотрения столь фундаментальных проблем необходимо учитывать исторический и теоретический контекст, стремиться усмотреть аналогии исследуемых новых процессов с тем, что известно из предшествующей философии и науки. В данном случае, когда автор говорит о невозможности рассмотрения человека вне соотношения с техническим миром, нельзя не вспомнить один очень известный сюжет – обоснование К. Марксом бессмыслинности прежнего (метафизического) понятия «человеческой природы» вне социального мира, который не только «реализует» эту «природу» (в той мере, в какой о ней вообще можно

говорить как о некой субстанции), но и создаёт и постоянно «перестраивает» её. Таким образом на место «ансамбля общественных отношений» Маркса в современном мире, по мнению автора статьи, выступает система связей человека и мира техники, который – точно так же – в действительности и создаёт «нового человека», в том числе, «новую чувственность». Впрочем, это лишь одна, может быть, самая очевидная, аналогия, которая выступает в сознании читателя в процессе знакомства с текстом, и внимательное прочтение способно открыть и ряд других не менее интересных связей современных философских исследований с историей классической философии. До публикации статьи в журнале желательно исправить некоторые технические недостатки текста – использование непривычных для читателя выражений, которые не являются необходимыми для передачи мысли, немногочисленные пунктуационные ошибки, выражения, неудачные со стилистической, синтаксической («оспаривая подходы от Платона до Хайдеггера, Стиглер...») или содержательной, концептуальной стороны («Латур переориентирует кантовскую антиномию...», – у Канта «антиномия» имеет специальный и весьма строгий смысл!). Не сомневаюсь в том, что статья заслуживает публикации в научном журнале.

Англоязычные метаданные

The people and folk themes in Beijing opera

Peng Chen

PhD in Cultural Studies

Postgraduate student; Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, Mendelevskaya line, 5

✉ st112974@student.spbu.ru

Abstract. This article presents a detailed analysis of the evolutionary development of Beijing opera, with particular attention to works where the central theme is the depiction of characters from lower social strata, who had previously not been adequately represented in the repertoire. As a result of the reforms carried out in the development of Beijing opera, significant changes occurred, expressed in the inclusion of "civilian protagonists" in the repertoire. These characters, thanks to their outstanding combat qualities and heroic deeds, became a significant part of theatrical heritage. Illustrative examples include the following works: "Zhu Sha Zhi" by Yu Zhi, "The Legend of the Red Lantern" by Wen Ouhun, "In the Dock" staged by the Shanghai troupe of Beijing opera, and "Shajieben" presented by the Beijing opera troupe. These works demonstrate the expansion of the thematic range of Beijing opera and reflect the process of integrating previously marginalized social groups into the cultural context. This article employs a cultural-historical method of research, which has allowed for the identification and documentation of the specific cultural contexts that determined the genre, stylistic, and artistic characteristics of operatic works in various historical periods. The novelty of this article lies in its exploration of the evolution of Beijing opera during the Qing Dynasty (1616–1911), when this genre reached its height and became one of the dominant forms of operatic art. During this period, particular attention was given to historical epics, heroic tales, and folk legends in the works of Beijing opera. The opera played an important role in the cultural and social life of feudal society, serving as a significant tool for entertainment and enlightenment. It contributed to the dissemination of traditional values such as loyalty, filial piety, righteousness, and honesty, as well as the maintenance of the existing social order. The article also examines the trajectory of the development of Beijing opera, focusing on works where the main characters are representatives of lower social classes, who were previously ignored or looked down upon. After the reform of Beijing opera, there was a significant change in the repertoire, where "civilian protagonists" came to the forefront, gaining widespread recognition for their combat qualities and heroism.

Keywords: Nationality, Reality, Contemporary art, Modern Peking Opera, Traditional genre, Chinese history, Revolutionary exemplary performances, Chinese culture, Peking Opera, The image of the people

References (transliterated)

1. An' Nin. Vvedenie v adaptatsiyu i adaptatsiyu obraztsovogo teatra -- na primere "Shatszyaban". [安宁.浅谈样板戏的改编与被改编 -- 以“沙家浜”为例. 戏剧之家]. – Teatral'nyi dom, 2022: (11). – S. 18.
2. Bao Tyan'run'. Vvedenie v znachenie sovremennoi teatral'noi postanovki i ispolneniya -- na primere sovremennoi Pekinskoi opery "Povest' o krasnykh fonaryakh". [包天润. 浅谈现代戏创作对当代戏曲编演的启

- 示意意义 -- 现代京剧“红灯记”为例. 戏友]. – Druz'ya teatra, 2021: (02). – S. 32.
3. Gao Tszyan'. Preobrazhennyi narod: issledovanie opernykh fil'mov semnadtsati let. [高健. 被改造的民间：“十七年”戏曲电影研究. 山西师范大学]. – Shan'siiskii pedagogicheskii universitet, 2024. – S. 37.
 4. Lin Shan'. O novatorstve opernoi literatury v "semnadtsat' let". [林山. 论“十七年”戏曲文学的创新. 福建师范大学]. – Futszyan'skii pedagogicheskii universitet, 2014. – S. 43.
 5. Ma Shaobo. Iстория Kitaiskoi Pekinskoi opery. T. 1. [马少波. 中国京剧史. 第1卷. 北京: 中国戏剧出版社]. – Pekin: Kitaiskoe dramaticheskoe izdatel'stvo, 1990. – S. 570.
 6. Fu Tszin'. Sbornik istoricheskikh dokumentov o pekinskoi opere (tom epokhi dinastii Tsin), T. 1. [傅瑾. 京剧历史文献汇编 (清代卷) 第一卷. 凤凰出版社]. – Izdatel'stvo "Feniks", 2011. – 909 s.
 7. Khu Shen, Lyu Fenlin'. O refleksivnoi esteticheskoi obraznosti v pekinskoi opere. [胡胜, 柳逢霖. 论京剧中的反观式美学意象. 辽宁大学学报(哲学社会科学版)]. – Zhurnal Lyaoninskogo universiteta (izdanie "Filosofiya i sotsial'nye nauki"), 2019, 47(02). – S. 157.
 8. Chzhan Veipin. Adaptatsiya: Prosmotr pekinskoi opery "Pyat' docherei, pochitayushchikh svoyu mat'". Mezhdu traditsiei i sovremenost'yu. [张伟品. 改编: 在传统与时代之间看京剧 “五女拜寿”. 中国戏剧]. – Kitaiskaya drama, 2024, (03). – C. 7.
 9. Chen' E. Etyud dramaturga Yui Chzhi. [陈烨. 戏曲家余治研究. 同济大学]. – Universitet Tuntszi, 2008. – S. 23.
 10. Chen' Tszin'. Mao Tszedun i reforma pekinskoi opery. [陈晋. 毛泽东与京剧改革. 党史天地]. – Iстория partii i mir, 1997, (06). – S. 21.
 11. Yan' Tsyuan'i. Literaturnaya istoriya Pekinskoi opery pri dinastii Tsin. [颜全毅. 清代京剧文学史. 南京师范大学]. – Nankinskii pedagogicheskii universitet, 2005. – S. 54, 56, 209.

Temple - Buddha Museum Jixin

Ba Wan'li

PhD in Cultural Studies

applicant; Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University
Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, line 6-ya.O., 47 K. 30

 bawanli091@gmail.com

Abstract. The Jixin Wooden Buddha Temple Museum, situated in Qinhuangdao City, Hebei Province, constitutes an architectural ensemble that seamlessly integrates the traditional functions of a Buddhist temple with contemporary museum operations. The design and spatial organization of the structure reflect the aesthetic principles of traditional Chinese Buddhist architecture. Although the overall layout adheres to the conventional Chinese Buddhist temple configuration, the most innovative elements are evident in the interiors of the three rear halls, featuring a modern spatial arrangement. Consequently, while the exterior of the temple maintains a traditional appearance, its interior design is remarkably contemporary. The central structure of the temple complex is a seven-story ultramodern pagoda, situated in the rear hall. This pagoda houses and displays a collection of wooden Buddha statues. The subsidiary halls on either side of the main rear hall have undergone comprehensive modern renovations, featuring contemporary modifications to their interior layouts. The building's interior utilizes modern technology to carve traditional Buddhist scriptures onto illuminated panels, creating a tranquil atmosphere. These renovated spaces are designed for the study of Buddhist scriptures and house a library. This integration of traditional Buddhist architectural principles with modern design elements establishes a new standard for contemporary Chinese temple

architecture, this kind of modern transformation can give traditional buildings a new lease on life through modern construction techniques and methods, making them more suitable for modern lifestyles. Marking a significant advancement in the evolution of contemporary Chinese Buddhist architectural practice.

Keywords: tradition, structure, space, Guanyin Buddha, pagoda, architecture, wooden Buddha, museum, Buddhist temple, innovation

References (transliterated)

1. Khan Sh. Khram Tszushan' Tszisin'-muzei derevyannogo Buddy // Modern Decoration. 2023. № 24. S. 32-39. [韩双羽. 祖山济心寺·木佛博物馆. 现代装饰,2023(24):32-39.]
2. Lyu L. Predvaritel'noe issledovanie novoi standartizirovannoj praktiki antichnogo stroitel'stva na osnove sborki // Stroitel'nye materialy i otdelka. 2018. № 6. S. 138. [刘灌.基于新型标准化装配式仿古建筑做法初探.建材与装饰, 2018(6):138.]
3. Chzhan Kh. Lektsii po arkitekture buddiiskikh monastyrei v Kitae. Pekin: Sovremennoe kitaiskoe izdatel'stvo, 2007. [张驭寰.中国佛教寺院建筑讲座.北京:当代中国出版社,2007.6.]
4. Go Ts. Kitaiskie khramy. Pekin: Izdatel'stvo sel'skogo chteniya, 2009. [郭俊红.中华寺庙.北京:农村读物出版社,2009.11.]
5. Duan' Yu. Kitaiskaya khramovaya kul'tura. Shankhai: Shankhaiskoe narodnoe izdatel'stvo, 1994. [段玉明.中国寺庙文化.上海:上海人民出版社,1994.]
6. Lv Ts., Chzhan Ts. Razmyshleniya o dizaine sovremennoi buddiiskoi khramovoi arkitektury v Kitae-na primere khrama Chzhuntai Chan' i gory Fafen na Taivane // Arkitektura Tsentral'nogo Kitaya. 2011. T. 29, № 09. S. 45-48. [吕江波,张琦.中国当代佛教寺庙建筑的设计思考--以台湾中台禅寺和法封山为例.华中建筑,2011,29(09):45-48.]
7. Tong Nana. Issledovanie dekorativnogo iskusstva khramovoi arkitektury Chaoshan'. Khunan'skii tekhnologicheskii universitet, 2017. [童娜娜.潮汕寺庙建筑装饰艺术研究.湖南工业大学,2017.]
8. Li S., Chzhu G. Predvaritel'noe issledovanie planirovaniya i dizaina sovremennykh buddiiskikh khramov // Zhurnal arkitektury Yugo-Vostochnogo universiteta. S. 68-71. [李新建 朱光亚.当代佛教寺庙规划设计初探.建筑学报, 东南大学. P 68-71.]
9. Varova E. I. Kontseptsiya edinstva cheloveka i prirody v kul'tovoi arkitekture Kitaya // Izvestiya AltGU. 2014. № 2 (82). S. 168-171. DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-32 EDN: TEJYCL
10. Adygbai Ch. O., Kongu A. A. Sakral'nye aspeky buddiiskikh monastyrei Tuvy // Vestnik KalmGU. 2016. № 3 (31). S. 4-12.
11. Zhang Jitong. Modernized Traditional Temple. VirginiaTech, 2024. [未翻译]
12. Yan' Ch. Issledovanie vneshnikh morfologicheskikh kharakteristik bol'shikh i srednikh sovremennykh khramovykh zdaniy v Kitae. Ukhan'skii tekhnologicheskii universitet, 2015. [闫晨. 我国大中型现代寺庙建筑外部形态特征研究.武汉理工大学,2015.]
13. Varova E. I. Issledovanie traditsionnoi kontseptsii edinstva cheloveka i prirody v kul'tovoi arkitekture Kitaya v trudakh sovremennykh uchenykh // Manuskript. 2016. № 6-2 (68). S. 54-57.
14. Lyu S. Issledovanie turisticheskogo landshaftnogo dizaina khramovoi arkitektury Guanchzhou na osnove ontologicheskoi zashchity. Universitet Guanchzhou, 2013. [刘茜. 基于本体保护的广州寺庙建筑旅游景观设计研究.广州大学,2013.]
15. Van S. Khram Tszushan' Tszisin'-Muzei derevyannogo Buddy-drugoi mir // Zhurnal o nedvizhimosti. 2023. № 19. S. 32-35. [王萱. 祖山济心寺·木佛博物馆--别有洞天. 房地产导

刊,2023(19):32-35.]

16. Gao Veimin. Antichnye stroitel'nye tekhnologii v sovremennoi khramovoi arkitekture // Building Construction. 2019. T. 41, № 09. S. 1673–1675. [高卫明.现代寺庙建筑中的仿古施工技术.建筑施工,2019,41(09):1673–1675.]

Knowledge, thinking, and management

Gribkov Andrei Armovich

Doctor of Technical Science

Leading researcher; Scientific and production complex 'Technological Center'

124498, Russia, Moscow, Shokin square, 1, building 7

✉ andarmo@yandex.ru

Zelenskii Aleksandr Aleksandrovich

PhD in Technical Science

Leading researcher; Scientific and production complex 'Technological Center'

124498, Russia, Moscow, Shokin square, 1, building 7

✉ zelenskyaa@gmail.com

Abstract. The subject of this article's research is three interrelated concepts: knowledge, thinking, and management. A comprehensive analysis of these concepts, the definition of key terms and mechanisms reveals their significant commonality. The study of the knowledge system implies: consideration of methods for constructing the knowledge system, a comparative analysis of these methods, determination of the possibility of forming a meaningful model of knowledge; analysis of thinking – a set of event chains that make up the process of working memory in the cognitive system; managing complex systems, including real-time management of cognitive systems. In conclusion, the social aspect of the development of artificial cognitive systems is examined in the context of the established concepts of the knowledge-thinking-management cycle during the transition of civilization to the stage of cognitive technology civilization, characterized by a sharp increase in the significance of artificial cognitive systems. The research methodology is based on the use of knowledge from many fields: epistemology, general system theory and the methodology of scientific cognition, cognitive systems theory, management theory, and others. Various actor-oriented approaches were used as tools for implementing tasks related to building knowledge systems, developing thinking, and management. The scientific novelty of the research presented in the article lies in the comprehensive consideration of all three components of the knowledge-thinking-management cycle. To achieve this, each of the corresponding concepts in the subject areas is analyzed within the frameworks of their relevant theoretical approaches while ensuring the commonality of terminology and concepts used. Significant results of the research include the formalization of the differences between the categories of understanding and comprehension, and through them, approaches to constructing syntactic and semantic models of knowledge. One of the most promising methods for improving cognitive systems is the addition of the attention mechanism with a special extension – a librarian that indexes data in long-term memory according to syntactic and semantic markers, as well as performs preliminary calculations to solve typical tasks that require significant time resources.

Keywords: cognitive system, patterns, isomorphism, integrity, comprehension, understanding, multisystem integration of knowledge, knowledge system, working memory

process, management

References (transliterated)

1. Lebedev S. A. Problema tselostnosti sistemy nauchnogo znaniya: osnovnye faktory // Zhurnal filosofskikh issledovanii. 2018. T. 4, № 3. S. 45-66. EDN YNXHAT.
2. Gribkov A. A. Empiriko-metafizicheskaya obshchaya teoriya sistem: monografiya. Moskva: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznanii, 2024. 360 s. DOI: 10.17513/np.607. EDN QTOCDS.
3. Shchedrovitskii G. P. Problemy metodologii sistemnogo issledovaniya. Moskva: Znanie, 1964. 49 s. EDN NUOYOA.
4. Ocherki stanovleniya SMD-metodologii: konspekty lektsii G. P. Shchedrovitskogo v MISI (1987-1988) / A. A. Piskoppel', V. R. Rokityanskii, L. P. Shchedrovitskii (konseptirovaniye). Moskva: "Nasledie MMK", 2009. 198 s.
5. Wiig K. M. Knowledge Management Foundations: Thinking about Thinking – How People and Organizations Create, Represent, and Use Knowledge. Arlington: Schema Press, LTD., 1993. ISBN 0-9638925-0-9.
6. Levenchuk A. S. Sistemnoinzhenernoe myshlenie. Moskva: MFTI, 2015. 305 s.
7. Senge P. Pyataya distsiplina: iskusstvo i praktika samoobuchayushcheisya organizatsii. Moskva: ZAO "Olimp-Biznes", 1999. 408 s. ISBN 5-901028-10-4.
8. Zharov S. N. O sootnoshenii bytiya i real'nosti v estestvennoauchnom poznaniii // Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya. 2011. № 2. S. 11-28. EDN ONW GSL.
9. Trynkin V. V. Izuchenie metodov poznaniya bytiya // Vestnik Mininskogo universiteta. 2025. T. 4, № 12. S. 9. EDN VHIZOT.
10. Gribkov A.A. Tvorchestvo kak implementatsiya predstavleniya o tselostnosti mira // Filosofskaya mysl'. 2024. № 3. S. 44-53. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.3.70034 EDN: ATWDXF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70034
11. Alieva N. Z., Gritskikh O. Yu., Shakhovskaya A. A. Sootnoshenie ratsional'nogo i irratsional'nogo v sovremenном kontsepte znaniya // Uspekhi sovremenного estestvoznaniiya. 2012. № 6. S. 196-197. EDN PBJVNP.
12. Kvasyuk T. Ya. Ponimanie kak myslitel'nyi protsess // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psichologiya. Sotsiokinetika. 2010. T. 16, № 3. S. 125-129. EDN NTUCZP.
13. Shadrikov V. D. Ponimanie: opredelenie i mekhanizmy // Kul'turno-istoricheskaya psichologiya. 2019. T. 15, № 4. S. 17-24. DOI: 10.17759/chp.2019150402. EDN AUMYGS.
14. Osoznat' smysl, osmyslit' soznanie: razum i Drugaya ratsional'nost': sb. statei / otv. red. serii R. V. Pskhu; otv. red. toma A. V. Smirnov. Moskva: OOO "Sadra", 2023. 360 s. ISBN 978-5-907552-63-0.
15. Arutyunyan O. A. Ponimanie kak osmyslenie // Aktual'nye voprosy filologicheskikh issledovanii: sbornik statei materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya N. A. Nekrasova, Krasnodar, 15 marta 2021 goda / FGBOU VO "Kubanskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet"; pod redaktsiei I. V. Rus-Bryushininoi, E. A. Beretskoi. Krasnodar: OOO "Izdatel'skii Dom – Yug", 2021. S. 56-59. EDN HRSDYS.
16. Bertalanffy L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. George Braziller Inc., New York, 1969. 289 p.
17. Bogdanov A. A. Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka. V dvukh knigakh.

- Moskva: "Ekonomika", 1989.
18. Uemov A. I. Sistemnyi podkhod i obshchaya teoriya sistem. Moskva: "Mysl'", 1978. 272 s.
 19. Gribkov A. A. Tri puti postroeniya sistemy znanii // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2025. № 8. S. 28-35. DOI: 10.24158/fik.2025.8.3. EDN SIHMPR.
 20. Aleksandryan R. A., Mirzakhanyan E. A. Obshchaya topologiya. Moskva, 1979. 336 s.
 21. Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Postanovka zadachi i opredelenie podkhodov k postroeniyu smyslovykh modelei znanija dlya ikusstvennogo intellekta // Filosofskaya mysl'. 2025. № 5. S. 1-13. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.5.74407 EDN: GHJTVU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74407
 22. Savitskaya E. V. Kognitivnye patterny yazykovogo myshleniya // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. 2020. № 3. S. 1-8. EDN HTLRVB.
 23. Belousov K. I., Baranov D. A., Zelyanskaya N. L. Nauchnaya predmetnaya oblast': ot ontologii k kontseptosfere // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2014. № 4. S. 52-62. EDN SXEVQH.
 24. Gribkov A.A. Vtorichnye patterny form i otnoshenii: postanovka zadachi i opredelenie metodologicheskikh podkhodov // Filosofiya i kul'tura. 2025. № 6. S. 15-29. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.6.74932 EDN: RBVHCT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74932
 25. Klini S. K. Vvedenie v metamatematiku. Moskva: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1957. 526 s.
 26. Sokolenko M. Formal'naya sistema v polnom ob'eme // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya "Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya". 2013. T. 26 (65), № 4. S. 384-388. EDN UMMZKF.
 27. Bulychev I. I. Razum i rassudok: novyi vzglyad na staruyu problemu // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 1999. № 3. S. 64-70. EDN NUQREJ.
 28. Roediger H. L. Implicit and explicit memory models. Bulletin of the Psychonomic Society. 1979. Vol. 13, No. 6. P. 339-342. DOI: 10.3758/BF03336889.
 29. Gribkov A.A. Semanticeskaya neopredelennost' obshchei teorii sistem i problemy ee interpretatsii i formalizatsii // Filosofiya i kul'tura. 2023. № 10. S. 100-111. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.10.44167 EDN: JWTGNS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44167
 30. Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Opredelenie soznaniya, samosoznaniya i sub"ektnosti v ramkakh informatsionnoi kontseptsii // Filosofiya i kul'tura. 2023. № 12. S. 1-14. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.12.69095 EDN: VZRLGO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69095
 31. Prygin G. S. Fenomen soznaniya: yavlyayetsya li informatsionnaya kontseptsiya soznaniya priryvom v ego ponimanii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika. 2017. T. 27, vyp. 4. S. 456-463. EDN YMOXEP.
 32. Tsvetkov V. Ya. Informatsionnaya sinergetika // Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii. 2021. № 2 (35). S. 72-78. DOI: 10.21777/2500-2112-2021-2-72-78. EDN THBIHE.
 33. Gros S. Complex and Adaptive Dynamical Systems. A Primer. Third Edition. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2013. 356 p. DOI: 10.1007/978-3-642-36586-7. EDN WTRAER.
 34. Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Rabochaya pamyat' kognitivnykh sistem: sposob sushchestvovaniya, modeli i kriterii otsenki // Psichologiya i Psikhotehnika. 2025. № 4. S. 66-80. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.4.77077 EDN: HAZCVZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77077

35. Gribkov A. A. Rozhdenie sub"ektnosti u iskusstvennogo intellekta: fantastika ili real'naya ugroza? // Filosofskie nauki. 2025. № 68(1). S. 116-132. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-1-116-132. EDN OHDKHE.
36. Baddeley A. D., Hitch G. Working Memory. In: Psychology of Learning and Motivation / Ed.: Gordon H. Bower. Academic Press, 1974. Vol. 8. P. 47-89. DOI: 10.1016/S0079-7421(08)60452-1.
37. Baddeley A. D., Hitch G. J., Allen R. J. Working memory and binding in sentence recall. Journal of Memory and Language. 2009. Vol. 61. P. 438-456. DOI: 10.1016/j.jml.2009.05.004.
38. Cowan N. An Embedded-Processes Model of working memory. In: Models of working memory: Mechanisms of active maintenance and executive control. Eds.: A. Miyake & P. Shah. Cambridge University Press, 1999. P. 62-101. DOI: 10.1017/CBO9781139174909.006.
39. Kuzina N. V. Struktury vistseral'noi pamyati i printsipy interpretatsii ee kriticheskikh epizodov v kodakh znakovykh modeliruyushchikh sistem // Byulleten' nauki i praktiki. 2016. № 6 (7). S. 383-395. DOI: 10.5281/zenodo.55934. EDN WBDVRP.
40. Nurkova V. V. Pamyat' // Obshchaya psichologiya. V 7 t.: uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii / pod red. B. S. Bratusya. Tom 3. Moskva: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2006. 320 s.
41. Nozdrachev A. D. Fiziologiya vegetativnoi nervnoi sistemy. Leningrad: Meditsina, 1983. 296 s.
42. Seledtsov V. I., Litvinova L. S., Goncharov A. G., Shupletsova V. V., Seledtsov D. V., Gutsol A. A., Seledtsova I. A. Kletochnye mekhanizmy generatsii immunologicheskoi pamyati // Tsitokiny i vospalenie. 2010. T. 9, № 4. S. 9-15. EDN OFYYIT.
43. Tsirkin V. I., Trukhina S. I., Trukhin A. N. Neirofiziologiya: Fiziologiya pamyati: uchebnik dlya vuzov. Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2021. 407 s.
44. Pushkareva T. P. Informatsionnoe modelirovanie pamyati // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2012. № 1. S. 233-237. EDN OXHIRZ.
45. Atkinson R. C., Shiffrin R. M. Chapter: Human memory: A proposed system and its control processes. In: The psychology of learning and motivation. Vol. 2 / Eds.: Spence K. W., Spence J. T. New York: Academic Press, 1968. P. 89-195. DOI: 10.1016/S0079-7421(08)60422-3.
46. Moskalik I. A. Kratkii obzor teorii vnimaniya, predstavlennykh v deyatel'nostnoi i kognitivnoi paradigmakh // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2006. № 1(43). S. 67-78. EDN PCUPPH.
47. Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Razumnaya kognitivnaya sistema s mul'tisistemnoi integratsiei znanii: vozmozhnost' i podkhody k formirovaniyu // Filosofskaya mys'. 2025. № 2. S. 1-11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.2.73395 EDN: HUPLGY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73395
48. Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Sinergetika iskusstvennykh kognitivnykh sistem s neravnovesnoi ustochivost'yu // Filosofiya i kul'tura. 2024. № 6. S. 93-103. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.6.70887 EDN: MJXODY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70887
49. Zelenskii A.A., Gribkov A.A. Ontologicheskie aspekty problemy realizuemosti upravleniya slozhnymi sistemami // Filosofskaya mys'. 2023. № 12. S. 21-31. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.12.68807 EDN: VIVNFQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68807

50. Gribkov A. A., Zelenskii A. A. Upravlenie slozhnymi sistemami: klyuchevye kharakteristiki i ontologicheskoe ogranichenie // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2025. № 11. S. 37-46. DOI: 10.24158/fik.2025.11.4.
51. Zelenskii A. A., Gribkov A. A. Osnovy formal'noi teorii sistem real'nogo vremeni // Informatsionno-upravlyayushchie sistemy. 2025. № 5. S. 2-10. DOI: 10.31799/1684-8853-2025-5-2-10. EDN JNQQK.
52. Khosla S., Zhen Zhu Z., He Y. Survey on Memory-Augmented Neural Networks: Cognitive Insights to AI Applications. arXiv:2312.06141, 2023. DOI: 10.48550/arXiv.2312.06141.
53. Gribkov A.A. Chelovek v tsivilizatsii kognitivnykh tekhnologii // Filosofiya i kul'tura. 2024. № 1. S. 22-33. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.1.69678 EDN: KAPIMN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69678
54. Lukov V. A. Transgumanizm // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2017. № 1. S. 245-252. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.20. EDN YJXIFP.
55. Dergalev S. M. Chto takoe transgumanizm i v chem ego opasnost'? // Trudy Belgorodskoi duchovnoi seminarii. 2018. № 8. S. 15-24. EDN OHNNTL.
56. Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Rasshirenie vozmozhnosti cheloveka: delegirovanie funktsii kognitivnym sistemam i ili put' transgumanizma? // Filosofiya i kul'tura. 2025. № 9. S. 75-87. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.9.75925 EDN: ZEW EPA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75925

Sound practices of commemoration in public space

Novikova Valeriya Sergeevna □

Postgraduate student; Department of Philosophy and Methodology of Science; National Research Tomsk State University

36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia, Tomsk Region

✉ val_novikova97@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the sound content of the commemorative event "Return of Names," in which vocal sound production revitalizes memory of the difficult past of the Soviet era in the public sphere. The author emphasizes that the performativity of the event itself serves as a fundamental semantic component, qualitatively distinguishing the ritual of commemoration from passive forms of understanding the past. Among the specific properties of the performative practice of commemoration, the following are noted: active engagement with the reconstructed past, plasticity and sensitivity to contextual changes, ritualized structure and regulation, as well as the involvement and personal responsibility of participants. The aim of this work is to explicate the role that sound plays in the reactivation and preservation of collective memory within the framework of public ritual, and to identify the characteristics of the auditory medium that influence our relationships with the past. The methodological framework of the study is presented through a philosophical-cultural analysis of the acoustic material, allowing for an examination of the essence of the sound phenomenon of the commemorative action as a product of the intersection of various philosophical concepts in the context of transformations of social reality. Based on the analysis conducted, the author identifies the characteristics of sound as one of the central elements of commemoration practices. Firstly, sound in commemorative practices is deeply woven into the contextual conditions of its reproduction, where the fullness of meaning claimed by the event is revealed. Secondly, thanks to the voice as a bodily instrument of sound production, which physiologically unites the participants in the action, the commemorative experience takes on a more engaged character. Thirdly, the sound concentrated in the voice that utters a name

becomes a tool for de-anonymization, giving memory of the victim a personified auditory embodiment. Fourthly, the ritualized nature of conducting the event, of which regulated sound filling is an integral attribute, serves as a platform for symbolic inclusion in a group that shares a common acoustic experience. Fifthly, by examining the location of sound complexes in public space, one can determine the position of the social group reproducing them on the socio-political arena. Sixthly, the fleeting nature of sound contributes to the subversive potential of the auditory medium, transforming it into a weapon for resisting mechanisms of memory suppression. The author concludes that sound in commemorative practice not only reminds us of the past but also allows us to symbolically experience the recreated experience, feeling a sense of participation in it through collective public actions.

Keywords: civic action, soundscape, Stalinist repressions, trauma, Return of Names, silence, sound image, sound, commemorative practice, collective memory

References (transliterated)

1. Shub M.L. Fenomen kommemoratsii: opyt kul'turologicheskogo analiza praktik publichnogo pominoveniya (na primere naimenovaniya ulits Chelyabinska) // Observatoriya kul'tury. 2018. № 2(15). S. 161-169. doi: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169
2. Yarychev N.U. Fenomen stikiinoi kommemoratsii: sushchnost', tipy, funktsii // Sfera kul'tury. 2022. № 1 (7). S. 13-19. doi: 10.48164/2713-301X_2022_7_13
3. Arkhipova A., Doronin D., Kirzyuk A., Radchenko D., Sokolova A., Titkov A., Yugai E. Voina kak prazdnik, prazdnik kak voina: performativnaya kommemoratsiya Dnya Pobedy // Antropologicheskii forum. 2017. № 33. S. 84-122.
4. Kondrat'eva S. Tantsevat' o nasledii: saitspetsifichnyi tanets i performans v istoricheskikh mestakh i muzeakh // The Garage Journal: issledovaniya v oblasti iskusstva, muzeev i kul'tury. 2021. № 3. S. 131-157. doi: 10.35074/GJ.2021.82.48.008
5. Rozhdestvenskaya E. Performativnaya pamyat' i pamyatnik vianbu v Yuzhnoi Koree // Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya. 2018. № 15(10). S. 91-101. doi: 10.19181/inter.2018.15.6
6. Yankovskaya G. Sovremennoe iskusstvo // Vse v proshлом. Teoriya i praktika publichnoi istorii. M.: Novoe izdatel'stvo, 2021. S. 199-213.
7. Sedova L.I. Performativnye praktiki kommemoratsii v konstruirovaniyi kollektivnoi identichnosti // Vestnik gosudarstvennogo universiteta "Dubna". Seriya "Nauki o cheloveke i obshchestve". 2023. № 2. S. 11-25.
8. Demina V.N. Prazdнование 50-и godovshchiny Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii v kontekste stanovleniya performativnykh praktik kommemoratsii // Yuzhno-Rossiiskii muzykal'nyi al'manakh. 2020. № 2. S. 28-33. doi: 10.24411/2076-4766-2020-12003
9. Fentress J., Wickham C. Social Memory. Oxford: Blackwell, 1992.
10. Zelizer B. Remembering to Forget: Holocaust Memory through the Camera's Eye. Chicago: University of Chicago Press, 1998.
11. Barash R. E. Postpamyat' o sovetskem proshlom kak osnovanie rossiiskogo nastoyashchego // Diagnоз sovremennosti i global'nye obshchestvennye vyzovy v sotsial'no-filosofskoi refleksii. M.: Logos, 2022. S. 72-86.
12. Goodman S. Sonic Warfare: Sound, Affect, and the Ecology of Fear. Cambridge: MIT Press, 2009.
13. Schulze H. Resistance and Resonance: A Political Anthropology of Sound // The Senses

- and Society. 2016. № 1 (11). Pp. 68-81.
14. Attali J. Noise: The Political Economy of Music (Theory and History of Literature, vol. 16). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985.
 15. Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory / Ed. by A. Erll, A. Rigney. Berlin: Walter de Gruyter, 2009.
 16. Connerton P. How Societies Remember. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1989.
 17. Starodubtseva L. V. Pamyat' v rituale i ritualy pamyati (mifologicheskoe Tseloe vo mnozhestve deistvii ego vosproizvodstva) // Mir psikhologii. 2003. № 3(35). S. 134-148.
 18. Epple N. V. Neudobnoe proshloe. Pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh. M.: NLO, 2023. (Nastoyashchii material proizveden inostrannym agentom Epple Nikolaem Vladimirovichem, vklyuchennym v reestr inostrannykh agentov).
 19. Ushakin S. "Nam etoi bol'yu dyshat"? O travme, pamyati i soobshchestvakh // Travma: punkty: sbornik statei / sost. S. Ushakin, E. Trubina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. S. 5-44.
 20. Roginskii A. Pamyat' o stalinizme. 2008. URL: <https://lib.memo.ru/media/book/27170.pdf> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
 21. Shnirel'man V. A. Travmaticheskaya pamyat': podkhody k izucheniyu i interpretatsii // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2021. № 2. S. 6-29. DOI: 10.17223/2312461X/32/1
 22. Schafer R. Murray. The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World. New York: Knopf, 1977.
 23. Voegelin S. Listening to Noise and Silence: Towards a Philosophy of Sound Art. London: Bloomsbury, 2010.

Lilong and Hutong as Prototypes of an Age-Friendly Street: A Comparative Architectural and Cultural Study

Yao Zhiyuan □

Postgraduate student; Institute of Philosophy, St. Petersburg State University
198504, Russia, St. Petersburg, Peterhof, Petrodvorets district, Khalturina str., 15, room 2

✉ yaozhiyuan32@outlook.com

Abstract. The article focuses on a comparative architectural and cultural analysis of Shanghai lilongs and hutongs within the context of active ageing and the creation of an age-friendly urban environment. The study aims to identify the architectural and spatial factors that contribute to the inclusivity of the urban environment and the social integration of elderly residents. The object of the study is the traditional residential neighborhoods of Shanghai and Beijing, represented by the lilong and hutong typological models, examined as environments of everyday urban life. The subject of the research encompasses the spatial conditions and social mechanisms that ensure daily interaction and the participation of older adults in the life of these neighborhoods. It also examines micromorphological environmental characteristics, such as the human scale of the built environment, the presence of transitional and semi-public zones, a dense network of narrow streets and courtyards, and the functional mix of residential use with everyday services. The research methodology involves comparative and historical-cultural approaches, a micromorphological analysis of spatial organization, and an

interpretative study of materials regarding everyday practices. The analysis reveals that a human-scale built environment, a developed system of transitional and semi-public zones, a dense network of small streets and courtyards, and a mix of residential and daily functions reduce the risk of social isolation among the elderly, support their daily mobility, and strengthen their sense of belonging. The scientific novelty of the work lies in the interdisciplinary interpretation of lilongs and hutongs as historical prototypes of an age-friendly urban environment. Additionally, it proposes an analytical approach that integrates architectural-spatial analysis, everyday life studies, and urban philosophy to examine the social integration of elderly urban residents. The results clarify the role of cultural-spatial factors in the integration of the older generation into urban life and emphasize the necessity of considering these factors when designing age-friendly urban environments.

Keywords: Everyday life, Social integration, Philosophy of the city, traditional Chinese urban fabric, hutong, lilong, active ageing, age-friendly environment, spatial inclusivity, urban heritage

References (transliterated)

1. Kienko T. S. Pozhilye gorozhane i audiovizual'naya sreda goroda: vozrast kak faktor solidarnosti s prostranstvom // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2019. T. 22, № 4. S. 57-87. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.4.3 EDN: SYRPIO.
2. Zhai Y. Resident-Centered Narrative Mapping for Micro-Morphological Analysis: Case of a Marginalized Lilong Compound in Downtown Shanghai // Land. 2025. Vol. 14, 609. DOI: 10.3390/land14030609 EDN: KIPAVQ.
3. Luo J. 'De-kinning' House, State Discourses and Relatedness in Modern China // Social Anthropology/Anthropologie Sociale. 2023. Vol. 31, No. 3. P. 84-101. DOI: 10.3167/saas.2023.310307.
4. Qian F. Tradition: Connecting the Past and Present-A Case Study of Xintiandi in Shanghai // Asian Culture and History. 2016. Vol. 8, No. 2. P. 10-17.
5. Wang Shaozhou, Chen Zhimin. 里弄建筑. Shanghai: Shanghai Scientific and Technical Literature Publishing House, 1987.
6. Wong P. Chinese Puzzle: Shifting Spatial and Social Patterns in Shanghai Shikumen Architecture // Diversity and Design: Understanding Hidden Consequences / Ed. by B. Tauke, K. Smith, C. Davis. New York: Routledge, 2015. P. 79-99.
7. Bracken G. The Shanghai lilong: A new concept of home in China // The Newsletter (International Institute for Asian Studies). 2020. No. 86 (Summer). P. 10-11.
8. Wallenwein F. From Artist Enclave to Living Urban Heritage: Exploring the Unconventional Path of a 1920s Mixed-use Urban Block in Shanghai // Journal of the European Association for Chinese Studies. 2023. Vol. 4. P. 45-73.
9. 北京胡同志. T. 1 / Ed. by Duan Bingren. Beijing: Beijing Publishing House, 2007.
10. Arkaraprasertkul N. Traditionalism as a Way of Life: The Sense of Home in a Shanghai Alleyway // Harvard Asia Quarterly. 2013. Vol. 15, Nos. 3/4. P. 15-25.
11. Bhatia N. The Rise of the Private: Shanghai's Transforming Housing Typologies // Mapping Urban Complexity in an Asian Context. Spring 2008. P. 67-76.
12. Zacharias J., Sun Z., Chuang L., Lee F. The hutong urban development model compared with contemporary suburban development in Beijing // Habitat International. 2015. Vol. 49. P. 260-265.
13. Arkaraprasertkul N., Williams M. The Death and Life of Shanghai's Alleyway Houses: Re-thinking Community and Historic Preservation // Revista de Cultura. 2015. No. 50.

P. 136-149.

14. Shin H. B. Urban conservation and revalorisation of dilapidated historic quarters: The case of Nanluoguxiang in Beijing // Cities. 2010. Vol. 27 (Suppl.). P. 43-54.
15. Tuan Yi-Fu. Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. New York: Columbia University Press, 1990. ISBN 978-0-231-07395-0.
16. World Health Organization. Active Ageing: A Policy Framework. Geneva: WHO, 2002. (WHO/NMH/NPH/02.8).
17. Lefevr A. Pravo na gorod. Glava I: Industrializatsiya i urbanizatsiya / per. s fr. D. Savosina // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2023. T. 24, № 1. S. 55-69. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-55-70 EDN: HEYVDX.
18. Certeau M. de. The Practice of Everyday Life / transl. by S. F. Rendall. 3rd ed. Berkeley: University of California Press, 2011.
19. Litman T. A. Urban Village Planning for Community Livability: Guidance for Creating Complete Walkable Neighborhoods to Maximize Health, Wealth and Happiness. Victoria, BC: Victoria Transport Policy Institute, 21 July 2025.
20. Rock M. Y. Interstitial spaces of caring and community: commodification, modernisation and the dislocations of everyday practice within Beijing's hutong neighbourhoods // Chinese Urbanism: Critical Perspectives / Ed. by M. Jayne. Abingdon; New York: Routledge, 2018. S. 86-106.
21. Levintov A. Filosofiya starosti. M.: Izdatel'skie resheniya, 2022.

Non-classical aesthetics in the cultural anthropology of Clifford Geertz

Deikun Ilia Dmitrievich □

Lecturer; Department of Humanities and Natural Sciences; Moscow Institute of Psychoanalysis
Postgraduate student; Department of Theoretical and Historical Poetics; Russian State University for the
Humanities

Office 405, Muzskaya pl., 6, Moscow, 125047, Russia

✉ iliariy@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the aesthetic discourse in K. Geertz's work "Deep Play," which is examined within the framework and based on the principles of a specific epistemology of anthropological research developed by the author. By characterizing the cockfights that were common on the island of Bali in the 1950s as a work of art, K. Geertz creates a multi-layered aesthetic description of them. He distinguishes the level of expressive means, which includes blood, bets, the crowd, the roosters themselves, projections of status, and fractional struggles; the level of the main experience, "anxiety," to which this diversity is subordinated; and the level at which cockfighting becomes a representation of a universal human event. However, these three levels do not create a unified aesthetics and do not allow for a formulation of the question of what constitutes art in this context. To address the question of the nature of the aesthetic that K. Geertz proposes, we rely primarily on the division of aesthetics into classical and non-classical developed in domestic philosophy. For the analysis of discursive insertions in Geertz's interpretation of the fights, we turn to neo-Kantian philosophy, the interpretation of the Aristotelian concept of mimesis, and phenomenological aesthetics. The scientific novelty of this research lies in the suggestion of a new pathway for the reception and conceptualization of Geertz's interpretative approach, which has not yet been realized. Although the problem of poetics and aesthetics of anthropological writing itself is regarded as significant, and the blending of humanitarian and

artistic-literary genres is recognized, with new writing practices being developed, the tools of poetics and aesthetics are not utilized. They are overshadowed by numerous critical approaches. However, as demonstrated by Geertz's work and the reception of his writings by his initial critics, incorporating philosophical aesthetics into the anthropological discourse is necessary. Since reception occurs through the "translation" of the perceived into the register of familiar discourses, this article proposes to turn to non-classical aesthetics as a domestic philosophical development. The concept of non-classics appears useful not only as a "name" but also due to its content, capturing the nature of non-classics not as a system but as a tense meaningful field.

Keywords: epistemology of anthropology, mimesis, phenomenology, interpretative anthropology, Clifford Geertz, cultural anthropology, Non-classical, Aesthetics, epistemology of the humanities, ethnography

References (transliterated)

1. Zorin A. Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 416 s.
2. Kostyrko V. Simvoly i sistemy: Klifford Girts v poiskakh nestrukturalistskoi semiotiki / V. Kostyrko // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2004. – № 6(70). – S. 5. EDN: HSEDCZ
3. Martynyuk K.V. Kognitivnoe vzaimodeistvie avtora i chitateliya khudozhestvennogo teksta (na primere kontsepta loneliness/odinochestvo). Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Novokuznetsk, 2021. EDN: ARUAQC
4. Ragozina S. A. "Nasyshchennoe opisanie" i interpretatsiya kul'tur: chem seichas polezen podkhod K. Girtsa v izuchenii islama v Rossii / S. A. Ragozina // Shagi / Steps. – 2021. – T. 7, № 2. – S. 115-135. DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-2-115-135 EDN: NLPQIR
5. Dunaeva A. O. Zagadki "Kvartiry"(k voprosu o metodologii teatrorvedcheskogo issledovaniya) / A. O. Dunaeva // Shagi / Steps. – 2019. – T. 5, № 4. – S. 172-185. EDN: OBPQJI
6. Forum: Antropologicheskie teorii dlya XXI veka: dorozhnaya karta // Antropologicheskii forum. 2025. № 64. S. 13-196. DOI: 10.31250/1815-8870-2025-21-64-13-196 EDN: IRDITF
7. Sokolovskii S. V. Veshchnost' i vlast' v obydennom soznanii (avtoetnograficheskie etyudy) / S. V. Sokolovskii // Etnometodologiya : problemy, podkhody, kontseptsii / Rossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut prirodnogo i kul'turnogo naslediya im. D.S. Likhacheva; Redaktory-sostaviteli: A.A. Piskoppel', V.R. Rokityanskii, L.P. Shchedrovitskii. – Moskva, 2000. – S. 70-108. EDN: QOZJQJ
8. van Voorst R. "Anthropological Fiction: Why Anthropologists Should Dare to Weave Speculation Through Academic Narratives." Etnofoor, vol. 36, no. 1, 2024, pp. 13-30.
9. Sokolovskii S. V. Chetvert' veka novoi rossiiskoi antropologii: prigranichnye konflikty i al'yansy / S. V. Sokolovskii // VII Kongress etnografov i antropologov Rossii : doklady i vystupleniya, Saransk, 09–14 iyulya 2007 goda. – Saransk: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 2007. – S. 411. EDN: SACRGL
10. Burrio N. Relyatsionnaya estetika. Postproduktsiya (sbornik) / N. Burrio. – "Ad Marginem Press", 1998. S. 111.
11. Roseberry W. "Balinese Cockfights and the Seduction of Anthropology." Social Research, 49, no. 4 (1982): 1013-28.

12. Girts K. Glubokaya igra: Zametki o petushinykh boyakh u baliitsev. – M.: Ad Marginem Press, 2017. – 96 s.
13. Kassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 1. Yazyk. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2002. 272 s.
14. Langer S. Filosofiya v novom klyuche: Issledovanie simvoliki razuma, rituala i iskusstva: Per. s angl. S. P. Evtushenko / Obshch. red. i poslesl. V. P. Shestakova. – M.: Respublika, 2000. – 287 s.
15. Bengtson E., Rozengren M. Filosofsko-antropologicheskii podkhod v ritorike. Sluchai Kassirera. // Filosofiya i kul'tura. 2019. № 1. S. 27-41. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.1.28512 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28512
16. Gartman N. Estetika / N. Gartman. – Kiev: Nika-Tsentr, 2004. – 582 s.
17. Prashcheruk N. V. Grotesk v proze i publitsistike I. A. Bunina / N. V. Prashcheruk // Filologicheskii klass. – 2020. – T. 25, № 2. – S. 48-57. DOI: 10.26170/FK20-02-04 EDN: OWFVJT
18. Sadovskii V.N. Sintez // Novaya filosofskaya entsiklopediya. Tom tretii. N-S. Moskva: "Mysl'", 2010. S. 546-547.
19. Nikitina N.N. Mimesis v estetike Aristotelya. M.: Znanie, 1990. – 64 s.
20. Hart J. Northrop Frye. The theoretical imagination. Routledge. London and New York, 1996. P. 331.
21. Crapanzano V. Hermes's Dilemma: The Masking of Subversion in Ethnographic Description in Writing Culture. The Poetics and Politics of Ethnography. Ed. by James Clifford, George E. Marcus. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London. Pp. 51-77.
22. Girts K. Interpretatsiya kul'tur / Per. s angl. – M.: "Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN), 2004. – 560 s. EDN: QOCQVP
23. Clifford J. Introduction: Partial Truths in Writing Culture. The Poetics and Politics of Ethnography. Ed. by James Clifford, George E. Marcus. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London. Pp. 1-27.
24. Mikhailov I.F. Proshlo li vremya filosofii? // Voprosy filosofii. 2019. № 1. S. 15-25. DOI: 10.31857/S004287440003613-9 EDN: YWNIZV
25. Potamskaya V.P. Istoricheskaya reprezentatsiya i metaistoriya v filosofii Kh. Uaita / V. P. Potamskaya // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. – 2016. – № 2. – S. 223-241. EDN: WHPMEJ
26. Bychkov V.V. Problemy i "bolevye tochki" sovremennoi estetiki // Estetika: Vchera. Segodnya. Vsegda. – M., 2005. – S. 3-39.
27. Kassen B. Effekt sofistiki. Per. s frants. A. Rossius. Moskva – Sankt-Peterburg: Moskovskii filosofskii fond, Universitetskaya kniga, Kul'turnaya initsiativa, 2000. – 239 s.

The symbolic structure of Yin and Yang as an integrative principle of traditional Chinese culture

Zhang Yunfei □

Senior Lecturer; Institute of Humanities; Altai State University
Postgraduate student; Institute of Humanities; Altai State University

66 Dimitrova str., Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ yunfey@yandex.ru

Abstract. The article examines the symbolic structure of Yin and Yang as a universal integrative principle of Chinese cultural tradition, ensuring the integrity of the worldview system and serving as a key mechanism for organizing cosmic and social order. Special attention is given to how the dual code of Yin and Yang forms the foundations of the traditional cosmological model, defines the nature of ontological and axiological concepts, structures the value system, and influences the ways of interpreting natural, social, and anthropological processes. The aim of the work is to reveal the role of the binary opposition of Yin and Yang in the formation and development of the Chinese cultural matrix, as well as to analyze its transformations in the context of historical dynamics, intercultural interactions, and contemporary processes of globalization. The study considers the potential of Yin-Yang as a mechanism of cultural self-regulation, ensuring the stability of tradition and its capacity for adaptation and reproduction in changing sociocultural conditions. The methodological foundation includes philosophical-cultural and comparative-philosophical analysis of classical texts, the symbolism of Taiji, and cultural practices. The transformation of Yin and Yang, the connection with the triad "Heaven – Man – Earth," and the role of dualism as a cultural meta-regulator providing a balance between tradition and innovation are explored. The novelty of the study lies in the comprehensive and interdisciplinary examination of the symbolic structure of Yin and Yang as a methodological framework capable of integrating metaphysical, ontological, aesthetic, axiological, and socio-political dimensions of Chinese culture into a unified analytical perspective. The work demonstrates that the binary code of Yin and Yang functions not only as a philosophical category but also as a universal principle for structuring cultural practices, behavioral models, forms of collective consciousness, and mechanisms of social regulation. This approach allows for a rethinking of traditional concepts of the Chinese cultural matrix, uncovering hidden patterns in its internal dynamics and tracing the transformations of the dual principle in various historical and civilizational contexts. The results obtained have theoretical and practical significance and can be used in cultural, philosophical, sociological, anthropological, and intercultural studies related to the analysis of value systems, symbolic codes, and models of cultural adaptation.

Keywords: integrative mechanism, dual principle, cultural self-regulation, value system, Chinese cultural tradition, philosophy of culture, symbolic structure, Yin and Yang, Chinese value system, philosophical and cultural approach

References (transliterated)

1. Abramova N. A., Morozova V. S. Nekotorye kategorii traditsionnoi kitaiskoi kul'tury v sovremennoykh interpretatsiyakh: tsennostnyi aspekt // Vestnik ChitGU. 2007. № 2 (43). S. 114-128.
2. Alekseev V. M. Ocherki kitaiskoi filosofii. – M.: Vostochnaya literatura, 1994. 312 s.
3. Busygina A. F. Fundamental'nye kategorii duchkovnoi kul'tury Kitaya: Tai tszi i In'-yan // Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. 2018. № 3. S. 45-52.
4. Van Syaofen. Kitaiskaya traditsionnaya filosofiya "khe-khe" i ee sovremennoe znachenie // Philosophy Progress. 2023. T. 12, № 1. S. 78-81.
5. Dasheeva V. V., Khandarkhaeva V. V. Filosofskoe uchenie in'yan v kitaiskoi kul'turnoi traditsii // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. 2022. № 2. S. 17-24. DOI: 10.18101/1994-0866-2022-2-17-24 EDN: EEZIIM.
6. Gao T. Kontsept "Patriotizm" v russkom kommunisticheskem diskurse v zerkale kitaiskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 6. S. 75-78. EDN: YNGODJ.

7. Konfutsii. Lun' yui (Besedy i suzhdeleniya) // Konfutsii. Sochineniya. – M.: Vostochnaya literatura, 2000. 544 s.
8. Lao-tszy. Dao de tszin (Kniga puti i dobrodeteli) // Lao-tszy. Kanon Puti i Blagodati. – M.: Respublika, 1993. 214 s.
9. Lyu Tszoyuan'. Traditsionnaya sistema tsennostei v gosudarstvennoi ideologii KNR // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2022. T. 11. № 2A. S. 199-204.
10. Malyavin V. V. Poverkh garmonii: zametki o potentsiale kitaiskogo mirovozzreniya v mezhnatsional'nom i global'nom poryadke i upravlenii // Orientalistika. 2022. T. 5, № 4. S. 961-978. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-961-978 EDN: QJRUVO.
11. Kargapolov E. P. Filosofskie osnovaniya razvitiya kul'turologii kak sistemy znanii o kul'ture // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. Vyp. 1 (44). S. 64-71. EDN: YJVKSH.
12. Popov E. A. Mezhdistsiplinarnyi opyt gumanitarnogo znanija i sovremennoi sotsiologicheskoi nauki // Politika i Obshchestvo. 2013. № 4. S. 441-447. EDN: QACJTX.
13. Popov E.A. Iskusstvo v sisteme traditsionnykh tsennostei (po materialam Vsemirnogo obzora tsennostei) // Filosofiya i kul'tura. 2024. № 5. S. 12-22. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.5.70819 EDN: EFLVYE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70819
14. Popov E.A. Sakralizatsiya tsennostnykh struktur chelovecheskogo bytiya v dukhovnoi kul'ture Bol'shogo Altaya // Filosofiya i kul'tura. 2023. № 5. S. 182-190. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.5.40874 EDN: BPKXVZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40874
15. Sun' Tszyao. Semanticheskie osobennosti chen'yui // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. 2024. № 2. S. 42-48. EDN: KOPGJ.
16. Chzhuan-tszy. Chzhuan-tszy // Chzhuan-tszy. Kniga Mastera Chzhuan. – SPb.: Azbuka, 2012. 416 s.
17. Chen' Lai. Sovremennaya tsennost' i znachenie kitaiskoi kul'tury // Rukovodstvo dukhovnoi tsivilizatsii. 2017. № 8. S. 1-8.
18. BCC – The Beijing Language and Culture University Corpus Center // Natsional'nyi korpus kitaiskogo yazyka. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn>.
19. The Central People's Government of the People's Republic of China // The State Council of the PRC. URL: <https://english.www.gov.cn>.
20. Ministry of Education of the People's Republic of China // Ministry of Education Official Website. URL: <http://en.moe.gov.cn>.

The Epistolary Self-Presentation of M.V. Lomonosov: The Construction of the Scientist's Identity in 18th Century Russian Culture

Rutsinskaya Irina □

Doctor of Cultural Studies

Professor of the Department of Regional Studies at Lomonosov Moscow State University

✉ irinaru2110@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the epistolary heritage of M.V. Lomonosov. A sufficiently extensive corpus of letters, thoroughly studied by philologists and historians,

has hardly been examined as a form of self-description. The study clarifies what roles M.V. Lomonosov sought to establish for himself in his correspondence, what topics he included and excluded from his epistolary communication, and how he distributed tones and rhetorical gestures among different groups of his addressees – patrons, colleagues at the Academy of Sciences, and subordinates. Special attention is given to the formulaic expressions in the texts (addresses, self-naming) and their dependence on the status of the addressee. It is emphasized that Lomonosov not only impeccably mastered the norms of epistolary etiquette but also used them as a tool for social positioning, strengthening personal authority, and achieving desired goals. An interdisciplinary approach, combining methods of historical-biographical analysis and sociocultural interpretation of the text, allows for the reconstruction of the system of epistolary behavior of the sender. The scientific novelty of the work lies in the fact that Lomonosov's epistolary legacy is interpreted for the first time as a coherent strategy of self-presentation of a professional scholar. The fact that in his correspondence, Lomonosov positioned himself primarily as a scientist, relegating other roles and statuses (poet, administrator) to the periphery, allows for an examination of his texts in the context of the emergence of this profession in 18th-century Russia. The correspondence presents a space where the Enlightenment ideal of the autonomy of the individual, based on reason and individual achievements, is vividly revealed, while simultaneously exposing the deep contradictions faced by a scholar existing under conditions of patronage dependence and institutional uncertainty. Thus, Lomonosov's "epistolary portrait" illustrates how models and the rhetoric of self-presentation were shaped in Russian culture during the Modern era.

Keywords: Russian culture, Enlightenment, epistolary culture, epistolary etiquette, scholar, Mikhail Lomonosov, Academy of Sciences, epistolary self-presentation, letters, identity

References (transliterated)

1. Birr-Tsurkan L. F. Etiketnost' kak zhanrovaya osobennost' epistolyarnykh tekstov // Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. 2018. № 8. S. 9-25.
2. Bunyaeva M. V. Osobennosti chekhovskogo epistolyarnogo diskursa // Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik. 2010. № 8. S. 51-54. EDN: RDYYUL
3. Grot Ya. K. Pis'ma Lomonosova i Sumarokova k I. I. Shuvalovu // Materialy dlya istorii rus. obrazovaniya. SPb.: tip. Imp. Akad. nauk, 1862. 52 s.
4. Dorfman I. I. Rechevoi zhanr privetstviya/proshchaniya v epistolyarnom nasledii A. P. Chekhova // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2011. № 132. S. 86-91. EDN: OPXTLR
5. Zhivov V. M. Pervye russkie literaturnye biografii kak sotsial'noe yavlenie: Trediakovskii, Lomonosov, Sumarokov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1997. 61 s.
6. Kulakova I. P. Mikhail Lomonosov: Zhiznennye strategii v kontekste epokhi // Vestnik Mosk. Un-ta. Ser. 8. Istorya. 2011. № 5. S. 16-38. EDN: OTSARV
7. Kur'yanovich A. V. Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti russkogo epistolyariya pervoi treti KhKh veka: uzus i idiostil' (na materiale pisem M. V. Nesterova, F. I. Shalyapina, V. I. Vernadskogo, M. I. Tsvetaevoi). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2012. 308 s.
8. Kur'yanovich A. V. Epistolyarii D. D. Shostakovicha kak sposob avtorskogo samovyrazheniya // Vestnik nauki Sibiri. 2013. № 2. S. 142-150. EDN: QCOOML
9. Lomonosov M. V. Polnoe sobranie soчинений / AN SSSR. M.; L., 1950-1983. T. 10: Sluzhebnye dokumenty. Pis'ma. 1734-1765 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 607-

888.

10. Matveev E. M. K voprosu o bibleiskikh i bogosluzhebnykh zaimstvovaniyakh u M. V. Lomonosova // Slov'ne. International Journal of Slavic Studies. 2017. № 1. S. 393-412. DOI: 10.31168/2305-6754.2017.6.1.16 EDN: UUVQES
11. Mirgorodskii A. A. Problema cheloveka v filosofii frantsuzskogo Prosveshcheniya // Kul'tura i tsivilizatsiya. 2024. № 2 (20). S. 31-40.
12. Mikhail Vasil'evich Lomonosov. Perepiska. 1737–1765. M.: Lomonosov, 2010. 509 s.
13. Nguen Tkhi Le Kuen. Yazykovye osobennosti podpisi v pis'makh A. P. Chekhova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 5 (71), ch. 2. S. 122-125.
14. Pekarskii P. P. Iстория Imperatorskoi akademii nauk v Peterburge. V 2-kh tt. T. 2. SPb.: izdanie Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imperatorskoi akad. nauk, 1873. 1042 s.
15. Pis'ma russkikh pisatelei XVIII veka. L.: Nauka, 1980. 472 s.
16. Polonskii D. G. Samoidentifikatsiya russkogo dvorianstva i petrovskaya reforma epistolyarnogo etiketa (konets XVII – nachalo XVIII v.) // Pravyashchie elity i dvorianstvo Rossii vo vremya i posle petrovskikh reform (1682–1750). M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2013. S. 234-255. EDN: SJQHVD
17. Priklady kako pishutsya komplementy raznye na nemetskem yazyke, To est' pisaniya ot potentatov k potentatom, Pozdraviteльnye i sozhaletelnye, i inye: Takozhde mezhdu srodnikov i priyatelei. Perevedeny s Nemetskogo na Rossiiskii yazyk na pechatanye poveleniem blagochestiveishago velikogo Gosudarya Tsarya, I velikogo Knyazya PETRA ALEKSIEVICH A Vseya velikiya i malyya ibelyyya Rossii samoderztsa. V tsarstvuyushchem velikom Grade Moskve. Apr. 1708.
18. Prokurovskaya P. A. Samoimenovanie M. V. Lomonosova v pis'makh // Russkaya rech'. 1993. № 4. S. 79-82.
19. Sapozhnikova N. V. Filosofsko-antropologicheskaya priroda epistolyarnogo diskursa: avtoref. dis. ... d-ra filosofskikh nauk. Ekaterinburg, 2005. 50 s. EDN: ZMXUQD
20. Stroev A. "Moya chernil'nitsa menya ub'et": epistolyarnye dosugi Fridrikha Mel'khiora Grimma // NLO. 2004. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/str7-pr.html> (data obrashcheniya: 29.09.2025).
21. Suleimanova M. A. Epistolyarnye teksty M. Tsvetaevi: proyavlenie lingvisticheskoi kreativnosti elitarnoi yazykovoi lichnosti. // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2008. S. 248-253.
22. Surovtseva E. V. Vzaimootnosheniya M. V. Lomonosova i A. P. Sumarokova skvoz' prizmu ikh epistolyarnykh obrashchenii k I. I. Shuvalovu // Problemy i tendentsii razvitiya sotsiokul'turnogo prostranstva Rossii: istoriya i sovremennost'. Bryansk: "Bryanskii gosudarstvennyi inzhenerno-tehnologicheskii universitet", 2021. S. 265-272. EDN: ZGPDPH
23. Surovtseva E. V. M. V. Lomonosov i Akademiya nauk (na materiale pisem I. I. Shuvalova i M. I. Vorontsova) // Strana-nauka-lyudi: k 300-letiyu Rossiiskoi akademii nauk. Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Otv. redaktor V. A. Veremenko. Sankt-Peterburg, 2023. S. 44-49. EDN: ULSEBS
24. Surovtseva E. V. M. V. Lomonosov o svoem literaturnom i nauchnom tvorchestve (na materiale pisem I. I. Shuvalova) // Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psichologiya. 2022. № 3. S. 59-64. EDN: VVEBAT
25. Surovtseva E. V. O chem pishut vlastyam? Tematika pisem M. V. Lomonosova I. I. Shuvalova // Sotsial'no-gumanitarnye innovatsii: strategii fundamental'nykh i prikladnykh nauchnykh issledovanii. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Orenburg, 2022. S. 155-157. EDN: HXIVQO

26. Filippov A. K., Filippov K. A. Nekotorye osobennosti abbreviatsii v nemetskikh tekstakh M. V. Lomonosova // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 5 (104). S. 131-142. DOI: 10.23859/1994-0637-2021-5-104-11 EDN: IZCIT
27. Khalatyan A. A., Kur'yanovich A. V. Epistolyarii V. Mayakovskogo kak diskursivnoe prostranstvo avtorskoj samoprezentatsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2024, Vyp. 6. S. 7-16. DOI: 10.23951/1609-624X-2024-6-7-16 EDN: KLJYWH
28. Yazyk pisem M. V. Lomonosova: materialy dlya slovarya / [K. R. Galiullin i dr.]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2007. 202 s.

Towards the possibility of "bodily-oriented" design: an environmental perspective

Filonenko Nadezhda Sergeevna

PhD in Art History

Associate Professor, Department of Graphic Design, Ural State University of Architecture and Art named for N. S. Alferov

Karl Liebknecht str., 23, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, 620075, Russia

 philonenkonadezhda@mail.ru

Kazakova Natal'ya Yur'evna

Doctor of Art History

Professor, Department of System Design, A. N. Kosygin Russian State University

119071, Russia, Moscow, Malaya Kaluzhskaya str., 1

 kazakova-nu@rguk.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the role that design has to play in the modern world, being a tool for alienating a person from his own body. According to the authors of the article, only thinking that inherits a different civilizational and cultural code from the Western one can resist the process of dehumanization of design, conditioned by the very logic of the development of Western civilization. Following the American design philosopher T. Fry, the authors consider the type of thinking rooted in the Eastern tradition to be promising today, since it is based on the idea of the world as a "single body". According to the philosopher, being, in essence, relational-correlative, this thinking can allow a Westerner to "stand" in an ever-changing world.

In order for a Western person to start thinking truly "sustainably", he needs to start living the experience of his body in a different way, relying on a different understanding of corporality. Therefore, the purpose of the article is to answer the question of what it means for a designer today to "think bodily" based on the Eastern understanding of corporality.

The authors of the article identify the main aspects of the "consciousness" of the body, which, in turn, is the support for the "bodily-oriented" thinking of the designer. Interaction with the world at the body level presupposes spontaneity (when the designer creates a sketch "instantly", but as if in passing) and relevance (when the design decision exactly corresponds to the time and place). The response occurs under the condition that the designer is internally calm, "empty", that is, likened to the world. The authors of the study conclude that for an Oriental designer, "thinking bodily" still means feeling the living connection of everything with everything in this world.

Keywords: the Eastern design approach, resonance in body, corporeality, bodily experience, sustainability, bodily-oriented epistemology of design, bodily-oriented design, embodied design thinking, Japanese design, Tony Fry

References (transliterated)

1. Rybin V. A. Transgumanizm kak problema ekologicheskogo krizisa. // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 13 (409). Filosofskie nauki. Vyp. 46. S. 5-15.
2. Höök K. Designing with the Body: Somaesthetic Interaction Design. Cambridge(USA), London: The MIT Press, 2018.
3. Maldonado T., Bonsiepe G. Science and Design. // Ulm. 1965. No. 10/11. Pp. 10-29.
4. Krippendorff K. The Semantic Turn. Boca Raton, Florida: CRC Press, 2005.
5. Savchuk V. V. O predmete mediafilosofii. // Mezhdunarodnyi zhurnal issledovanii kul'tury. 2011. № 3(4). S. 6-10.
6. Noguchi H. The Idea of the Body in Japanese Culture and its Dismantlement. // International Journal of Sport and Health Science. 2004. No. 2. Pp. 8-24.
7. Murata Ch. Zero kara no bijinesu inobeshyon – kansei potensharu shikoho [Myshlenie «Potentsial'nayachuvstvitel'nost'»]. Tokyo: Seisansei Shuppan, 2017.
8. Sato T. So-suru shiko [Plastichnoemyshlenie]. Tokyo: Shincho-sha, 2024.
9. Frai T. Defuturatsiya: novaya filosofiya dizaina. M.: «Delo» RANKhiGS, 2023.
10. Svirskii Ya. I., Arshinov V. I. Relyatsionno-transduktivnoe myshlenie kak aspekt myshleniya-vmeste-so-slozhnost'yu: opyt kognitivnogo pogruzheniya. // Nauka i fenomen cheloveka v epokhu tsivilizatsionnogo makrosdviga. M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, 2023. S. 158-266.
11. Penny S. Making Sence: Cognition, Computing, Art and Embodiment. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2017.
12. Johnson M. The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
13. Yoshioka T. Mienai katachi. [Nevidimye formy.] Tokyo: Esquire Magazine Japan, 2009.
14. Ando T., Furuyama M., Migayrou F., Lavisgnes S., Blistene B. Tadao Ando: Endeavors. Paris: Flammarion, 2019.
15. Shirazi M. An Investigation on Tadao Ando's Phenomenological Reflections. // Armanshahr Architecture & Urban Development. 2012. No. 5 (8). Pp. 21-31.
16. Ando T., Frampton K. Tadao Ando. New York: Museum of Modern Art, 1991.
17. Kuma, Kengo. Basho genron – kenchiku wa ika ni shite Basho to setsuzoku suru ka [Teoriyamesta: yavlyaetsyaliarkhitekturaprodolzheniemmesta?]. Tokyo: Ichigaya Shuppan-sha, 2012.
18. Wang Sh., Ged F., Pechenart E., Horko K. Wang Shu: construire un monde different conforme aux principes de la nature: Building a Different World in accordance with Principles of Nature. Paris: Editions des Cendres, 2012.
19. Malyavin V. V. Prostranstvo v kitaiskoi tsivilizatsii. M.: Feoriya, 2014.
20. Hui Yu. Art and Cosmotechnics. New York: e-flux, 2021.
21. Ocheretyanyi K. A. Telo cheloveka – zona otchuzhdeniya: k vozmozhnosti somaticeskoi epistemologii. // Studiaculturae. 2017. № 2 (32). S. 127-136.
22. Savchuk V. V. Topologicheskaya refleksiya. M.: Kanon + ROOI «Reabilitatsiya», 2012.
23. Hara K. Dezain-no dezain. [Dizaindizaina] Tokyo: Iwanami shoten, 2018.

24. Schusterman R. Somaesthetics and Architecture: A Critical Opinion. // Architecture in the Age of Empire: 11th International Bauhaus-Colloquim. Weimar: Bauhaus-University, 2009. Pp. 283-99.
25. Kawai, H. Shiawase megane [Ochkischast'ya]. Tokyo: Kaimei-sha, 1998.

On the Ontology of Digital Sensitivity: Simondon, Latour, and Stiegler on a New Perceptual Grammar

Sayapin Vladislav Olegovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

392000, Russia, Tambov region, Tambov, Internatsionalnaya str., 33

 vlad2015@yandex.ru

Abstract. In the era of total digitalization, when artificial neural networks curate our attention and social networks function as machines for producing affects, the question of how we perceive the world takes on not just an academic but a sharply social character. This article proposes a radical ontological shift in understanding the digital age, asserting that the key political field of the 21st century is the very structure of human perception. Through the synthesis of the concepts of technical individuation by Simondon, Stiegler's "pharmacology" of attention, and Latour's actor-network theory, we demonstrate that digital technologies are not merely tools but active co-architects of a new "perceptual grammar." This grammar is a hidden set of rules and filters that determine what can be seen, heard, and felt. It is produced in hybrid networks where algorithms, interfaces, and user practices interweave into a new mode of sensibility that requires its own deconstruction. The novelty of the approach lies in the rejection of viewing technology as a neutral mediator. Hence, the methodological approach of the research is based on the sequential application of three theoretical optics: the concept of individuation (Simondon), actor-network theory (Latour), and the pharmacological approach (Stiegler). This three-tiered method, ascending from ontological justification through empirical tracing to critical evaluation, allows us not only to describe but also to problematize the politics of digital sensitivity in all its complexity. The relevance of this research is determined by the unprecedented challenge that technological platforms pose to human agency and autonomy. If Simondon provides an ontological basis by understanding technology as a condition for the possibility of individuation itself, and Latour serves as a method for empirically tracing the assemblages that produce reality, then Stiegler introduces a critical and political vector. His analysis of the "proletarianization of sensitivity" under the pressure of the attention industry allows us to pose the following central question: "Whose interests and what logics (economic, political, ideological) crystallize in this new perceptual grammar?" Thus, the article insists that the struggle for the future is a struggle for the very "material" of experience and calls for the development of a new "therapeutics" of digital sensitivity capable of resisting its total capitalization.

Keywords: quasi-object, actor, pharmacon, individuation, transindividual, pre-individual, Latour, Stiegler, Simondon, actor-network

References (transliterated)

1. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
2. Simondon G. L'individu et sa genèse physico-biologique. Paris: Presses universitaires

- de France, 1964. 304 p.
3. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
 4. Simondon G. Gilbert Simondon: une pensée de l'individuation et de la technique. Paris: Albin Michel, 1994. 278 p.
 5. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
 6. Arshinov V.I., Svirskii Ya.I. Slozhnostnyi mir i ego nablyudatel'. Ch. 1-ya // Filosofiya nauki i tekhniki. 2015. № 2. S. 70–84. EDN: VCVPHD
 7. Ivakhnenko E.N. Khrupkii mir cherez optiki prostoty i slozhnosti (Ch. 2) // Obrazovatel'naya politika. 2020. № 4 (84). S. 16-27.
 8. Kerimov T.Kh., Krasavin I.V. Slozhnost' – obshchaya, ogranicennaya i organizovannaya: problema, metodologiya i osnovnye ponyatiya // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. 2024. T. 12. № 2. S. 108-119. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.06 EDN: WRRJCX
 9. Sayapin V.O. Tekhnosotsial'naya slozhnostnost' kak problema individuatsii: vzglyad Zhil'bera Simondona // Filosofskaya mysl'. 2025. № 7. S. 85-107. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.7.74957 EDN: CUNGKU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74957
 10. Stigler B. Trevozhashchaya strannost' mysli i metafizika Penelopy // Psikhicheskaya i kollektivnaya individuatsiya. M.: IOI, 2023. S. 7-24.
 11. Stiegler B. Chute et élévation. Apolitique de Simondon // Revue philosophique de la France et de l'étranger. 2006. Vol. 131 (3). P. 325-341.
 12. Latour B. We Have Never Been Modern. Harvard University Press, Cambridge MA, 1993. 157 p.
 13. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford, UK: Oxford UP, 2005. 312 p.
 14. Latur B. Paster. Voina i mir mikrobov, s prilozheniem "Nesvodimogo". SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. 316 s.
 15. Latur B. Ob aktorno-setevoi teorii. Nekotorye raz"yasneniya, dopolnennye eshche bol'shimi uslozhneniyami // Logos. 2017. T. 27. № 1. S. 173-200. EDN: WABGMB
 16. Latour B. Morality and Technology: The End of the Means // Theory, Culture & Society. 2002. Vol. 19 (5). P. 247-260. DOI: 10.1177/026327602761899246 EDN: JTTJMB
 17. Pisarev A., Astakhov A., Gavrilenko S. Aktorno-setevaya teoriya: nezavershennaya sborka // Logos. 2017. № 1. S. 1-40. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-1-34 EDN: YLPVOJ
 18. Latour B. On actor-network-theory: A Few Clarifications plus more than a few Complications // Soziale Welt. 1999. No. 47. P. 369-381.
 19. Stiegler, B. Technics and time. Part 1. The fault of Epimetheus. Stanford, CT: Stanford University Press, 1998. 316 p.
 20. Stiegler, B. Technics and time. Part 2. Stanford, CT: Stanford University Press, 2009. 285 p.
 21. Stiegler B. Technics and Time. Part 3. Stanford, CT: Stanford University Press, 2010. 280 p.
 22. Stiegler B. For A New Critique of Political Economy. Polity Press, 2010. 154 p.
 23. Marcuse H. The Containment of Social Change in Industrial Society // Towards A Critical Theory of Society Routledge. London & New York, 2001. P. 83-94.